

"Стремительный (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Фото отсутствует

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ

Книга: *Стремительный*

Автор: *Джемма Джеймс*

Рейтинг: 18+

Серия: *Осужденные #1 (про одних героев)*

Номер в серии: 1

Главы: *Пролог+21 глава*

Переводчик: *Леся Донец*

Редакторы: *Дарья Терентьева, Татьяна Шерстобитова*

Вычитка и оформление: *Натали Иванцова*

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения переводчиков запрещено!

Специально для группы: K.N

(https://vk.com/kn_books)

Аннотация

Она отправила невиновного человека в тюрьму. Теперь, восемь лет спустя, он оплатил ей тем же...

Я была одержима Райфом Мейсоном с тринадцати лет. Патологическая часть этой истории заключается в том, что я все еще хочу его, даже сейчас.

Теперь, когда он держит меня в плену на острове.

У Райфа есть свои причины для этого, и, если быть честной, я не виню его. Я девушка, которая отправила его в тюрьму, обвинив в ужасном преступлении, которое он не совершал.

Но он на свободе и все поменялось... Теперь им движет одержимость.

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Для моего мужа Джеймса, чья поддержка и поощрение значит для меня все. Спасибо за веру в меня, даже когда я сама в себя не верю. Я люблю тебя.

Пролог

Алекс

Мы ушли с кладбища два часа назад, но безжизненные глаза мамы все ещё преследуют меня. Воспоминание о том, как я нашла её мертвой в ванной, заполненной мутной водой с кровью, врезалось в мою память как тату, которое я не могу стереть.

Я стояла в своей идеально украшенной кружевом спальне и чувствовала наступающую истерику. Печаль внутри меня вернулась и закипела с новой силой. Я сжала руки и скрестила их над вздымающейся грудью, но не могла остановить бурю. Я и так слишком долго сдерживала себя. Я ненавидела свою идеальную комнату, идеальную семью, идеальную жизнь. Выходы в свет были лживыми, мы ввали, пытаюсь скрыть горькую правду.

— Открой дверь, Лэкс!

В дверь стучали кулаком, и я закрыла уши, чтобы заглушить удары моего сводного брата. Слезы от обиды и несчастья вырвались наружу, как бы я не пыталась себя сдерживать. Я была не в состоянии мыслить здраво. Картинки в моей голове мерцали, как в детском стереоскопе.

Я вновь вспомнила ужасную реакцию мамы, когда она услышала мой крик ночью, вновь услышала осуждение в её голосе, когда она кричала на Зака, заставляя его выйти из моей комнаты. А также я все ещё видела ее большие глаза, такие же зеленые как мои, смотрящие застывшим взглядом, открытые и пустые, как и вытекающая из ее запястий жизнь.

— Впусти меня!

— Уходи! — кричала я, подражая манере его голоса. Я не могла перестать плакать, в попытках сдержаться, мое тело трясло. Я была в ловушке внутри себя, заключенная в гнев и отчаянии. Борясь с необходимостью что-то порвать, я вонзила ногти себе в руки.

Никогда не забуду её лицо. Её красивое лицо, перекошенное шоком и отвращением от того, что она увидела. Мне было слишком стыдно, чтобы объяснить. Теперь же стало слишком поздно. Я никогда не увижу её снова, никогда не вдохну ее сладкий аромат жасмина.

Это вина Зака. Моя вина.

Мои ногти начинали медленно белеть, почти по собственному желанию, оставляя гадкие красные полосы. С бешеным криком я швырнула стул в зеркало. Мое отражение рассыпалось на маленькие кусочки, точно так же, как и моя душа. Я была неудержима, обезумев от желания разрушать и разбивать, я кричала вновь и вновь. Дыхание участилось, я скинула на пол свечи, за ними последовали фотографии и косметика. Вся моя косметика разбилась на безупречном белом ковре, который теперь был испорчен буйством красок, но давление в груди все не утихало.

Стук в мою дверь повторился, и я подумала, что услышала голос, похожий на голос Зака. Наверное, это всего лишь мое воображение. Папа закрылся в своей ванной, так же как и я, но у него хотя бы было успокоительное и составляющая ему компанию бутылка Джека.

Лучи вечернего солнца проникали сквозь кружевные занавески и ложились мне на лицо. Я нахмурилась. Небо было ясным, а должно было затопить всю планету. В этот день, когда я смотрела, как мою мать опускали в землю, весь гребаный мир должен был плакать до тех пор, пока их глаза не начали бы кровоточить.

Схватив с тумбочки лампу, я выкинула её в окно, звук разбитого стекла был мне как бальзам на душу. Я кричала, пока мой голос, как и силы, не покинул меня. Дверь была выбита ударами Зака, который хотел попасть внутрь, а я упала навзничь, приземлившись на кровать.

— Оставь меня в покое, — сказала я рыдающим голосом. Он никогда не заходил настолько далеко, чтобы выломать мою дверь. Моя комната была моей святыней, кроме тех немногих ужасных случаев, когда он поджидал меня в темноте; в те времена, когда я была недостаточно быстрой, чтобы сбежать в свои четыре стены и повернуть ключ в замке.

— Не трогай меня!

Сильные пальцы обхватили мои запястья и прижали их к бокам, но на меня смотрели вовсе не глаза брата, это были зеленые глаза Райфа. Напряжение покинуло меня, я почувствовала себя невесомой и с облегчением выдохнула, когда он опустил передо мной на колени и уперся локтями мне в колени. Мы оказались заперты в промежутке времени, в котором существовали

только мы, словно весь остальной мир исчез.

— Я с тобой. Все будет хорошо, — его руки обнимают мое дрожащее тело и я обмякла в его руках, словно в коконе.

Зак, скрестив руки, стоял в стороне и бросал в нашу сторону ненавистные взгляды. Я напряглась, боясь приступа ревности, и даже тепло тела Райфа не могло заглушить холод, что охватил меня. Я очень хотела ему верить, но ничего больше не будет хорошо.

Первая глава

Побег

Алекс

8 лет спустя

Когда речь шла о карме, я была скептиком, хотя и верила в нее. Иногда приходится уравнивать весы, в противном случае мир поменял бы свои оси и погрузился в полный хаос. Благодаря каким-то сверхъестественным силам я ощущала, что у меня проблемы. И была как никогда права, я получила листочек бумаги, на котором было всего четыре слова: «Я иду за тобой».

Я нашла её у себя под дверью. Я не спрашивала, кто мог оставить это, ведь только один человек в мире имел причины оставить это предупреждение, и если учитывать тот факт, что он вышел из тюрьмы три недели назад, у меня не было сомнений. Я со страхом подумала о том моменте, когда столкнусь с ним. Ну, или нет.

Мои колени начали дрожать и я села на кровать. Внезапно начался ливень, загремев по подоконникам моих окон. Я не собиралась заходить домой больше, чем на пару минут, но, видимо, я забежала именно в подходящий момент. Начало сильного дождя и порывы ветра, наверное, были предзнаменованием.

Он шел за мной, и я это заслужила.

В дверь постучали, и я подпрыгнула как испуганный котенок. Я спрятала записку в ящик прикроватной тумбочки и вернулась в фойе, распахнула двери и почти ожидала найти Райфа с другой стороны.

Это был Зак, не Райф, он топтался на пороге. Почти сразу же, мне в нос ударил сильный запах виски.

— К черту всё, ты не выйдешь замуж за него, — сказал он с презрением.

Я отступила назад, но наткнулась на стену в фойе.

— Я схожу с ума, Лэкс. Посмотри, что ты сделала со мной.

Поправляя свои каштановые волосы, он качнулся и, чтобы не упасть, оперся на мое плечо.

— Ты сам сюда приехал?

— Конечно же, нет, я не идиот!

— Я знаю, что ты не...

Он схватил меня за подбородок, метая глазами молнии.

— Ты отменишь эту грёбаную помолвку, ты меня поняла?

Всеобъемлющий страх охватил меня.

— Папа настаивает на этом.

Я пропустила один, два, три удара сердца, которые эхом отдавались в моих ушах.

— Так же как он настаивал на том, чтобы я встречалась с Лукасом. Я думаю, он знает.

— Знает что?

Его пальцы отпустили мой подбородок, я смотрела на свои ноги в туфлях на высоченных каблуках, подходящих под мое черное платье, которое я одела на ужин, где Лукас Перрони сделал мне предложение.

— О нас.

Он запнулся, открыв рот, и это был самый необычный взгляд. Зак обычно нормально реагировал на слова, угрозы, оскорбления. Он моргнул и этот взгляд пропал.

— Мне все равно, о чем твой отец знает, или нет. Ты разорвешь помолвку и никогда больше его не увидишь.

Будто решив проблему, он, пошатываясь, прошел в гостиную, где уместился на диване, закинув на него одну ногу, а вторая отдыхала на полу. Я отвела взгляд от выпуклости под его молнией.

Нужно срочно выпроводить его из моего дома.

— Я вызову такси. Мы поговорим об этом завтра, я обещаю.

Он усмехнулся.

— Мое такси только что уехало, и мы поговорим сейчас, — он выгнул бровь над узкими карими глазами. — Иди сюда. Он похлопал себя по коленям.

Я отступила назад, мотая головой.

— Нет? Ты хочешь грубости? Да?

Я не хотела ничего, но знала, что лучше промолчать. Я почесала руку, надавливая немного сильнее, чем обычно.

— Ты думаешь, что женитьба на сорокалетнем ванильном старике «починит» тебя? Сделает тебя нормальной? Мы оба знаем, что ты никто, кроме как хорошая шлюха.

Я стиснула зубы. Его слова калечили мою душу больше, чем его руки, особенно если учесть то,

что он единственный мужчина, с которым я спала. Каждый взгляд парня на меня воспринимался как угроза, как будто я нуждалась в их внимании, а с того момента как папа свел меня с Лукасом, он стал абсолютно неуправляем.

Папа всегда решал за меня, начиная со школьной программы и заканчивая моей основной профессией. Я получила степени в области бухгалтерского учета и бизнеса, но не питала никакого желания использовать их. Он надеялся, что я стану наследницей семейного дела, но в отличие от него и Зака у меня не было никакого интереса к смешанным единоборствам и работе в офисе или в учебных центрах.

Мне плевать, что у нас с ним разные ДНК. Мама вышла замуж за Эботта Де Лука, когда мне было шесть, но он всегда был для меня как родной отец, особенно с того момента, как он официально удочерил меня, и таким образом, я никогда не воспринимала Зака как сводного брата. Не там, где он рассчитывает. Эта часть потерялась в море правильного и неправильного и стала недопустимой.

Я сложила руки и попятилась назад, поставив тем самым ещё один фут расстояния между нами. Кроме моего брата, никто и никогда не заставлял меня чувствовать себя так неудобно в моем собственном доме и в моей шкуре.

Он стал злым из-за того, что я не ответила ему.

— Ты моя шлюха, да, Лэкс?

Он оттолкнулся от дивана, как будто только что понял, что я пятилась назад, и схватил меня за руки.

— Моя маленькая шлюха, которая любит быть хорошо оттраханной.

— Ты делаешь мне больно, — почти шепотом сказала я, но его пальцы сдавили ещё сильнее.

— Но не так больно, как ты мне! — он прижал меня к стене, разводя мои запястья по обеим сторонам от моей головы. — Ты знаешь, что мы принадлежим друг другу. У тебя никогда не получится держать меня подальше от себя. Никогда.

— Отпусти меня.

Его лицо приблизилось к моему, губы слегка приоткрыты, а его карие глаза задержались на кольце на моем пальце. Я развернула свою ладонь, пока огромный бриллиант не коснулся стены, скрывая его от него.

— Я не буду просто так стоять и смотреть, как ты выходишь замуж за этого ублюдка. Я убью себя, точно так же, как и твоя мать.

Я ахнула, зловещие воспоминания того, как умерла моя мать, проглотили все, что осталось от меня. У меня не было для него ни ответа, ни возражений, ни мольбы. Он больно ранил меня, как, впрочем, и всегда. Я попыталась представить, что если он правда это сделает, но вместо отчаяния я нашла остатки печали и облегчение. Мне стало стыдно, я не должна чувствовать печаль после того, что он сотворил, и я не должна чувствовать облегчение, потому что он все еще был моим братом.

— Скажи что-нибудь! — кричал он, трясая меня, его лицо искривилось от недоумения. — Ты не слышишь меня? Я не шучу! Я сделаю это.

— Ты не знаешь, что ты говоришь. Ты выпил сл...

— Я как раз знаю, что говорю. Я не хочу жить, если ты не будешь моей. Поэтому ты не выйдешь за него.

— Я не выйду за него.

Я сглотнула и стала считать секунды. Пять секунд, вдох, задержать, пять секунд, выдох. Повторить. Все это время я молилась, чтобы он оставил эту тему, отпустил меня и ушел.

Но у него были другие планы. Его рот с жадностью впился в мой, язык проник внутрь. Я не боролась с ним. Я давно поняла, что это не приведет ни к чему хорошему. Он станет только грубее, злее и в какой-то момент просто возьмет меня силой.

Я закрыла глаза и представила себя где-то далеко. Послышался звук расстегивающейся молнии, он обхватил мою задницу руками и поднял меня.

— Моя девочка, — сказал он, когда мои ноги автоматически обхватили его, платье задралось к талии. Он отодвинул мои трусики и вошел в меня, что-то говоря себе под нос. Его руки сильно сжали мои запястья по обеим сторонам от головы, он резко входил и выходил, с каждым сильным толчком толкая меня выше. Я еле сдерживала рвоту, горящую в моем горле. Ещё один толчок, ещё один вздох.

— Больше никакого Лукаса.

— Никакого Лукаса... — я скривилась, так как он ускорил темп.

— Не избегай меня больше никогда.

Я согласилась и с этим тоже. Я соглашалась на все, когда он трахал меня. Иначе буду побитой, в синяках и эмоционально разбитой, потому что, чем больше я борюсь с ним, тем больше боли он мне причиняет.

Зак не церемонился и быстро загонял меня в угол, в отличие от Лукаса, который оберегал меня, но я не была настолько наивной, чтобы думать, что он убережет меня от него. Даже выйдя за него замуж, я бы принадлежала Заку.

Зак, наконец-то, ослабил хватку и позволил моим ногам коснуться пола. Я потерла запястья в тех местах, где его руки оставили красные следы и делали меня слабой, белые следы от моих ногтей были заметнее. Он взял мое лицо в свои руки, пальцами удерживая подбородок, и его взгляд впился в меня.

— Ты не кончила.

— Я кончила, — сказала я быстро, потому что тот факт, что я не получила оргазм, его всегда злил. — Я клянусь, я...

— Ты не кончила. Не ври мне. Я всегда знаю, — его взгляд прошелся по моему платью. — Сними его.

— Ой, да ладно, Зак, ты не должен...

— Сними его.

Я расстегнула платье и позволила ему упасть к моим ногам, моя грудь повисла, так как я была без бюстгалтера, он толкнул меня через комнату и усадил на диван, раздвигая бедра. Опустившись на колени, он подвинул меня к своему рту, пока моя задница на половину не свесилась с дивана, мои ноги свисали по обе стороны его плеч.

В тот момент, когда он сорвал с меня трусики, мои мысли опустели, так как признать мои стоны было слишком унижительно. Смутно вспоминаю, как он терзал мои соски, а потом сильно шлепнул мою грудь. Он медленно втолкнул пальцы в мою киску, и после того как довел меня до оргазма, заставил меня сосать его пальцы, засовывая их глубоко мне в рот, этим как бы подчеркивая, что это он помог мне кончить.

— Только я, Алекс. Никто другой.

Затем он ушел, а я пошла под горячий душ. Глаза закрыты, руки сжаты в кулаки. Я боролась с желанием не разбить их в кровь. Только капли воды из душа стекали по моим щекам. Я никогда не плакала. Я не позволяла себе эту роскошь. Меня начала бить легкая дрожь, и я попыталась держать себя в руках, вспомнила его вопрос, который он задал, прежде чем уйти.

— Ты всё ещё любишь его?

Мой отказ не успокоил его, и его прощальные слова гремели в моей голове:

— Если ты появишься рядом с ним, я испорчу его жизнь. Его сейчас намного легче достать, правда?

Мысли о том, что мой брат ранит Райфа, ужасала меня, так что я сказала Заку, что ничего о нем не слышала. Это была ложь, ведь я была уверена, что записка была от Райфа.

Неужели у меня всегда будет такая жизнь? Ложь на лжи, лишь порой смешанная с правдой?

Я могла бы уйти. Как и хотела раньше, даже попыталась однажды, хотя на полпути в Калифорнию я передумала. Слишком много близких мне людей пострадало, как и парень, с которым я объединилась для научного проекта. Он сделал ошибку, запав на меня, и Зак просто избил его, оставив сломанные кости и разбитое лицо. Папины деньги решили и эту проблему.

Были и другие, но Зак их просто запугивал, имея репутацию отличного борца. Они молча страдали от его ярости. Хотя страх возмездия не был единственным, что удерживало меня от бегства. У меня была надежда, что когда-нибудь Райф простит меня.

Невозможно. То, что я сделала, было непростительно.

Стоя на перекрестке путей, я должна была найти в себе силы, чтобы двигаться дальше. Взглянула на то кольцо, что вчера вечером Лукас одел мне на палец. Неважно, что хотел папа, связывая себя с человеком, которого я не люблю, я ничего не изменю. Так же Зак всё равно будет тянуть меня за нити.

«Хоть раз в жизни, Александра, сделай правильный выбор!»

Голос моего отца звучал в голове. Он всегда это говорил, когда я что-то портила. А я много что испортила. Вся моя жизнь была полным провалом.

Я выключила воду, обернула вокруг себя полотенце и пошла в спальню, затем вывалив вещи из шкафа, переоделась в джинсы и футболку. Я слепо бросила одну половину на кровать, а вторую

половину вещей в сумку. Деньги, которые я хранила под матрасом, тоже отправились в сумку. Больше ничего не нужно. Только я и повод уйти.

Это было тяжелее всего.

Я сняла кольцо и положила на прикроватный столик. Ноги в последний раз погрузились в плюшевый ковер. Воспоминания нахлынули.

Приятный вкус свободы, всего в нескольких шагах. Нужно лишь сделать первый шаг. Я покинула спальню и спустилась в фойе, словно подросток, который сбегает ночью из дома. Я чувствовала себя ребенком, волнение охватило меня, когда я приблизила руку к двери.

Трепет в животе. Неужели Зак действительно ранит Райфа, если я уйду, он ведь был его лучшим другом?

В дверь постучали, и я убрала руку назад. Через несколько секунд стук повторился. Положив вещи за спиной, я открыла дверь, и мое дыхание сбилось, как только я произнесла его имя.

— Райф.

Он был здесь, стоял прямо передо мной, и мои колени почти подогнулись, теперь еще сильнее, чем когда я обнаружила записку. Дождь и ветер дул в лицо. Они придали мне спокойствия, несмотря на то, что на улице было темно и страшно.

Я была идеальной жертвой в этот момент, слишком ошеломлена, чтобы держать голову прямо. Я отшатнулась. Это был второй человек, который вошел в мой дом сегодня ночью.

Вторая глава

Возмездие

Райф

Я всегда фантазировал о том, как буду добиваться женщину, *действительно*, что это за ощущение, когда она постепенно становится твоей, пока Алекс не убил меня своей маленькой ложью. Многие могли поменяться за восемь лет. Блядь, я помню её пятнадцатилетней девочкой, немного сложно теперь воспринимать её как взрослую женщину. Хотя мой член думал иначе, это не может ждать до её поездки на острова Мейсона.

Задвинув засов, я прислонился к двери и смотрел на нее с безразличием, которого не испытывал. Господи, спаси меня, я не мог оторвать взгляд от темных волос, которые каскадом спадали на её тонкие плечи. Стройная шея привлекла мое внимание, и я представил, как сжимаю её горло, выдавливая из неё жизнь, представил панику в её глазах, пока она не потеряет сознание.

— Скучала по мне? — спросил я.

Ее широко распахнутые глаза при виде меня стали еще больше.

— Что?

Я скрестил руки на груди, зная, что мои бицепсы вздулись.

— Я не заика, милая. Это было давно. Так ты скучала по мне?

— Скучала ли я? — она потрясла головой, как будто я произнес самый глупый вопрос, который она слышала. — Что ты хочешь, Райф? — нервно прошептала она.

— Я думал, ты знаешь.

Ты не можешь отправить невинного человека в тюрьму и при этом не иметь никаких последствий. Кроме того, Алекс не знала две хрени обо мне. Настоящий Райф Мейсон собирался творить правосудие над ней, например, заперев её голую задницу в клетке.

Она опустила глаза, но я рявкнул, чтобы она смотрела на меня.

— Если бы я могла повернуть время назад, я бы все исправила, — сказала она, поджав свои трясущееся губы и медленно отодвигаясь назад.

— А как насчет сейчас? — я поднял голову. — Что ты изменишь сейчас? Ты возьмешь вину на себя? Неделю спустя? А может месяц? А может после того, как я пробуду там пару лет? *Восемь гребанных лет*, Алекс. Вот, на что ты обрекла меня.

— Я не знаю, что ты хочешь от меня теперь, — ещё два шага назад.

Я оттолкнулся от двери и последовал за ней, засунув руки в карманы пальто, сжимая шприц.

— Я хочу знать, почему ты врала, — я ждал слишком долго, чтобы задать этот вопрос. — У тебя даже не хватило тогда смелости прийти на судебное заседание.

Она отказалась хотя бы раз встретиться со мной глазами. Это не удивило меня практически так же, как и пренебрежительное обращение Зака. Как он только поверил, что из всех людей я сотворю что-то настолько мерзкое с Алекс, это было за гранью моего понимания. Должно быть, для своей семьи она разыграла настоящий спектакль, так как ее показания в суде звучали механически, словно считываемый с бумажки текст.

Тогда, в зале суда, она лишила меня всего. Моей карьеры, друзей, свободы и она даже не испытывала никакого осуждения когда делала это.

— Я... я не могу говорить сейчас, — сказала она дрожащим голосом. — Мне нужно идти.

Стремительно двинувшись мимо меня, она побежала к двери и попыталась открыть её, пока я оборачивался. Я заметил сумку на её плече, и меня осенило, что она убегала.

Из-за той записки, что я оставил под дверью? Думаю, этот трюк удался, только я не ожидал, что она решит бежать. О, нет, малышка, у меня другие планы.

Она уже почти выбежала из дома, но я схватил её за руку и закрыл дверь, прижав её к ней.

— Ты никуда не пойдешь! — даже в этот момент, когда адреналин пульсировал в моих венах, я колебался. То, что я собирался сделать, изменило бы все. Я собирался стать тем, кого они из меня сделали.

Но никто не заслуживает большего возмездия, чем Алекс.

Сумка соскользнула с её плеча, с глухим звуком упав на пол. Она прислонила обе руки к двери, и я накрыл их своими, скользя по холодной коже теплыми руками. Я просунул ногу между ее, бедром коснувшись задницы, меня словно ударило током. Почувствовала ли она, то же самое? Чувствовала ли она, как мой член терся о её зад?

— Тебе нужно уйти, — она выдавила эти слова и почти сразу расслабилась, подчиняясь. Она повернула голову и взглянула на меня сквозь слегка опущенные ресницы, скрывая то, что я мог увидеть в глубине её глаз: — Пожалуйста, уходи.

Я хотел взять её, трахнуть прямо под этой дверью.

— Не вариант. Я ждал этого момента слишком долго.

Я снова запер дверь, удовлетворенный звуком защелки, и толкнул её обратно в дом.

— Что ты делаешь? — она плакала, пытаясь вырвать свои руки, которые я держал.

Я остановился только тогда, когда мы вошли в холл.

— Где та записка? — я не мог оставлять доказательства. — Ты показала её Заку?

Она выдернула руку из моей хватки.

— Нет, а что?

— Неважно. Я хочу её назад.

— Она в моей спальне.

Она открыла первую дверь справа. Я заметил кучу вещей на кровати и на полу, она собиралась в спешке. Алекс подошла к ночному столику и достала записку из ящика.

Я выхватил записку из ее рук, что заставило её вздрогнуть, и засунул в карман последнее доказательство.

— Пошли, — я толкнул её на кухню, мой пульс участился, и джинсы неловко натянулись, пока я усаживал её на стул. Открыв рот, она смотрела на меня, волосы закрывали её глаза. И я еле сдерживался, чтобы не опрокинуть её на стол.

Терпение.

Не нужно спешить, как бы этого не хотелось.

— Не двигайся, — предупредил я, сжимая ее плечи. Порылся в комнате, нашел ручку с бумагой и положил прямо перед ней. — Пиши то, что я тебе скажу, слово в слово.

— Зачем?

— Такая простая просьба и так много гребаных вопросов, — я засунул ручку в её руку, а она вцепилась, крепко держа ее над бумагой. Её глаза вперемешку с замешательством метали молнии. Она пока еще не боялась меня, и я не знал, хорошо это или плохо.

— Райф что ты...

— Пиши: «Мне нужно время. Не волнуйтесь и не ищите меня».

Коротко и ясно. Чем меньше написано, тем меньше власти могут узнать. Я ожидал, что они будут подозревать меня в ее исчезновении, и был готов к этому. Кроме того, им нужна причина и ордер на обыск острова, но они не смогут получить его.

Она закусила нижнюю губу, когда писала письмо. Как только она закончила, отложила ручку, подняла голову и заглянула мне в глаза.

— Что будет с тобой? — прошептала она.

Она чувствовала тьму во мне, но не подозревала, что она всегда была там, в ловушке человека, которого больше не существует. Она взорвала этот замок, когда произнесла три слова.

Он изнасиловал меня.

Обвинение прозвучало в моей голове, и звуки тюремной камеры повторились. Я вытащил шприц из кармана.

— Что ты делаешь? — закричала она, увидев шприц. Она подпрыгнула и попыталась выбежать в фойе, прежде чем я поймал ее. Я схватил ее за плечо и прижал к себе. Она брыкалась, вырывалась, царапалась, все время громко крича. Я снял колпачок иглы зубами и вонзил ее в шею. Момент спустя, она обмякла в моих руках.

Третья глава

Сломай меня

Алекс

Сознание пыталось вырваться из сна, где все обернуто во тьму. Я дрожала, холод полз по моей коже, облизывая меня своими ледяными щупальцами. Жесткий, грубый бетон впивался в мое тело. Мое голое тело. Тошнота подступила к горлу, и я думала, что меня вот-вот вывернет моей последней съеденной едой, но это вызвало лишь панику. Я не могла вспомнить, чтобы я что-то ела.

Несколько ужасных секунд я не могла ничего вспомнить. Потом все вернулось.

Лицо Райфа всплыло в моей голове, повзрослевшее лицо. Его неумолимое лицо. Остальные воспоминания вернулись, и я окончательно пришла в сознание. Он ткнул иглой в мою шею.

Теперь я чувствовала это, его присутствие давило на меня, как тень, желавшая поглотить меня. Моим первым инстинктом было прикрыться. Я попыталась поднять руки, но что-то тяжелое и холодное крепко держало их вместе, тянувшееся за голову и прикованное к... чему-то. Я хныкнула, так как не могла ничего увидеть.

— Хорошо, что ты проснулась.

Его голос не должен был звучать так горячо в сложившейся ситуации, но этот низкий тембр, почти шепот, вызывал тяжесть внизу живота.

— Райф? — я, наверное, мертва или у меня галлюцинации. Это не может быть правдой.

Я почувствовала движение, дуновение воздуха, шуршание одежды, и тусклый свет включился.

Несколько секунд я пыталась сфокусироваться. Я лежала на земле, в какой-то клетке, мои руки были закованы в наручники. Я дернула руки, и холодное прикосновение цепей заставило меня содрогнуться. Мой взгляд стал осматривать мою тюрьму, которая была окутана тенью, мне кажется, я заметила пару винных бутылок. Я повернулась к нему, и поняла, что это он связал и раздел меня.

Райф стоял на противоположной стороне и вертел наручники на пальце, смотря на меня сверху вниз.

— Ты можешь попытаться сбежать, если хочешь. Но мне кажется, ты достаточно умная, чтобы догадаться, что ты проиграешь.

Я знала, что когда-то этот день придет. День, когда я столкнусь с ним лицом к лицу. День, который станет днем расплаты за то, что я с ним сделала. Я ожидала криков с его стороны. Разъяренную правду. Но не это. Он достал связку ключей и открыл клетку, вся надежда на прощение куда-то пропала. Я не могла перестать дрожать, так как меня трясло изнутри.

— Что ты хочешь от меня? — спросила я, нервничая в ожидании ответа, особенно когда думала, какой вид ему открывается.

— Ты, правда, хочешь знать, чего я хочу? — его лицо озарила легендарная ухмылка Райфа Мейсона, которого я помнила.

— Да.

Он наклонился и навис надо мной, его колени были на уровне моих бедер. Я облизала свои сухие губы, остро ощущая, как его одежда щекочет мне кожу. Это просто прикосновение.

— Я хочу трахнуть тебя, — сказал он, и эти слова слетели с его языка со зловещим трепетом, заставив мое сердце биться чаще. Его руки согнулись под тяжестью его веса, и мое внимание привлекли плетеные линии, выступающие из-под рукавов. Чернила красиво очерчивали крепкую руку и переходили на сильные плечи и заднюю часть руки. Он опустил голову, наклонился к моему лицу и, смотря прямо в глаза, спросил:

— Это то, что ты хотела услышать?

Я не была уверена, что он желает услышать или увидеть, и я не могла представить насколько злой он был.

— Я не знаю, что сказать, Райф.

— Тебе не нужно ничего говорить. Я хочу лишь то, что мое по праву, то, за что я получил наказание.

Я с трудом сглотнула.

— Тебе не нужно было похищать меня.

— Ты права, — сказал он, его губы почти коснулись моих. — Мне не следовало похищать тебя, но я захотел. А я всегда получаю то, что хочу. Восемь гребанных лет я хотел этого. Можешь

быть уверена в этом.

Он перенес свой вес в сторону и поднес ключ к запястьям. Замок открылся, и я освободилась от наручников.

— Вставай, — сказал он, поднимаясь.

Пол подо мной пошатнулся, но как только я вновь смогла восстановить равновесие, я встала перед ним, лицом к лицу с человеком, которого обидела. Он был таким же прекрасным, как и всегда, и его зеленые глаза сказали то, что не было произнесено. Они намекали на то, как мои действия разрушили хорошего человека, и тот, кто стоял передо мной сейчас, уже не был им.

Мое сердце болело за парня, которого я помнила, его глубокий смех и дразнящая ухмылка. Его рот скривился в самой сексуальной улыбке, когда он увидел, что я пялюсь на него. Я пропала в совершенной ловушке, которой был Райф Мейсон, обычно тихий, нежный парень, закрывший меня в клетке. Его единственное преступление заключалось в том, что он запал на испорченный товар.

— Ну и что ты будешь делать Алекс?

Он встал на проходе, блокируя выход и забирая последний шанс на побег.

Я обняла себя, чувствуя тошноту, и вспомнила тот день, когда его арестовали. Все новости только и говорили об этом, я никогда не забуду, как он опустил голову от стыда, когда его забирали из спортзала его отца, где он тренировался, руки закованы в наручники, как будто он и вправду виновен. Иногда людей обвиняют, даже невинных, но их психика все равно переживает ложную вину. Зак был экспертом в психологических войнах.

— Я задал тебе вопрос, — прошипел он.

Этот момент настал, момент, которого я боялась в течение восьми лет, но мой разум был пуст. Что я могла сказать ему? Не было никаких оправданий и извинений, что могли бы исправить это. Даже правда не изменит того, что я отправила невинного человека в тюрьму.

— Мне жаль, — сказала я, сдерживая слезы. — У тебя есть все права, чтобы злиться на меня.

— Ты отказываешься даже объяснить со мной? Неужели я заслужил все это?

Я опустила голову, волосы упали вперед, закрывая мои красные щеки. Он заслуживал знать правду, но я не могла сказать ему обо мне и Заке.

— Я не могу сказать. Это ничего уже не изменит.

— Я вижу.

Он подошел ближе, и убрал мои руки с груди.

Я отошла назад, ненавидя то, как мое тело трепетало в ожидании. Мои глаза горели, но я не плакала с похорон мамы или когда Райфа отправили в тюрьму, для меня это словно полжизни. Я моргнула несколько раз, заставляя слезы высохнуть, но при одном взгляде на него, глаза снова наполнялись слезами. В нем что-то изменилось.

Это моя вина.

Мой поступок.

Слеза скатилась по щеке. С непринужденной легкостью он стер ее с моей щеки.

— Опустит руки по бокам, пока.

Я потрясла головой, и он убрал руки. Я хотела умереть. Мысль о том, что он видит меня голой, привела меня в панику. Мое тело подводило меня, оно всегда привлекало ненужное внимание. Ему хватило бы одного касания ко мне, что бы понять, что я хочу его.

— Я... я не понимаю.

— Что непонятно, Алекс? Все предельно ясно.

— Не делай этого.

Я отступала назад, пока не наткнулась на стенку, бежать было некуда. Я закрывалась, как только могла, крепко сжав бедра и закрыв грудь.

Он расстегнул ремень и вытащил его из штанов.

— Пожалуйста... — я не могла дышать, адреналин захлестывал меня.

— Делай так, как тебе сказано, или я заставлю тебя сожалеть о том, что ты не слушалась.

Мои руки жили своей жизнью, так или иначе они упали по бокам, обнажая мою грудь. Его взгляд блуждал по мне, начиная с моих ног и заканчивая на груди.

— Посмотри, какая у тебя красивая грудь.

Я стояла на краю пропасти, это может принести только два результата, и оба меня не сильно радовали. Страх заставит мое сердце биться чаще, и мой разум заставит меня поверить, что я на волоске от смерти. Или я могу окунуться в это безумие с головой. Райф Мейсон был, по сути, любовью всей моей жизни. Я могу врать кому угодно, но не самой себе. Он ничего не может сделать, чтобы изменить это.

И даже сейчас, когда его рука сжимала ремень в кулаке, я ожила. Или это может быть потому, что он стоял, излучая опасность. Господи, я пропала. Я знала, на что он был способен. В памяти восстал вид разбитой в кровь плоти, да так ярко, что я могла бы описать это в техниколоре. Это был последний бой, перед тем как его арестовали.

Его внимание задержалось на моей груди, и тепло его взгляда оставило на мне клеймо. Это был мужчина в ярости, мужчина, который хотел делать ужасные вещи с тем, кто разрушил его жизнь.

Я разрушила его жизнь, и, несмотря на явные угрозы, одна мысль о том, что он будет ласкать мое тело, превращала меня в лужу на полу. Я сжала свои ноги, хотя была уже мокрая и горячая там.

Он осторожно прошелся тыльной стороной ладони по моим соскам, и я ощущала его прикосновения всем телом, особенно внизу живота, меня жгло изнутри от желания. Он был единственным парнем, который заставлял меня чувствовать себя таким образом.

Горячей.

Живой.

Нужной.

Наши взгляды встретились, и чувства, окутавшие меня, невозможно было игнорировать. Я потеряла счет фантазиям о том, как он касается меня, и где. Действительно касается, не как маленькую девочку в детстве, не как надоедливую девочку, которая доводила его до безумства, а как женщину.

Как женщину, которую он хочет.

Его рука скользнула ниже, пальцы дрожали, скользя по мышцам живота. Я забыла, как дышать. Обстановка не имела значения. Страх испарился, но недостаточно сильно, чтобы заглушить чувства, которые были похоронены много лет назад. Все, что меня волновало, это его руки ниже... еще ниже. Я сжала бедра, чтобы он не раздвинул их, и опять прижала спину к решетке.

Его тело прижалось к моему, и я закрыла глаза, запоминая каждое ощущение, возникающее, когда его плоская грудь соприкасается с моей, до жара в бедрах. Он поднял мои руки над головой и заставил пальцами обхватить прутья решетки.

— Не двигайся, — прорычал он, прежде чем мои руки упали вниз. — Ты такая непослушная, — его слова прошлись по моей щеке. — Я никогда не трогал тебя. Неважно сколько...

Внезапно он отскочил от меня, будто я обожгла его: — Я *никогда* не касался тебя, — он потянулся к ремню, который должно быть упал на бетон. — Ты разрушила мою жизнь, — сказал он, играя с пряжкой. — Я был *так* близко к тому, чтобы выиграть чемпионат, но ты забрала у меня все, — он щелкнул пальцами. — Вот так просто ты забрала все, мою свободу, репутацию. Ты, блядь, забрала все, Алекс. Я должен быть зарегистрирован в качестве сексуального маньяка сейчас? Ты знала это?

— Мне жа...

Он ударил ремнем по моей груди, и я закричала, дыхание пропало. Мои руки упали, в попытке защититься, но он снова ударил, с большей силой. Я охнула и вцепилась в решетку, в то время как мои соски горели.

— Не смей говорить мне, что тебе жаль! У тебя было восемь ебанных лет, чтобы сожалеть, но ты оставила меня в тюрьме, — ремень упал к его ногам, и он пнул мои ноги, заставив их раздвинуться, перед тем как засунуть палец внутрь меня.

Мои глаза расширились, когда он начал исследовать меня, хотя его резкие пальцы не походили на нежность.

— Я гнил в тюрьме пока ты встречалась с этим придурком, могу поспорить он даже не знает главного о тебе, — он засунул ещё три пальца внутрь, разрушая мою концентрацию. — Он доводил тебя до такого состояния?

Я зажмурилась и начала считать. Пять секунд вдох, задержать, пять секунд выдох.

— Ответь мне!

— Нет.

Поцелуи Лукаса и его руки не заставляли меня что-либо чувствовать, но Райф... он заставлял меня ощущать все. Я проглотила чувство ненависти, застывшее у меня в горле, пытаюсь игнорировать его пальцы блуждающие внутри, но сдавленный стон все-таки сбежал с моих уст.

— Ты хочешь, что бы я остановился?

Да.

— Нет.

Я вцепилась пальцами в решетку для поддержки, я едва дышала, когда его палец начал кружить на моем клиторе.

— Раайф!

Я толкнула свои бедра навстречу его пальцам, слезы текли по моим щекам. Он укусил меня за шею, и я резко вдохнула. Мой пульс подстроился под движения его языка.

Этого не будет. Мое тело не подведет меня опять. Нет, нет, нет, нет...

— Я все еще помню, как обращаться с женщинами, — сказал он. — Могу поспорить, мои пальцы это лучшее, что тебя трахало в жизни. Можешь представить, что будет, если я засуну свой язык в твою киску?

Он лизнул мою шею, и я хныкнула, как все было хорошо. Я представила себя, лежащей на спине, широко расставив ноги, его темные волосы мелькают меж моими бедрами. Это фантазия слишком острая, и меня унесло в открытый космос. Я видела небеса.

— Я скоро кончу, — рыдала я.

— Да, милая. Наслаждайся, потому что это больше не повторится.

Я вцепилась в его темную футболку, моя спина выгнулась, а колени предательски дрожали. Оргазм волнами обрушился на его пальцы, каждый был более интенсивный, чем предыдущий, и каждый заполнял мое сердце, с позором отяжеляя мою грудь. Содрагаясь на волнах, я стонала его имя, что больше походило на звуки кота, которого мучают. Потом когда мой пульс замедлился, я рухнула на пол.

— Ты в моей власти. Ты не будешь есть, пока я не скажу, ты не будешь пить. Ты не пойдешь в душ или не оденешься, пока я не разрешу. Я контролирую каждый кусочек твоего тела, включая твою киску.

Я отвернулась, потому что мне было больно смотреть в его лицо, но он схватил мой подбородок и заставил меня встретиться с ним взглядом.

— Ты будешь зарабатывать каждую долбаную привилегию, которая только известна человеку. Ты поняла меня?

— Да.

Сила его ярости проникла в глубь меня, и я была готова согласиться со всем в тот момент.

— Ты никто для меня Алекс. И никогда не будешь большим, чем тело для секса.

По моему сердцу прошла огромная трещина, образуя бездонную пропасть, которая останется там навсегда. Я смотрела ему вслед, когда он уходил, слезы текли по моим щекам, одна за другой в бесконечном потоке сожаления. Он вышел из моей тюрьмы, не оглядываясь, и закрыл свое сердце на замок. Он нагнулся, чтобы взять кучу аккуратно сложенной одежды, моей одежды, судя по всему, а потом вышел. Мгновением позже свет выключился.

Полная темнота.

Я не могла перестать плакать. Не потому что была напугана. Не потому что он унизил меня. Я закрыла лицо в рыданиях потому, что его полное презрение резало мне душу. И теперь я знала. Он собирался сломать меня.

Четвертая глава

Кодекс

Райф

Я врал сквозь мои гребаные зубы. Она имела значение для меня, именно поэтому она была внизу, в этой тюрьме. Если бы она не значила ничего, я бы, в первую очередь, не хотел ее. Muskatный аромат ее тела остался на мне, я сосал свои пальцы, не в состоянии противиться желанию попробовать её вкус. Я не мог ждать, когда раздвину эти бедра, смогу впитаться пальцами в её мягкую кожу и засунуть свой язык в ее лоно.

Прежде чем она отпустила меня, я сделал самую тупую, благородную вещь. Я выдержал дистанцию, хотя был бы рад послать все к черту. Однажды, она уже дразнила меня за игрой в бильярд, утверждая, что она непобедима. Мы играли отчаянно, все время разговаривая о фильмах ужасов и альтернативной рок музыке. Она любила ужастики и ненавидела рок. Неудивительно, ведь она обожала пианино.

Я проиграл ей первую партию. Во время второй она уступила и попросила помочь ей принять позу для финального удара. Это был первый раз, когда я признал знакомое покалывание, пронявшее меня, когда я склонился над ней, мои руки скользили по ее, помогая настроить удар чтобы выиграть партию.

Слишком поздно я понял, что она использовала эту игру в качестве уловки, чтобы побыть со мной. Мы отскочили друг от друга, когда Зак начал подниматься по лестнице, и не должны были смотреть друг на друга, так как он был бы в ярости. То, что он держал её в ежовых рукавицах, было не в новинку. Ребята не могли даже пройти рядом с ней, не получив от него, но он должен был знать больше, когда пришел ко мне. Кроме помощи игры в бильярд, я больше ничего не мог ей дать. Двадцать один и пятнадцать — не совместимый возраст.

Я больше не прикасался к ней, до того дня, после смерти её мамы. Я нуждался в ней, я хотел забрать часть её боли.

Я уперся головой в дверь подвала, мое тело дрожало, дыхание сбилось, и воспоминание о нашей совместной истории исчезло. Я боролся с желанием вернуться вниз и закончить то, что начал. Мой член пульсировал от нужды быть в её теле, хоть я себя и сдерживал. Я был еще не готов, и не хотел допустить еще одну ошибку, которая станет фатальной. В моей голове

формировались картинка, как руки держат в хватке её нежную шею, как я вымещаю на ней все восемь лет сдерживаемой ярости и желания. Я знал, что мне не нужно спешить. Контроль просто необходим.

Но, черт, я хотел трахнуть ее.

Я ждал, слушал под дверь некоторое время, но она не издала ни звука, нужно отдать ей должное. Я оставил ее в полной темноте, голой в холодном подвале. В эти несколько дней я собираюсь устроить ей ад, не идущий ни в какое сравнение с той жизнью принцессы, что у нее была.

Я переживал за нее, но некоторая большая часть меня радовалась, что у нее ничего нет. Ей даже некуда пописать. Смотреть на её страдания было самым лучшим моментом в моей жизни, учитывая то, что я любил бить людей, которые приходили ко мне в клетку.

Может, это потому, что в тюрьме я был заиклен на ней. По началу я ничего не чувствовал, кроме ненависти, которая уничтожила меня, но затем, когда мое заточение стало играть с моим разумом, я позволил своей фантазии разыграться. Я представлял себе, что трахал ее всеми способами, что только можно представить, и в любом сценарии. Она рыдала и умоляла меня остановиться. А я мучил её, как умалишенный, нормальный человек не сможет описать этого.

Эти фантазии держали меня на грани, особенно в те бесконечные дни, что я провел в карцере, лишенный взаимодействия с людьми, и сидел в маленькой, меньше чем туалет, комнате, в течение двадцати трех часов.

Когда в эти дни смотрел в зеркало, я не узнавал смотрящего на меня мужчину. Парень, который стирал слезы с её лица, в день похорон её матери, ушел, остался только тот, кто с восторгом смотрел бы на её слезы. Тьма стала центром моего существования, бурная необходимость мстить кипела на медленном огне в течение многих лет.

Никто не знал о моей испорченной натуре лучше, чем мой сокамерник Джакс. Когда я зашел на кухню, ее вещи были у меня в руках, он сидел за кухонным столом и тщательно следил за мной, пока я выбрасывал их.

— Ты уже трахнул ее?

Вот за это я его и любил, он не ходил вокруг да около. Он принимал все, как есть.

Так как я готовил ужин, я не ответил, а он больше не спрашивал. Его молчание напрягало меня. Мы и так провели много времени в тишине и молчании.

Мы заключили союз после того, как я выбил все дерьмо из его сокамерника. Он должен мне, как сам утверждает. Когда два года назад его помиловали, у него было намерение поквитаться с Алекс. Он также следил за моим островом, где я разрешил ему пожить.

После прошедшей ночи, я решил, что он оплатил сполна. Он помог мне перенести тело Алекс из её машины в мою и утопить её «Вольво».

— Ну, мужик? — настаивал он, вторгаясь в мое воспоминание о том, как это прекрасно, когда все идет по плану.

Я посмотрел ему в глаза, и он рассмеялся.

— Мужик да ты влюбился. Я не могу поверить, что ты еще не трахнул ее.

— Я не сказал ни слова, откуда ты знаешь, трахнул я ее или нет?

— Я тебя знаю, — сказал он, глядя свои темно-русые волосы. — Ты делаешь все тихо и хреново, когда не хочешь говорить. Алекс Де Лука была нашей темой для разговора в течение многих лет. Что, блядь, за задержка, мужик?

— Я не знаю. Я не могу пойти туда снова, — со вздохом я опустил голову. Если я пойду туда, то, вероятно, превращу все что осталось в камень.

— Потому что ты не насильник. Я уже говорил это. Ты ни в коем случае не сделаешь это с ней. Не после того, через что ты прошел.

— Нет, поверь мне, я хочу пойти туда, — я повернулся к печи и вытащил курицу. — Она тоже этого хотела.

— Ты бы хотел, чтобы малышка поборолась?

Кровь пульсировала в моем члене, подтверждая его теорию.

— Я испорчен.

— Нет, ты просто хочешь расплаты. В этом нет ничего плохого.

Благодаря Алекс, я узнал, каково это быть беспомощным, хотя за эти восемь лет я не проиграл ни одного сражения. Ни тогда, когда они заковали меня в наручники, ни когда другие заключенные прыгали на меня, валили меня на пол и по очереди били мою задницу. И даже ни тогда, когда умер мой отец, и я был лишен возможности пойти на его похороны.

Я ненавидел мысли о том, как он думал обо мне, сколько обид принес ему сын. Я получил в наследство остров, единственное место, наполненное моими счастливыми детскими воспоминаниями, и превратил его в собственный Алькатрас.

Никакое количество вины и стыда не изменит то, что я хочу больше всего. То, как она смотрела на меня, то, как она реагировала, действительно, разозлило меня. Я хотел борьбы. Я хотел, чтобы ее ногти впивались в меня. Я хотел, чтобы она пиналась и кричала, моля о пощаде. Я хотел, что бы она плакала, и ей было чертовски больно.

— Расплата — это одно, но то, что я хочу сделать с ней...

Джакс почесал свой подбородок, и широкий оскал украсил его лицо.

— Ты забыл, как мы дрочили в камере? Ты говорил во сне. Я знаю, что ты хочешь сделать с этой девочкой. Я просто не думаю, что твои яйца способны вынести такое.

— Поверь мне, мои яйца не являются проблемой. Тем более, она больше не девочка.

— Ещё лучше. Чего же ты ждешь? Иди и выеби на ней всю злость. Черт, если ты не пойдешь, пойду я.

Он сказал это, чтобы спровоцировать меня, и это сработало.

— Держись подальше от нее.

Джакс поднял руки.

— Без проблем. Я твердо верю в кодекс.

— Какой кодекс?

— Кодекс «оставь-мою-девочку-в-покое». Ты хочешь ее? Она твоя, — он поднялся из-за стола. — Я еду в город. У меня планы на вечер.

— Серьезно? — я поднял бровь, удивляясь, потому как у Джекса были проблемы, когда дело доходило до женщин. Обычно, присутствие рядом с женщиной предполагает наличие физического контакта, а он ненавидел, когда его трогают. — Свидание?

— Ага.

— С женщиной?

— Да, с женщиной, — прокричал он с лестницы.

— Эй, я просто удивлен, вот и все. Независимо от того, что там у тебя, мужик.

— Тебе необходимо спустится вниз, и трахнуть эту малышку. Восемь лет это очень долго для того, чтобы ждать.

Черт. Он всегда переворачивал диалоги с ног на голову.

Он взял свой жакет со спинки стула: — Собираюсь завтра на работу. Так что, я не задержусь.

Мой брат Адам нашел работу Джаксу там, где никто не будет интересоваться преступник ли он. Я также пытался работать на виноградниках Мейсон, но это скорее была иллюзия того, что я тоже обычный горожанин. Благодаря моему наследству, я не нуждался в работе. Тем не менее, бездельничать я тоже не люблю, поэтому я заставлял себя хоть что-то срывать. Алекс разрушила мою карьеру борца, так что работать, кем попало, не было вариантом. Я любил борьбу. Но боксерская груша не доставляет столько же удовольствия, как живая плоть. С того момента как я получил ее, мое присутствие на виноградниках можно было считать шуткой.

— Seriously, Райф. Вытрахай из нее все дерьмо.

— Это приказ?

— Да, черт возьми. Ты заслужил это.

Я был полным придурком, так как чувствовал, что он прав.

Пятая глава

Неряха

Алекс

Впервые я увидела Райфа, когда он выбивал дерьмо из моего брата. Ну, ладно, это было

преувеличением, но даже глазами тринадцатилетней девочки, я понимала, что у Зака не было шансов выстоять.

Все мускулы Райфа напряглись, пот стекал по его бицепсам, когда он применил удушающий захват. Мысленно я возвращаюсь в тот день. Они бились не по-настоящему. Просто тренировались в одном из спортзалов нашего отца. Черт, если бы я хоть немного тогда думала. Я не могла оторвать свой взгляд от Райфа. Его темные, немного завившиеся от пота волосы, прилипли ко лбу. Помню поджатые губы мамы и её напряженную спину, когда мы стояли, глядя на это. Ее рот был открыт, словно она *хотела* закричать: «Отпусти его!». Мы пришли почти к концу тренировки, и маме нужно было лучше знать, что там происходит. Она никогда не могла спокойно стоять, когда Зак получал по яйцам.

Райф просто схватил его за горло, а потом оттолкнул. В этот день Райф и Зак стали лучшими друзьями. Как и следовало ожидать, в этот же день я запала на Райфа.

В мой первый день в средней школе я стала Мисс Популярность по двум причинам: первая — я была Де Лука — приемная дочь Эббота Де Луки, известного за его колоссальный рекорд в чемпионате по боям без правил; и вторая — я была сестрой восходящей звезды Захария Де Луки. Связь с Райфом Мейсоном, превзошедшего моего брата по умениям, технике и беспощадности в бизнесе, сделало мою судьбу. Я стала светской львицей.

Я ненавидела таких девиц и хотя им, похоже, было наплевать на мое полное безразличие, никто так и не получил возможности попасть в мой дом. Они хотели попасть туда ради тестостерона, и мне было все равно, но только до тех пор, пока они держали свои руки подальше от Райфа. Он был старше меня на шесть лет, но в моей голове он все равно был моим, хотя и не знал об этом.

Однако Зак все же заметил, как часто я стала упоминать его лучшего друга, и тогда проявилась ревность, опасное чувство собственности. Их дружба стала похожа на соревнование.

Мы с Заком стали близки после свадьбы наших родителей, вероятно ближе, чем большинство сводных братьев и сестер. Мы часто спали в одной кровати, ютились под одеялом, когда папа напивался или у мамы были очередные срывы, вынуждавшие ее посещать психиатрические клиники. Их брак рассыпался под крики. Мои уши не понимали слова, что рассекали воздух как оружие массового уничтожения.

То, что Зак был на моей стороне, успокаивало меня, но я выросла и понимала, что наши отношения выходят боком, особенно когда присутствие Райфа окончательно достало Зака, и он стал чужим для меня.

Полиция арестовала невиновного человека, а я позволила это сделать.

Я не могла обвинять никого, кроме себя самой, за мое нынешнее затруднительное положение — голая и замерзшая, задница болит от бетона, совершенно униженная. Я почти писалась под себя каждый раз, когда что-то шевелилось в темноте. Как глупо бояться грызунов, когда человек, которого ты когда-то очень хорошо знала, держал тебя как заложника.

Дверь неожиданно распахнулась, и свет проник внутрь. Я прищурилась, даже тусклый свет был слишком ярким. Райф спустился вниз по ступенькам и остановился за пределами клетки.

Я не могла сказать, сколько времени прошло с того момента, как проснулась в этой дыре, но судя по моим слипшимся волосам и запахе невымытого тела, где-то дня три. Я потеряла счет его

визитам. Первый был наиболее примечательным, так как он принес ведро, чтобы я справляла нужду, а так же еду и бутылку воды, а потом вышел, не отвечая на мои мольбы. Все его визиты были безрезультатны, и я перестала ныть, принимая тот факт, что я пробуду здесь некоторое время.

Я присела в углу и обняла ноги руками.

— М-мне холодно, — сказала я, стуча зубами. — Можно мне одеяло? Пожалуйста?

Он открыл дверь и зашел внутрь.

— Я провел недели в камере, голый, прямо как ты. Думаешь, у меня было одеяло? — он опустил на колени и взял мой подбородок. — Обычно, меня избивали, прежде чем отправить в камеру, а иногда они даже не кормили меня, — его рот сложился в тонкую линию. — Тебе повезло, что я не такой говнюк, как те охранники.

Я смотрела, пытаюсь преодолеть вину, которая сковала мое сердце. Мне хотелось утешить его, стереть эти восемь лет из его памяти. Невозможная затея.

— Что ты хочешь от меня? — спросила я. — Ты хочешь ранить меня, трахнуть?

Что бы он ни собирался сделать со мной, скорее бы он уже начал. Ожидание заставляло меня нервничать.

— Ты забрала восемь лет моей жизни. Я думаю, будет справедливо, если я заберу твои.

Я не могла поверить в то, что слышала. Его слова шипели внутри моего живота, как кислота.

— Ты собираешься держать меня здесь восемь лет?

Он крепче сжал мой подбородок.

— Ты голодна?

Его нежелание отвечать не укрылось от меня. Что-то поменялось с его последнего визита. Он оторвался от своей рутины, и я не знала, что это значит. При мысли о еде меня тошнило, но я не собиралась спорить с ним. Возможно, он наконец-то меня отпустит.

— Да. А еще мне нужно в ванную.

Я молилась, чтобы он не принес мне опять то ужасное ведро. Даже стоя в другой стороне клетки, оно ужасно воняло. Он встал и махнул рукой в сторону этой ужасной вещи.

— Тогда лучше вставай.

Я поднялась на ноги, мое тело начало ныть от боли, потом я страдала от унижения над ведром, пока он смотрел на это со скрещенными руками и ухмылкой. После того, как я опустошила свой мочевого пузырь, я стояла, не зная, куда деть руки. Если я обниму ими свою грудь, это разозлит его, поэтому я решила опустить их по бокам.

— Следуй за мной, — сказал он. — И не делай ничего дурного, если, конечно, не хочешь остаться здесь.

Я поднималась по лестнице вслед за ним, каждый шаг давался с трудом. Мы зашли в

просторную кухню. Темные тучи затягивали небо, предвещая шторм. Я осмотрела местность за окном и ничего, кроме густых деревьев, не заметила. Мое внимание привлекла входная дверь. Интересно, сколько шагов я успею сделать, прежде чем меня поймают?

Я осматривала соседнюю гостиную, когда он сказал:

— Ты воняешь. Душ вон там, — он указал вперед. — Полотенце на вешалке. У тебя есть пять минут, прежде чем я приду за тобой.

Я поспешила внутрь и уселась на унитаз. Меня слишком сильно трясло, чтобы делать что-либо еще. Я опустила голову между коленями и начала глубоко дышать. За то время, пока я нервничала, я потеряла как минимум две минуты из пяти. Остальные тридцать секунд я придумывала, как можно сбежать, но у ванной не было окон. Когда я встала под душ, стало понятно, бежать было некуда. Я уже почти сбегала из своего дома, когда он пришел. Как глупо, учитывая то, что у меня даже не было плана на тот случай, если Зак отследит меня... Я не хотела думать о том, как бы он наказал меня за побег.

Дрожь пробила меня, я быстро прижала душ и высушила волосы полотенцем. Несмотря на то, что провела последние несколько дней голой, я чувствовала себя замечательно, выходя из ванной без одежды.

Райф повернулся ко мне спиной, наклонив голову к холодильнику, и я почти купилась на это, но боязнь того, что он сделает со мной, если я сбегу, парализовала меня. Хотя настоящая причина, почему я даже не попыталась, была сложнее. Я не была готова уйти. Мазохистка внутри меня не хотела покидать его, несмотря на логику и здравый смысл.

Соберись Алекс. Он украл тебя, накачал наркотиками и у него не все в порядке с головой. Беги же, глупая!

Но сбежать, чтобы попасть к другому? Моя гордость не сдастся без битвы.

— Мой отец найдет меня.

Он держал в руке упаковку апельсинового сока и обернулся назад.

— Никто не ищет тебя, так что тебе, пожалуй, лучше присесть и успокоиться.

Я сложила руки.

— Тебе следовало знать лучше. Ты провел достаточно времени с моим отцом. Ты знаешь, каким настырным он может быть.

Особенно если это касается его детей, и в частности Зака.

Поставив сок на стол, он поднял газету и показал мне заголовок:

«Девушка из Портленда признана мертвой, после того, как ее машину нашли в реке».

Я рухнула в кресло, мысли кипели с головокружительной скоростью, газета упала на стол. У нас с отцом бывали напряженные отношения, но даже так, новости опустошили бы его, а Зак пошел бы следом, зная, что я ушла.

Подождите... он думает, что я мертва.

Секунды бежали одна за другой, пока до меня доходили всевозможные варианты событий, и я обдумывала их с разных сторон. Если он поверил, что я мертва, то у него нет причин идти за мной, как и нет причин идти за Райфом.

Но это не дает Райфу права держать меня здесь и издеваться.

— Ты должен дать мне уйти, — конечно, он не собирался держать меня взаперти в этом доме, или не дай Бог, в ужасном подвале, на протяжении восьми лет.

— Никуда ты не пойдешь, — сказал он, стиснув зубы. — Иначе получишь по голове.

— Парень, которого я помню, никогда бы не сделал так.

— Парень, которого ты помнишь, мертв, как и ты для этого мира, — он дернул меня за мои влажные волосы. — Ты можешь выбрать путь, легкий или сложный.

— И каков сложный? — спросила я, вздрогнув, когда его пальцы потянули сильнее. — Украсть меня? Раздеть? Запереть в подвале?

— Ты отправила меня в ад, Алекс. Я просто плачу тебе той же монетой.

Он отпустил, и я села на свой стул. Его слова звучали эхом в моей голове.

— Отдай мне хотя бы мою одежду? *Пожалуйста.*

Я умоляла, положив руки на мои бедра, так как желание закрыться почти одолело меня.

Его взгляд остановился на моей груди, и я почувствовала, как твердеют мои соски.

— Мне нравится этот вид. Восемь лет в тюрьме это слишком много для того, чтобы вытерпеть без пары хороших сисек. Ты получишь одежду, когда я захочу.

Он поставил передо мной тарелку с едой, и запах омлета, как всегда, напомнил мне о нашей мокрой собаке.

— Я не голодна.

Он сел напротив меня, его тарелка стояла перед ним.

— Это не зависит от твоего желания. Ешь свою гребаную еду.

Ярость вспыхнула во мне, отказываясь сдерживаться, мне нужно сделать что-нибудь, лишь бы унять все то, что кипело внутри меня. Я скинула тарелку со стола, и хотя я была разочарована, что она не разбилась, тот факт, что еда забрызгала пол, удовлетворила меня.

Он потер щетину, которая скрывала его подбородок, и поднялся со своего стула. Он обошел стол, злые зеленые глаза сузились, и я схватилась за свой стул. О, Господи! Мне еще никогда не было так жаль, что я потеряла самообладание. Он сел рядом со мной, и я не могла предугадать, что будет дальше. В один момент я сидела, а в следующий уже оказалась на его коленях.

Его ладонь била быстро и больно, но я не издала ни звука, я даже не противилась ему. Я была

шокирована, слишком осведомлена о его намерениях. Его рука замерла на моей заднице, поглаживая, но потом он снова ударил, каждый удар был сильнее, чем предыдущий. Он снова посадил меня, и только тогда я почувствовала сильное жжение на моей заднице. Он вернулся на свое место. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но ничего не вышло.

Все, что я могла делать, это глазеть. Никаких слов, истерик, только полная тишина с моей стороны.

— Если ты думаешь, что истерика лишит тебя еды, ты ошибаешься, — он показал на еду, находящуюся на полу. — Ешь!

— Я не чертова собака.

Он вскочил со своего стула так быстро, что у меня не было шанса бежать. Его пальцы сдавили мое горло.

— Последнее предупреждение, *прежде чем* я использую это на тебе, — его взгляд упал на весло, висящее на стене. — И поверь мне, эти удары невыносимы, поэтому, если ты не хочешь испробовать это на своей шкуре, опускай свою задницу на пол и ешь. Я не потерплю, если ты будешь голодать. Не под моей крышей.

Краска прильнула к моему лицу, когда я опустилась на колени и стала использовать свои руки как ложки, чтобы кушать яйца. Старый позор всплыл снова. Он никогда не уходил далеко, был скрыт под слоями нормальности.

— У меня не было проблем с этим на протяжении шести месяцев, — сказала я, презирая слабость в голосе. Яйца не хотели глотаться, и я сидела почти с кляпом в горле. Картошка была не лучше.

— Хорошо, и мы намерены продолжать в том же духе.

— Как ты узнал? — спросила я. Он только что вышел из тюрьмы, как он мог знать про мою анорексию?

— Я знаю о тебе все.

Наши глаза встретились, и я искала в них правду, потому что, конечно, он не имел в виду *все*. Секунды медленно тикали, каждая сводила невидимую линию здравомыслия. Я затаила дыхание, от ужаса, что еще он *может знать*.

Он отвел взгляд, выражение его лица изменилось, и я вздохнула с облегчением. Последовало молчание, прерываемое стуком его вилки, но это беспокойство не того вида, что заставляет тебя чувствовать каждую секунду как вечность. Мой разум был пуст. Я не протестовала, и не была к этому готова.

— Почему ты морила себя голодом? — спросил он, приводя меня в сознание.

У меня не было никаких идей, как объяснить это. Я не могла объяснить, не углубляясь в те вещи, которые хотела бы скрыть, например, как после первого стационарного лечения, я зациклилась на том, чтобы быть закрытой на протяжении трех месяцев внутри больницы. Эти месяцы были самыми мирными и тихими месяцами, которые я испытала. Мое лечение держало Зака вдали от меня.

— Я не знаю.

— Черт!

Я зачерпнула горсть картошки.

— Это началось... — я начала, подняв глаза на него, — после того, как ты ушел.

— Ооо, так твое голодание моя вина?

— Нет, это не то, что я имела в виду. Было много других...

— Оставь это, Алекс. Я уверен, ты сильно страдала, живя в особняке своего папы и выезжая на выходные с друзьями и парнями, загружая шкафы эксклюзивной одеждой. Избавь меня от рыданий, потому что я не куплюсь.

— Зачем тогда спрашивать?

— Не умничай. Я ожидал, что хоть теперь ты скажешь правду, — он встал из-за стола. — Убери со стола, загрузи посудомойку и убери эту лужу на полу.

Возмущение росло, но я решила держать рот на замке. Поднимаясь на ноги, я взяла со стола свою и его тарелки по пути к раковине. Выкинула остатки еды, потом загрузила тарелки в посудомойку, закрыла ее, обернулась и обнаружила, что он смотрит на меня. Он стоял, прислонившись к тумбочке, выпучив бицепсы на скрещенных руках.

— Мне нужна метла.

Он принес одну, из шкафа возле двери, которая вела черт, знает куда. Куда он вообще притащил меня? Я не видела ничего, кроме деревьев, хотя отчетливо слышала гул трассы, который дал мне надежду на помощь за этой листвой.

Он всунул метлу мне в руки, наши пальцы соприкоснулись, и это прикосновение разожгло во мне огонь. Я сглотнула и убрала все с пола, чувствуя его спиной все время. Его теплые ладони лежали на моих бедрах, пальцы чертили круги у меня на животе. Я покачнулась в его сторону.

— Я... я могу спросить тебя, Райф?

— Давай.

— У тебя... — мой голос дрожал, и я должна постараться, чтобы задать вопрос. — У тебя был секс после того, как ты вышел?

Он дрожал.

— Нет, — со стоном, он засунул палец в меня, и я содрогнулась при мысли, что у него никого не было долгое время.

— Теперь моя очередь спросить тебя, — произнес он. — Как сильно ты хочешь, чтобы я трахнул тебя?

Я хныкнула, это был не секрет, что мое тело хотело его, всегда хотело. Но я, женщина, которую он похитил, не хотела его. Ну, это то, что я говорю себе.

— Ну, тогда ты захочешь этого, — со стоном он отпустил меня. — Я не хочу тебя таким способом.

— Что это значит? — я повернулась к нему лицом, ручка метлы удерживала меня в вертикальном состоянии.

— Это значит, что я не хочу, чтобы ты хотела.

Он поставил метлу на пол и схватил мои запястья. Лучи солнца выглядывали из просветов, шрамы от порезов выделялись на линиях предплечья, отпечатки моей неспособности справиться со стрессом. Он вытащил мои руки на свет и посмотрел на шрамы.

— Что за херня случилась с тобой?

— Ничего, — сказала я, пытаюсь спрятать руки, но он не позволил мне.

— Кто сделал это?

— Никто.

Он придвинул меня ближе, а его руки захватили мои щеки:

— Кто. Сделал. Это?

— Я.

Впервые, с тех пор как он вошел в мою жизнь, у него пропал дар речи. Его взгляд всматривался в мое лицо, словно в поисках ответов.

— Почему?

Я покачала головой, не в силах говорить и напуганная, так как он знал слишком много. Но я не могла отвести взгляд. Я хотела купаться в нежности, пробивающейся в тот момент, когда я увидела прежнего Райфа.

Он моргнул, и момент ушел, его эмоции пропали. Без слов он просто потянул меня обратно вниз.

— Не закрывай меня там, пожалуйста, — умоляла я.

Он открыл дверь и запихнул меня внутрь. Меня слишком трясло, чтобы бороться. Вернувшись в клетку, он пристегнул мои наручники к цепям на потолке.

— Это убережет тебя от неприятностей на некоторое время, — он держал меня за подбородок, глядя щеки пальцами. — Каждый раз, когда ты будешь сопротивляться, ты будешь заканчивать свой день здесь. Научись повиноваться мне, и мы поладим.

С этими совами он оставил меня. Одну, холодную и в темноте, с руками, подвешенными над головой.

Шестая глава

Возрождение

Райф

Пасс Данте, население 893 человека, половина из которых думала, что я был чертовски виноват. Я все еще чувствовал себя здесь как дома, несмотря на всех ублюдков, желавших мне сгнить в тюрьме за то, что я сделал этой «бедной девочке». Лишь единицы насмеялись над репутацией Райфа «Душителя» Мейсона, со дня моего последнего боя. Только единицы слышали что-то обо мне.

Остальные же, люди, имевшие связь с моей семьей веками, или люди, которые знали меня со старшей школы, верили в мою невиновность. В отличие от осудившей меня толпы, они видели, что Алекс врала. Они *знали* меня или просто так считали.

В любом случае, было слишком много драмы, и я избегал города, как только мог, за исключением еженедельной поездки в офис и работы на винограднике. Несмотря на сплетни в городе, люди почти оставили меня в покое. Я представляю, как сложно преследовать парня на острове.

Когда я перебирал почту, в основном счета и рекламу, кто-то произнес мое имя. Закрыв почтовый ящик, я повернул голову как раз вовремя, чтобы заметить, как блондинка пронеслась вихрем мимо меня и толкнула дверь. Она схватила малыша за руку и вывела его на улицу, будто земля горела у них под ногами.

Положив свою почту в рекламу для местных предприятий и посмотрев в окно, я поймал профиль уходившей женщины. Мое сердце почти остановилось. Я узнаю этот упрямый подбородок из тысячи. Я бросился за ней, дверь закрылась с глухим стуком, когда я вышел, и увидел ее в нескольких футах от меня. Она открыла заднюю дверь BMW, и шепотом поторапливала ребенка, чтобы он шел внутрь и пристегнулся.

— Никки!

Она пошатнулась, и ее глубокие темные глаза встретились с моими. Да, я помнил эти глаза, особенно то, как они пронзали меня во время секса. Она никогда не была застенчивой, закрывающей-во-время-секса-глаза девочкой, и это возбуждало еще сильнее.

Она захлопнула дверь и подошла к водительскому сиденью.

— Слышала, ты вернулся, — сказала она. — Ты застал меня врасплох, я не должна была произносить твое имя.

Я засунул почту в задний карман брюк и повернулся к ней.

— Почему нет?

Со вздохом она остановилась, держа руку на дверной ручке.

— Да ладно, у нас все кончилось плохо. Ты ясно дал понять, что больше не хочешь меня видеть.

— Ник, — сказал я дрогнувшим голосом, положив руку ей на плечо. Я должен был. После восьми гребаных лет я должен был. — Я просто не хотел, чтобы ты ждала меня.

Она открыла дверь и вклинила ее между нами.

— Что ж, я не ждала тебя, не беспокойся, — она подняла свою левую руку, и я заметил огромный камень на ее пальце. — Я выхожу замуж через пару недель.

Я был в замешательстве от того, как сильно все изменилось за время моего отсутствия. Время текло, остановившись только внутри тюрьмы, мир продолжал вертеться вокруг меня.

— Ну, я вижу, — сказал я, уступая слабости и жалости. Я подошел к двери и положил одну руку на окно, другую на крышу автомобиля. Ее тело замерло, но ей некуда было деваться, и, блядь, одна близость ее тела вернула все назад, все летние ночи, которые мы провели витая в простынях, и вентилятор дул на нас горячий воздух, делая нас потными.

— Я не представлял, что ты вернешься в город, — сказал я. — Думал, ты теперь работаешь в каком-то шикарном офисе в центре Портленда. Когда ты вернулась?

— В прошлом году, когда Лайл сделал мне предложение.

Я поднял бровь.

— Подожди, ты же не говоришь о Лайле Левисе.

Она кивнула.

Я пытался не стиснуть зубы, но не вышло. Как, блядь, этот говнюк мог спутаться с моей бывшей? Он бегал за ней, как бродячая собака, всю старшую школу, и это лишь часть. Этот парень был самым жестоким хулиганом в городе, и он ненавидел меня до кончиков пальцев за то, что я защищал детей, ежедневно получавших от него побои. Также, он презирал меня за мою дружбу с Никки.

— Он теперь шериф здесь, ты знал это? — спросила она.

Замечательно. Она выходила замуж за ебаного хулигана-превратившегося-в-шерифа. Если я не усмирю Алекс в ближайшее время, он, наверное, наденет наручники на меня, и я могу только представить, какой трепет он ощутит, когда арестует меня.

— Думаю, поздравления не уместны, — я наклонил голову, подняв бровь.

— Я тоже так думаю, — ее взгляд метнулся на заднее сидение машины. — Мне нужно идти. Было приятно встретить тебя, Райф.

Ее голос смягчился, то самое сбившееся дыхание, как и много лет назад. Она скользнула на сидение водителя, и тогда малыш назвал ее «мама», спросив, что у них будет на ужин.

Я застыл, и вдруг меня осенило. Я сосредоточился на Никки, часть меня помнила ее двадцатидвухлетней девушкой, что сразу бессознательно записало этого ребенка в племянники или ребенка ее друга.

Но он был *ее*.

Она потянулась, чтобы закрыть дверь, но я схватил руку и заблокировал ее. Заглянув на заднее сидение, я впервые посмотрел на малыша. Блядь. Он был словно скопирован с моих детских фотографий.

— Сколько ему лет, Никки?

Ее тело вздрогнуло, она произнесла с громким вздохом:

— Семь, и я знаю, о чем ты подумал. Я собиралась сказать тебе. Клянусь Богом, я хотела, но сейчас не то время, — ее глаза умоляли меня. — Мы можем поужинать вместе? Через час?

Я не мог говорить. Я мог бы сказать так много вещей, но правда оглушила меня, словно кувалдой. Если я понял все правильно, и не было недоразумения, то она говорила о том, что у меня есть сын.

— Райф?

— Час? — спросил я, давая себе мысленную встряску.

— Ага, я буду ждать тебя в «Doc's Grill». Ты же помнишь, где это?

— Я помню.

Она закрыла дверь и завела машину. После того, как она уехала, я еще долго стоял. Детские зеленые глаза проели дыру у меня в голове. Эти любопытные глаза напоминали мне мои собственные. Он тоже это заметил, или он слишком маленький, чтобы увидеть сходство?

Кто-то толкнул меня, возвращая в реальность.

— Извините, — пробормотал я, затем потряс головой, потому что я только что извинился за то, что просто стоял в общественном месте. Пошли все нахер. Я спустился вниз по улице, пока не достиг шоссе. Проверив свои часы, я просто начал идти, убивая время до встречи с Никки. Сама мысль об этой встрече ускоряла мой пульс. Мне было интересно, какой он. Спрашивал ли он обо мне?

Черт, я даже не знаю его имени.

Солнце за моей спиной опускалось за горизонт, и тень острова отражалась в реке. Частный участок земли, расположенный на стороне реки Орегон в Колумбии, был владением моей семьи в течение нескольких поколений. Моя мать ушла, когда я был маленьким, и мой гнев по поводу ее отсутствия медленно пылал, пока не вспыхнул, когда я был подростком. Отец пытался остановить мои насильственные наклонности, записав меня на боевые искусства. Он думал, что если я научусь драться с уважением и придерживаться этики, это обуздает мою жажду колотить людей. Нет, я не ходил и не бил всех людей подряд, только тех идиотов, которые этого заслуживали. Эти уроки, наверное, спасли мою задницу.

Я задумался, что если мой сын — даже размышление о том, что он мой, заставляло мою голову кружиться — сердится на меня за то, что я отсутствовал все эти годы. Автомобиль пронесся мимо, и по какой-то странной причине, гул машин успокаивал мои нервы. Остров рос и расстояние сужалось. Я поставил вопрос об отцовстве на задний план и подумал об Алекс, как ей там живется взаперти в темноте, как дрожит ее голое тело. Я представил, как дрожат ее ноги, что она выходит из-под контроля, подвешенная за руки и зная, что она в моей власти. Мои джинсы стали невыносимо тесными.

Такая беспомощность не должна заводить меня, но она завела. Всегда заводила. Папины усилия научить меня отличать плохое от хорошего не коснулись моих сексуальных предпочтений.

Когда горы стали голубыми на фоне оранжевого неба, я повернулся и пошел назад в город. «Doc's Grill», известный своими уникальными блюдами и соусом, который больше нигде нельзя было найти, был заполнен людьми. Ресторан никогда не страдал от пустых столиков. В отличие от города, здесь ничего не изменилось в мое отсутствие.

Я вошел, кивнув официантке и сказав, что у меня здесь встреча. Никки сидела в углу, попивая пиво. На столах стояли зажженные свечи, придавая месту интимности.

Я сел на стул напротив нее.

— Извини, я опоздал, — я потерял счет времени, плюс мне понадобилось несколько минут, чтобы убедить свой член успокоиться. Ни в коем случае я не должен был явиться на встречу с Никки в полной боевой готовности.

— Ничего страшного. Я наслаждалась тишиной, Уильяма слишком много, и у меня даже нет времени на саму себя.

— Уильям?

Она опустила голову, кудряшки упали ей на лицо.

— Я назвала его в твою честь.

Уильям мое второе имя. Как это возможно, у меня все это время был сын, у которого даже имя мое, а я не знал о его существовании. Семь пропущенных дней рождений, этапов жизни, смеха и слез.

К счастью, подошла официантка и приняла наш заказ. Никки заказала то, что и всегда, а я на несколько секунд задумался. Я был отцом. Отцом. У меня был ребенок. Если я скажу себе это достаточное количество раз, то, возможно, до меня дойдет это.

Официантка, молодая брюнетка с ростом ниже среднего, повернулась ко мне и взяла второй заказ.

— Ты кажешься мне знакомым. Ты Райф Мейсон. Мой парень твой фанат. Он никогда не верил, что ты изнасиловал ту девочку. Множество людей здесь не верят в это.

К сожалению, множество людей думали по-другому.

Я дал ей автограф, и как только она ушла, над нами нависла тишина.

Время срывать маски.

— Ты должна была мне сказать, Ник.

— И что бы произошло? — она откинулась назад и скрестила руки. — Ты был заперт, и не вышел бы в ближайшее время. Давай не обманывать друг друга. У нас бы не получилось ничего серьезного. Беременность... это была случайность. Я не могу сказать, что это было ошибкой, иначе у меня не было бы Уильяма, но мы никогда не были бы вместе.

Я взял ложку и перемешал лед в чашке с водой.

— Вообще-то, я хотел жениться на тебе тогда.

Она засмеялась.

— Да ладно, Райф, мы были детьми.

А теперь у нас есть общий ребенок. Никто не сказал ни слова, хотя они висели в воздухе, как запах специй, что шел из кухни ресторана.

— Никто из нас не знал, что так получится, — продолжила она. — У тебя была карьера на первом месте до того... — она опустила голову, и я догадался, что она хотела сказать.

— Ты думаешь, я это сделал?

— Я уже говорила тебе когда-то, я знаю, что ты не способен на такое. Тебе никого не нужно было заставлять. Все девушки итак были у твоих ног.

Я старался не вертеться на стуле. Как ни странно, у меня была голая женщина, связанная и запертая прямо сейчас, ждущая, чтобы я опустил ее и трахнул. Никки понятия не имела, кем я стал. Хотя, должна. Она была единственной женщиной, которая когда-либо позволяла мне быть с ней грубым. Я изучал с ней мои желания и фантазии, и она позволяла. Она получала от этого удовольствие, как и я. Вот почему мы были вместе. Наша крепкая дружба свела драму на нет. Мы были друзьями и в то же время трахались. Пока меня не арестовали.

И сейчас результатом наших отношений оказался ребенок...

— Что ты сказала ему обо мне?

— Правду. Я всегда хотела, чтобы ты был частью его жизни. Восемь лет для тебя, возможно, казались вечностью, но я знала, что ты выйдешь, — она убрала челку с глаз, ее глаза блестели.

— Я не хотела усугублять твое положение, поэтому промолчала о беременности.

Ох, блядь. Я ненавижу, когда девушки плакали. Алекс была исключением. Ее слезы влияли на меня по-другому. Я жаждал их.

— Сколько воды утекло. Но теперь я здесь, поэтому давай разберемся с этим. Ты сказала ему, что его отец попал в тюрьму?

Она потрясла головой.

— Я сказала, что его отец уехал на пару лет, и вернется, как только сможет. Он в том возрасте, когда подобные вопросы терзают его. Он хочет встретиться с отцом, Райф.

Это невероятно и чертовски поздно. Я совершил страшное преступление, совершаю прямо сейчас, и собирался усугубить его еще одним. Я не могу прекратить то, что начал, особенно сейчас. Если я отпущу Алекс, она побежит прямо к копам.

Какой беспредел. Я отодвинулся от стола и подавил желание схватить себя за шиворот.

— Мне нужно время.

— Я понимаю

— Нет, я так не думаю, Ник... я натворил дел. Вещи, которые я не в силах изменить. Я не тот парень, которым был восемь лет назад.

— Я понимаю это.

— Нет.

Вздохнув, я запустил руку в волосы и потянул, пока моя кожа не начала ныть.

— Ты должна была сказать мне. Ты, блядь, должна была сказать мне.

Я бросил несколько купюр на стол, чтобы оплатить ужин, который не ел, и вышел из ресторана словно трус. Но вопрос остается; если бы она *сказала* мне, поменял бы я свои планы на Алекс?

Седьмая глава

Первый раз

Алекс

Я хотела умереть.

Я не знала, как надолго он оставил меня висеть, но это забивало мне голову. Я потеряла счет времени. Мое тело онемело, почти невесомое, кроме огня, что циркулировал по моим запястьям. Эта боль не проходила, как бы я ни пыталась заглушить ее. В какой-то момент, я начала считать... а потом просто сдалась. Когда прошло 7200 секунд, я была готова сойти с ума. Время тянулось бесконечно. Мой голос стал хриплым от того, как я кричала его имя.

Он не пришел и я начала паниковать. Возможно, те восемь лет, которые он провел в тюрьме, сделали его бессердечным и, мучая меня, он всего лишь испытывал облегчение. Картинки поглотили мой разум, сценарии его побоев в тюрьме, или еще хуже. Он, наверное, испытал полное бессилие, точно так же, как и я сейчас. Я пыталась сфокусироваться на этих восьми годах, но не смогла, думая о том времени, когда он закрыл дверь, оставляя меня в темноте одну. Глубоко в душе зарождается боль.

Господи, он действительно меня ненавидит. Мои действия, рождающиеся от трусости и стыда, поместили его как насильника. И в этот момент, я стояла на цыпочках, наказанная и ненавидящая себя даже больше, чем он. Я заслуживала этого.

Я услышала поворот ручки, сквозь мои уши прошел звон, и полоска света на мгновение осветила меня, перед тем, как погаснуть вновь. Невероятно, но темнота стала еще более удушающей. Я слышала, как он ходит рядом, хотя он практически не издавал и звука.

Его прикосновение пришлось на плечо, и я удивилась, как легко он нашел меня. Его пальцы были горячими и мягкими, резко отличаясь от холода, которого я не могла избежать. Мои зубы стучали в ответ на ласку груди, и мой стон сотряс воздух, разрывая тишину, словно меч.

Одежда зашуршала, его рука щекотала мою, он встал позади меня. Дыхание коснулось моего уха прежде, чем его слова.

— Все эти годы, когда я был в тюрьме, ты думала обо мне?

Скрутив мои ноющие запястья, я переместила ноги, но мои конечности не переставали

дрожать.

— Пожалуйста, опусти меня.

— Отвечай на вопрос.

— Я писала тебе письма, — слова вырвались, заставив меня учащенно дышать. Рано утром, когда сон ускользал от меня, я обнажала перед ним свою душу на бумаге. Всю мою вину, и то, что я чувствовала к нему. Я открывала ему все свои секреты, которые никто не знал.

— Я не получал никаких писем.

— Я никогда не отправляла их, — ну что дернуло меня сказать про эти письма? Только бы он не нашел их... ох, Господи.

— Зачем тогда ты их писала?

— Потому что я...

— Да говори уже, Алекс.

— Я скучала по тебе.

— Ты скучала по мне? — он взял в кулак мои волосы. — Ты представляешь, как смешно это звучит? Ты отправила меня туда.

— Я знаю, — я поморщилась, когда он потянул меня за волосы.

— По кому ты скучала? По парню, на которого ты не могла перестать пялиться, или по парню, который сделал тебе плохо?

Время прошло. Он больше не заботился обо мне. Я не могла винить его, но осознание этого яростно болело, угрожая прожечь дыру в сердце.

— Я просто скучала по тебе, Райф.

— Ты писала о всяких грязных вещах, которые хотела, чтобы я сделал с тобой?

— Нет.

— Врешь, — он впился мне в глаза. — Расскажи о своих фантазиях.

Я пыталась покачать головой, но его кулак намертво держал мои волосы.

— Если ты не начнешь говорить, ты останешься здесь до утра.

Его рука отпустила меня, и я почувствовала, что он уходит.

— Не уходи, — закричала я. — Я расскажу тебе.

— Я знал, что ты ответишь. Ты не изменилась. Я знаю, что восемь лет назад я мог делать почти все, что хотел, но я хотел быть лучше.

— А теперь? — спросила я, нерешительность затаилась в моем голосе.

— Теперь я черный внутри. И мне просто похуй.

— Я не верю. Я еще помню, кто ты, даже если ты им больше не являешься.

— Мужчина, которого ты помнишь, оставил бы тебя висеть на цыпочках?

Точно нет.

— Не думай так, — сказал он, словно услышав мои мысли. — Говори. Расскажи мне обо всех своих грязных фантазиях.

О, Господи. Того, как он выдохнул эти слова мне в уши, было достаточно, чтобы я раскололась.

— Я думала о том, как бы ты любил меня.

— Я похож на тот тип парней, который будет любить?

— Нет.

Он выглядел как тип буду-трахать-тебя-пока-ты-не-расколешься. Тот тип, который приносит новый смысл слову страсть.

— Давай, Алекс. Последний шанс, прежде чем я выйду в ту дверь один.

— Я думала о том, как ты опускался передо мной на колени.

Он облизал мочку моего уха языком, вызвав нервную дрожь.

— Ты удовлетворяла себя, думая о моем языке в твоей киске?

Он обвил руку вокруг моего горла, выгнув шею и засунув язык в мое ухо. Он будто демонстрировал, что именно его язык сможет делать, оказавшись в другой части моего тела.

— Ты задница, — произнесла я, еле выдавив эти слова.

— Я хочу трахнуть твою.

Я не могла побороть дрожь. Идея мне не понравилась, но в то же время, мысль о том, как Райф скользит в моей тугой, запретной заднице... было в этом что-то манящее.

Его суровый смех вернул меня обратно в настоящее.

— Черт, готов поспорить, что ты сейчас мечтала об этом?

— Нет.

Я покачала головой, как если бы отказ был недостаточно хорош, будто он мог видеть меня в любой темноте.

— Я слышу чушь. Ты хочешь, чтобы я трахнул твою задницу.

— Я никогда... не делала этого.

Анальный секс был одной из областей, где я была девственна, незапятнанная жестокой одержимостью Зака. Мысль о том, как Райф проникает в единственное место, оставшееся

нетронутым, заставила меня трепетать, но это также пугало меня.

— Я могу быть твоим первым, — он засунул палец между моими губами. — Бьюсь об заклад, ты также мечтала о моем члене у себя во рту. Ты любишь сосать?

Я закрыла свои губы и начала сосать его палец, не в состоянии остановить себя. Его палец был соленым с присущим только ему привкусом. То, как он гладил мой язык, заставило меня хотеть чего-то более большого у себя во рту. Я никогда не хотела этого раньше, часто терпела насильственное вторжение в мой рот Заком, отдаваясь по полной, лишь бы он быстрее кончил. Но Райф... чувствовать его ртом, это другое.

Он вытащил палец, и провел влажную дорожку вниз по горлу.

— Я хочу освободить тебя, а ты собираешься выполнять каждое гребаное указание, поняла меня?

— Да, — сказала я, сдержав стон.

Он освободил меня от оков, мои руки опали по бокам, будто на них висели цементные блоки. Не давая возможности размять тело, он потащил меня сквозь темноту, будто он спешил куда-то. Мое сердце отбивало неустойчивый ритм, когда он толкнул меня вверх по лестнице, пальцы нажали на бедра, и эти прикосновения были *далеко не нежными*. Его руки на мне, сжимающие больно и сильно, сделали мою киску теплой и влажной. Мое дыхание участилось, и хоть стоны звучали скорее от страха, чем от желания, я, определенно, хотела его.

Мы зашли в гостиную, и его руки поднялись на мою талию, а его рот приблизился к плечу, посасывая и щипая, будто он шел впереди меня, шаг за шагом. Я повернула голову к его плечу и застонала, прикрыв глаза. Приоткрыв губы, я думала, что произнесла его имя, но если я и сделала это, то оно пропало в тяжести нашего дыхания.

Он остановился на краю комнаты и потянул вниз лесенку.

— Поднимайся, — сказал он со стоном.

Он сильно ткнул в мою спину и обернул свои большие руки по обе стороны от меня, словно вел меня по крутому проходу в горах. Он включил свет, и я увидела спальню на чердаке с наклонным потолком. Большие мансардные окна создавали иллюзию пространства, хотя двуспальная кровать занимала почти всю комнату. Здесь было уютно и тепло, и я хотела запрыгнуть на матрас, чтобы проверить, такой ли он мягкий, как кажется, а еще лучше, вместе с его обнаженным телом, ласкающим мое.

Он повернул меня, и я встретила его взгляд, пропав в его невероятно зеленых глазах и длинных густых ресницах, они определенно лучше, чем у меня. Эти глаза излучали маниакальную одержимость, пожирая меня взглядом. Он набросился без предупреждения, мышцы напряглись, словно он поднял меня. Я пошатнулась на беспомощных ногах, когда он пересек комнату и толкнул меня к кровати. Это было больше, чем секс. Он хотел сделать мне больно — я чувствовала это в тех местах, где его пальцы оставили свои отпечатки.

Тяжело дыша, я оперлась на локти и смотрела на него с опаской, мои дрожащие коленки развелись в стороны. Он медленно шагал ко мне, снимая свою одежду с каждым шагом, и его жестокий взгляд выражал только одно, я принадлежала ему. Я не должна чувствовать волнение, не должна чувствовать тепло между ног, но это была я — девочка, которая все делала неправильно.

— Перевернись, — простонал он. — Обопрись на руки и колени.

Я перевернулась на живот, и встала на четвереньки, матрас прогнулся, когда он встал сзади меня. Он схватил меня за бедра и потянул назад, пока моя плоть не уткнулась в него, мои ноги расставлены как можно шире. Грубая рука прижала мою щеку к матрасу, и мой стон разорвал воздух, а его эрекция дразнила мою набухшую плоть.

— Ты принимаешь противозачаточные?

Вопрос вызвал ноющую боль в моем сердце. Я была на той или иной форме контрацепции с пятнадцати лет.

— У меня была инъекция пару недель назад.

— Ты чистая?

— А ты? — повторила я.

— Я был в тюрьме на протяжении восьми лет, как ты думаешь?

Я не ответила, так как не любила думать о Райфе в тюрьме.

— Я задал тебе вопрос, — этот угрожающий тон трудно было не узнать. — Ты чистая?

Я была только с одним мужчиной, и, учитывая одержимость Зака, я сомневалась, что мне нужно беспокоиться о венерических заболеваниях. Я мечтала, чтобы Зак переключился на кого-то другого.

— Я чистая.

Он сжал пальцами бедра и толкнул меня.

— Ты этого хочешь?

Господи, да.

Я испустила умоляющий стон. Я не должна хотеть его так сильно. Это неправильно, но мысль о том, что он сделает это в любом случае, даже борись я с ним, делает меня еще горячее. Я ненавидела свое тело; это все неправильно. Секс не должен быть в плену у силы и контроля.

Его руки сомкнулись вокруг моих запястий и вдавили их в матрас, рядом с моими бедрами, и я никогда не чувствовала себя такой беспомощной и незащищенной.

— Я не буду нежным.

Все мое тело вздрогнуло.

— Я и не ожидала, что будешь.

— Хорошо, потому что я не остановлюсь.

Что-то зловещее таилось в его словах.

— Мне будет больно, да?

Дрожь пробежала сквозь меня, и я не могла решить, от волнения это или от страха. Зак делал мне больно так много раз, что это стало второй шкурой для меня, но Райф не был мой братом-психопатом. Райф был моей фантазией в течение многих лет, и теперь он сковал и распростер меня, как легкую добычу, и я волновалась потому, что он мог понять, насколько испорченной я была.

— Я не разрешаю тебе кончать.

Я застонала.

— Ты больной, если думаешь, что я буду сдерживаться.

Каждая частица моего тела желала, чтобы он заполнил меня.

Его пальцы сжали запястья.

— Я думаю, ты найдешь способ, конечно, если не хочешь испытать меня. Я не трахаю тебя для твоего удовольствия, милая. Я трахаю тебя, потому что ты мое тело для траха.

Это все, чем я была для него. Тело для секса, *которое* он презирал. Губы затряслись, глаза наполнились слезами, я пыталась заглушить боль, не так я представляла наш первый раз.

Восьмая глава

Удушение

Райф

Я *не был* монстром. Если скажу это себе достаточное количество раз, возможно, я поверю в это.

Она повернула голову и посмотрела на меня, ее темные локоны лежали на плече, нефритовые глаза наполнились болью. Она все еще не понимала, как я изголодался по ее боли, ее слезам. Я сильно ударил ее по заднице.

— Опусть голову вниз.

Я вошел в нее, и ее спина прогнулась под натиском моей дикой ненасытности. Мое тело воспламенилось, ощущая соприкосновение. Никакого латекса, только кожа к коже. Черт, ее киска ждала меня. Тугая, мокрая, горячая. Если бы я не ходил по краю, я бы трахал ее в течение нескольких часов. Наконец-то, после стольких лет ожидания, я был в ней. Ощущение власти опьяняло меня, будто сделав открытие, что это больше, чем секс. Я мог отрицать это сколько угодно, но химия между нами не могла врать. В ней было что-то неотразимое. Она была прекрасна даже, когда ей было пятнадцать, но тогда воспитание не позволяло мне приближаться к ней. Теперь, когда она повзрослела и превратилась в шикарную женщину, мне хочется ее уничтожить, и будет вполне оправдано овладеть ею.

Повернув свои бедра, я вошел глубже и удивился тому, что ее тело обволакивало мой член словно перчатка. Мы двигались в одном ритме, потные и нуждающиеся, я сжал свои пальцы вокруг ее запястий, где ее пульс бился в такт мои толчкам. Звуки, что она издавала,

вибрировали в моем члене — блядь, они делали меня счастливым. Я входил сильнее, быстрее и продолжал сжимать ее запястья, пока костяшки на пальцах не побелели.

— Мне больно, — сказала она. Ее голос разнесся по воздуху, словно вырванное перышко.

Я дернул ее в вертикальное положение, и обхватил рукой за плечи. Одна рука прижимала ее ко мне, держа в ловушке, тогда как вторая сжимала ее горло, пальцы по обе стороны шеи, заставили ее запрокинуть голову. Ее позвоночник прогнулся, когда я отодвинулся.

— Ты чувствуешь это? Мой член внутри тебя.

Я вошел в нее с силой, увеличив темп, боль. Я хотел сделать ей больно, заставить плакать. Каждый сильный толчок, неумолимый акт наказания — способ скрыть то, что мучает меня глубоко внутри; вещи, с которыми я боролся на протяжении восьми лет. Я жаждал эту девушку, при этом ненавидя ее до кишок внутри.

— Пожалуйста... — она всхлипнула.

— Что, пожалуйста? Ты хотела, чтобы я трахнул тебя, и теперь... я трахаю.

Я сдержал стон, и сильнее сжал пальцы вокруг ее горла.

— Райф... О, Господи, Райф! Я не могу больше сдерживаться, — она сказала это сквозь стиснутые зубы, и те благословенные слезы, которые я так ждал, вытекли из ее глаз.

Я лизнул каждую соленую каплю, что стекала по ее щеке, позволив ее обиде остаться на моем языке.

— Ты не кончишь, — сказал я, сжимая ее горло и повернув шею в сторону. Я легко укусил зубами в нежную, кремовую кожу и надавил сильнее, когда визг сорвался с ее рта. Мой член трепетал от этих воплей.

— Правильно, милая. Плачь для меня. Борись со мной.

— Не могу... остановить... это.

Она сильно застонала, что остановило меня, когда ее киска начала сжиматься.

Она не билась, не боролась и не умоляла. Она просто, блядь, сдалась.

О нет, блядь. Она *будет* бороться.

Я глубоко вдохнул, ища контроль, потому что все остальное было опасно. Прошло слишком много времени с тех пор, как я испытал захватывающий приплыв адреналина, затапливающий мой разум. Высоту, которую я испытывал, когда забирал чей-то рассудок и дыхание, когда я был богом для них, в те секунды, когда они стояли на пути жизни или смерти в моих руках.

Я не мог отбросить это подальше, потому что не важно, что я скажу ей, это слишком многое для нее значило. Я хотел ее борьбы и ужаса, но не хотел убивать ее. Я напряг свои пальцы вокруг ее горла, добавив достаточно силы, чтобы остановить приток крови к ее мозгу.

Она извивалась, словно бешеная, ее ногти впивались в любую часть меня, до которой она могла дотянуться. Кровь бросилась ко мне в член, я никогда еще не чувствовал такое безумие и бешенство, как когда я кончал в нее сзади. Ее тело наклонилось назад, и я считал секунды.

Она расслабилась в моих руках, словно последний поток удовольствия, сочившийся из моего члена. Я отодвинулся, сердце билось слишком быстро, и положил ее тело на матрас.

Девятая глава

Сожаление

Алекс

Когда я очнулась, меня обнимали сильные, мускулистые руки. Я схватилась за горло, борясь с ужасающим воспоминанием, в котором не могла дышать. Несмотря на дезориентацию и растерянность, еще глубже утонула в его объятиях, наслаждаясь прикосновением его тела. Я закашлялась и вдохнула, по-тихоньку сознание возвращалось. Холодная, суровая реальность погасила тепло и заботу.

Райф пытался задушить меня.

Я выбралась из его хватки и поползла к краю кровати, прежде чем он опять схватил меня.

— Куда собралась?

— Ты, блядь, душил меня!

— Ты, блядь, кончила.

— Ты пытаешься убить меня? Ты так сильно меня ненавидишь?

— Не *так сильно*, как ты думаешь, Алекс.

Он переместил одну руку на талию, а второй играл с волосами.

— Тебе нужно запомнить, что все здесь контролирую я. Наличие у тебя горячей киски, еще не значит, что ты можешь послушаться меня. Если я говорю никаких оргазмов, это означает никаких оргазмов!

Сильная обида вернулась, и я, не в силах сдержаться, заплакала. Обида захлестнула меня, заставив рыдать словно ребенка. Он забрал у меня то, что я хранила годами. Он забрал мой первый раз с ним, и запятнал его убивающей жестокостью.

Я понимала, что ничего уже не вернуть, и боль от его безразличия только усилилась. Для него я была только ходячей вагиной. Хуже того, я была той, кто заслуживал его презрение.

Я заслужила его ненависть, но я не заслужила смерти.

— Перестань плакать, иначе отправишься обратно в подвал.

— Почему ты ведешь себя как придурок?

— Почему ты отправила меня в тюрьму? — огрызнулся он, больно потянув за волосы.

— Я не хотела. Господи, Райф... я не хотела.

— Я устал ходить вокруг да около. Лучше скажи, зачем ты сделала это, или я снова буду душить тебя.

Еще один всхлип вырвался из моего рта, я пыталась говорить, но слова пропадали, не успев прозвучать.

Он перевернул меня на спину, одной рукой прижав к матрасу мои запястья, а второй схватив за горло. Мой пульс вышел из-под контроля. Он не давил. Вместо этого он всматривался в мои глаза, ища ответ.

— Пожалуйста... не нужно. Пожалуйста... — слезы хлынули потоком, стекая по моим щекам. Он наклонился и слизал их.

— Лучше скажи правду, иначе снова отправишься в глубокий сон.

— Пожалуйста! — умоляла я. — Я не хотела этого делать. Райф... ты не представляешь.

— Ооо, я думаю, что я как раз представляю. Быть запертым очень интересно, Алекс. У меня было много времени, чтобы подумать. Ты хотела меня, хоть я и не давал тебе ничего, правда? — он наклонился вниз и коснулся моего носа своим. — Ты не можешь это отрицать.

Не могла понять, я была возмущена или потрясена его предположением.

— Признай это! Ты была избалованным ребенком, избалованной маленькой паршивкой, которая, недолго думая, выбросила меня, словно мусор, когда не смогла получить то, что хотела.

— Я любила тебя! — закричала ему в лицо. — Я чертовски сильно тебя любила.

Я повернула голову и молилась о том, чтобы матрас поглотил меня внутрь.

О, Господи. Я была подавлена.

Его молчание давило больше, чем его тело. Он обернул пальцы вокруг моих запястий.

— Что ж, ты нашла довольно забавный способ показать это, — наконец произнес он.

У меня не было слов для ответа. Его пальцы сжали мое горло, все еще угрожая наказать.

— Пожалуйста, Райф, — шептала я, мой голос надломился. — Не делай этого.

— Не делай этого? Ты даже не представляешь, что *ты* натворила. Я хочу выжать каждый последний вздох из тебя. Я хочу ломать тебя, пока ты не обвиснешь в моих руках.

— Пожалуйста, — умоляла я.

— Они изнасиловали меня там, Алекс.

Я не могла дышать, не из-за того, что его руки сжимали меня, а потому что впервые позволила себе понять, что именно я с ним сделала.

— Убей меня, — горячие, соленые капли сожаления стекали в мой рот. — Я заслужила это.

Он зажмурился — его глаза были наполнены болью — и сильнее сжал горло.

Мой рот открылся, и я ахнула, перед глазами плясали огромные пятна. Комната сужалась, стены меркли с каждым ударом моего сердца. Я думала, что это последние его удары.

— Сделай это, — пропищала я, голос покидал меня.

— *Блядь*, — выдавил он. Уязвимость в его голосе разбила меня на две половинки. Он отпустил мое горло, и я вдохнула воздух, думая, что мои легкие сейчас лопнут.

— Я хочу забрать твою боль, — сказала я, закрыв глаза. Я принесла ему так много страданий и боли, испортила его жизнь. Я причинила боль единственному парню, которого любила.

— Мне жаль. Мне очень жаль, — я повторяла это вновь и вновь, моля, чтобы он поверил мне, мечтая повернуть время вспять. — Если ты хочешь поговорить об эт...

— Заткнись, — он развернул меня к себе, и прижал к своему телу. — Слишком поздно. Ложись спать.

Вместо того, чтобы вернуть меня в подвал, он прижался ко мне, одной рукой играя с волосами, а второй обнимая за грудь. Его ноги переплелись с моими.

Я понимала, что мы еще вернемся к этому разговору. Он не остановится, пока не узнает правду, а я думала, сколько еще смогу продержатся. Сколько еще удушений выдержу? Сколько еще часов проведу связанная в холодном подвале? Сколько сексуальных пыток еще вынесу?

Я сжала руки в кулаки, поднесла их к дрожащим губам и вонзила ногти глубоко в ладонь. Когда дело касалось Райфа, я никогда не знала, что последует дальше, никогда не знала, на что он способен, особенно в свете теперешних событий. Вздрогнула, подумав о том, через что он прошел. Я *была* избалованным, испорченным ребенком. Эгоисткой. Я должна была прекратить это. Я должна была рассказать всю правду полиции, но шли часы, большинство из которых я провела в шоке, и я потеряла все мужество, которым могла обладать. Часы превратились в дни... дни в месяцы... месяцы в годы.

Все это время Райф был в аду.

Несмотря на то, каким он стал жестким, я верила, что ему не наплевать на меня, где-то внутри все еще существовал парень, которого я помню. Он, возможно, любил бы меня, если бы все было по-другому. Если бы я не сломала его.

Но жизнь это жизнь. Я не могла вернуть прошлое. Я могла только смириться с настоящим, как бы оно ни ранило меня.

Позже, когда его дыхание сменилось на тихий храп, я аккуратно высвободила свои волосы, и сдвинула его горячую руку с моей груди. Миллиметр за миллиметром, я выбралась из его хватки и выползла из постели. Когда пол заскрипел подо мной, я сжалась, страх рос в моем горле огромным комком. Я не двигалась. Сглотнув, медленно двинулась в сторону лестницы, что ведет на первый этаж.

Господи, я дрожала как осиновый лист. Все это напомнило мне один из фильмов ужасов, которые я часто смотрела с Лукасом — тот, в котором я кричала на героиню из-за ее глупости, потому что у нее не было никакой возможности выбраться живой из дома.

Я должна. Для нас обоих. Я не имела ничего против него. Ужасы, которые он испытал в тюрьме, были на моей совести. Я не заберу их у него, и не буду пытаться загладить вину. Мы

все совершаем поступки: плохие и хорошие. Когда речь заходила о плохих, Райф и я имели равный счет.

Поэтому я *должна* убраться отсюда до того, как ситуация обострится и он сделает что-то, о чем будет жалеть.

Я спустила лестницу, боковым зрением наблюдая, как он спит. Она с огромным шумом ударилась о пол, заставив мое тело сжаться. Райф перевернулся, укрывшись одеялом, и в какой-то момент я захотела лечь рядом с ним. Смешно.

Как только его мягкий храп возобновился, адреналин ударил мне в голову. Я спустилась по ступенькам вниз и с тихим стуком приземлилась на деревянный пол. Я очутилась в темной комнате, благодарная за сильный дождь, который издавал какофонию, стуча по подоконникам. Под покровом ночи и шума, я бросилась глубоко в дом, ища свою одежду. Черт, мне нужна хотя бы куртка.

Если будет нужно, я выйду из дома полуголой.

Я направилась в сторону кухни, надеясь найти куртку у входа. Завернув за угол, я тряслась от смеси страха и предвкушения. Испытывая *дежа вю*, я словно стояла у себя дома в ночь моей помолвки, приготовившись убежать, забив на последствия.

Врезавшись в тело, я подумала, что это Райф, пока глубокий незнакомый голос не заговорил.

— Что ты здесь делаешь, блуждая в одиночку?

— Райф! — закричала я, развернувшись и побежав обратно на чердак, будто моя жизнь зависела от этого. Я вновь кричала его имя, когда мои ноги поскользнулись на полу. Я так торопилась подняться на чердак, что мои ноги поскользнулись на первой же ступеньке и мой подбородок ударился об дерево. Я упала на задницу, моя челюсть пульсировала. Закрыв свою грудь руками, я наблюдала, как фигура приближается ко мне.

Десятая глава

Побег

Райф

Ее крик вырвал меня из сна и я вскочил на ноги. Адреналин зашкаливал, я не мог вспомнить, как добирался до края лестницы, и вглядывался в темноту, пока не включился свет. Алекс сидела внизу, прикрывая грудь рукой.

Джакс стоял возле нее. Он поднял голову вверх и, поймав мой взгляд, пожал плечами.

— Она просто испугалась, мужик.

— Секунда и я внизу.

Я накинул черную рубашку, не застегнув ее, и влез в свои джинсы. Расстегнутый пояс свисал над моим членом, пока я спускался по лестнице.

Алекс одарила меня нервным взглядом, глаза широко открыты, грудь вздымалась под ее руками, которыми она пыталась хоть немного прикрыться. Часть меня желала затащить ее наверх и снова трахнуть. Вторая же часть хотела разыграть представление. Я уже испытывал на вкус ее унижение, я жаждал его.

— Поднимайся, — сказал я, мое лицо приняло суровое выражение лица. Я повернулся в Джаксу. — Хочешь посмотреть?

Он поднял бровь.

— Она — голая женщина. Как ты думаешь, хочу ли я?

Алекс поползла назад, скользя голой задницей по полу. Я схватил в кулак ее волосы и потянул к ноге.

— Оставь меня!

Она пыталась вырваться, хотя по-прежнему не убирала руки, и я еле сдерживал себя, чтобы не рассмеяться над тем как она стоит. Она выглядела как женщина, которая хочет в туалет, но сдерживается из последних сил.

— Руки по бокам, — приказал я. Она должна знать, что я пойду на все, лишь бы укротить ее, даже заставить думать, что я могу делить ее с другими. Конечно, я скорее отрежу руку, чем сделаю это, но она-то этого не знала. Угроза отдать ее Джаксу должна утихомирить ее пылкое желание упорствовать.

Я дернул ее за волосы.

— Руки по бокам!

Ее рыдание должно было рвать меня на кусочки. Это была бы нормальная реакция, но видя ее слезы, я думал лишь о том, чтобы превратить эти рыдания в крик. Я свел ее руки за спиной. Ее соски сморщились, нет сомнений, здесь было холодно.

— Потрогай ее сиськи, — сказал я Джаксу.

Он уставился на меня.

— Ты уверен?

Нет, не во всем.

— Да, я уверен.

Алекс должна знать, что она не имеет никакой власти надо мной. Как еще показать ей, как мало она для меня значит, если не передать ее другому мужчине? Он протянул руку, не обращая никакого внимания на ее сопротивление, и коснулся кончиком пальца ее соска. Наблюдать за тем, как он прикасался к ней, было тяжелее, чем я рассчитывал. Она глубоко дышала, и ее тело сжалось, как будто она знала, что была здесь в меньшинстве и не могла остановить это.

Она была права. У нее не было никаких прав на этом острове, и она это понимала.

Я сжал свои зубы, когда Джакс подошел ближе и положил обе руки на ее грудь.

— Ты счастливый сукин сын.

Я мог бы обидеться, но он правильно назвал мою мать.

— Они маленькие, но выглядят обалденно, — сказал он, продолжая мять ее грудь руками.

Беспокойство отразилось на ее лице, и она плюнула в него.

— Убери свои руки от меня!

Он отошел назад, и я дернул ее за волосы.

— Ты должна проявлять больше уважения, особенно к моим друзьям. Джакс живет здесь, поэтому тебе лучше привыкнуть ходить голышом перед ним, — я схватил ее лицо, заглянув глубоко в глаза. — Если я скажу тебе, что он хочет потрогать тебя, ты позволишь ему. Если я скажу, чтобы ты отсосала у него, ты возьмешь в свой сладкий ротик его член. Ты будешь делать то, что я скажу, ясно?

— Не буду, — сказала она, усмехаясь. — Я не игрушка, которая будет ублажать твоих дружков. Что, блядь, случилось с тобой?

Я поднял брови.

— Что, блядь, случилось со мной? — я толкнул ее на колени, и положил ее голову между рук, которые тряслись от ярости.

— Что случилось с тобой по отношению ко мне?

Блядь, она меня достала.

— Джакс, расстегни.

Он посмотрел на меня ошарашенными глазами. Очевидно, он не ожидал такого поворота, также как и я, но отступить было слишком поздно, даже мысль о том, что она коснется его члена, заставляла мою кровь закипать.

Нерешительность длилась все мгновение, перед тем как он расстегнул джинсы. Алекс была заманчивой штучкой, и я сомневался, что хоть один мужик откажется от этого чудесного ротика вокруг его члена. Даже Джакс не сказал бы нет, хоть и сомневался, когда это началось.

Он опустил молнию и вытащил свое достоинство. Алекс напряглась и повернула голову в сторону, будто он стоял прямо перед ней. Я усилил хватку, нерешительность воевала внутри меня. Я хотел, чтобы она сосала только мой член, только мой. Но мне нужно хотя бы это увидеть.

Джакс шагнул вперед и остановился почти у самих кончиков ее губ.

— Открой рот, — скомандовал я.

Она начала дергать голову назад, поэтому я нажал на ее челюсть пальцами, заставляя открыть рот. Я взглянул на Джакса.

— Дай ей попробовать.

Сглотнув, он медленно поднес кончик к ее губам.

— Тебе нравится его вкус на твоём языке? Как насчет всего? У тебя был мужчина, который засаживал тебе по самые яйца?

Ее протест исказился из-за его члена во рту, и ее слезы катились по моим рукам, так как я был вынужден держать ее голову.

Джакс закрыл глаза, и я заметил небольшую дрожь в его теле. На его лице не было никакого удовольствия, и я понял, что это слишком для него. Блядь, кого я обманываю? Это было слишком даже для меня.

— Ты сосешь его член или идешь в подвал. Выбирай.

Она дернула голову назад.

— Подвал, — ответила она сразу, без колебания, что заставило меня улыбнуться. Единственный член, который она хочет — это мой. Я поставил ее на ноги, и Джакс отошел назад, застегивая ширинку.

Я толкнул ее к двери подвала, он шел следом, хотя и не пошел за нами по лестнице. Дверь закрылась с огромным гулом. Она отбросила мои руки от себя и отошла к стойкам с винными бутылками. Слезы, что текли по ее лицу и капали на грудь, должны были смягчить меня, но все было наоборот. Я хотел слизнуть каждую, ощутить вкус соли на языке. Ощутить ее боль.

Закон видел во мне насильника. Врожденного. И я не хотел расстраивать их сейчас.

— Залезай в клетку.

— Нет!

Она схватила бутылку вина, смотрела на нее пару секунд и ударила об стену. Темное, красное вино плеснуло на ее ноги. Подняв дрожащую руку, она вцепилась в горлышко до белых костяшек, и выпрямилась, будто готовая сражаться со мной.

Черт, она действительно была готова. Может быть, я наконец-то нашел секретную кнопку, которая посылает ее тихо плакать в углу с осознанием того, что жестокий сукин сын держал ее жизнь в своих руках. Никакой романтики и любви. Но она не сидела в углу сейчас. Она была готова броситься на меня, словно дикий тигр.

Блядь, это было поворотом, особенно потому, что мои зубы были больше ее.

— Положи это вниз, — сказал я, медленно выговаривая каждое слово.

— Ты сумасшедший, Райф! Как ты мог предложить меня ему? — она кричала, ее лицо исказилось, я никогда ее такой не видел. — Как ты мог душить меня?

Ее тело тряслось, и я понял, что это все адреналин, ей нужно успокоиться, но я не был уверен, сможет ли она.

Пока она не бросилась на меня, рассекая воздух самодельным оружием.

Дерьмо. Она не шутила.

Я поднял руки.

— Успокойся. По крайней мере, я не пытался порезать тебя, милая.

— Не называй меня так. Пожалуйста,пусти меня. Пожалуйста... Райф. Я не хочу ранить тебя.

— Милая, — сказал я, просто чтобы подразнить ее. — Ты даже не была близка к тому, чтобы ранить меня.

Она заколебалась на мгновение, перед тем как ее рука дернулась вперед, и битое стекло приблизилось слишком близко.

К счастью, я поймал ее запястье и сжал, пока горлышко не выпало из ее рук и не разбилось.

— Еще раз так бросишься на меня, и я вышибу из тебя нахрен эту дурь.

Я вывернул ее руки за спину, держа ее в ловушке, и обхватил ее горло. Ее дыхание участилось, и с каждым вздохом она медленно сдавалась. По крайней мере я так думал. Я ослабил хватку, ошибочно, потому что она вонзила зубы мне в руку, ударила меня по ноге, и выбежала вверх по лестнице.

Одиннадцатая глава

Фобия

Алекс

Почему он не схватил меня?

Это была единственная мысль, крутившаяся в моей голове, когда я бежала по лестнице. Каждый шаг казался очень медленным, будто во сне, в котором кто-то гнался за мной, а я не могла заставить свои ноги двигаться быстрее. Я открыла дверь и врзалась в широкую грудь.

Джакс схватил меня за плечи, его пальцы сильно сдавили меня.

— Отпусти!

Я подняла колено и заехала ему яйцам. Продолжила бежать, в то время как он со стоном согнулся пополам. Время словно замедлилось, каждый шаг давался мне с трудом. Добравшись до двери, рванула в холодную тьму, не решаясь оглянуться назад. Они могли быть сразу за мной, но я была слишком напугана, чтобы проверить это.

Дыхание участилось, и я побежала вперед. Камни впивались мне в ступни, ветер бросал волосы прямо в глаза, а дождь таранил тело. Меня абсолютно не волновало то, что я бегу голая неизвестно где в плохую погоду.

Раскат грома осветил небо, и я увидела обрыв сквозь деревья.

— Алекс!

Мое сердце ушло в пятки, когда злой голос Райфа прозвучал как гром среди ясного неба. Он был слишком близко. Я пригнулась и спряталась за деревом, ища путь к свободе, ведь тогда на кухне я слышала шум шоссе.

— Прекрати! Алекс!

Я быстро рванула вперед меж густых елей, но дороги за деревьями не оказалось. Свет снова озарил небо, и в этот момент я заметила воду. Дождь стучал по поверхности, делая ее пористой и пугающей. Меня занесло, босые ноги скользили по гальке и грязи, я попыталась удержать равновесие.

Но было слишком поздно.

С визгом, я упала на край, мое тело перевернулось и сорвалось вниз. Молния разразилась небо еще раз, позволив мне увидеть ужас на лице Райфа. Я кричала ему, махая и плеща руками, в то время как погружалась в холод. Вода накрыла мое лицо, и меня потянуло вниз.

Меня затягивало глубоко от него. От единственной надежды на спасение. Я была уверена, что самой мне не выбраться. Ведь я даже не умела плавать.

Я боролась, бодалась, молилась, чтобы всплыть на поверхность, и слепо хваталась за все, что можно. Легкие горели от отсутствия воздуха. О, Боже, это было невыносимо. Мое тело обмякло, и я сдалась, смирившись с неминуемой смертью. Возможно, я заслужила это. Возможно, всем будет только лучше. По крайней мере, я опять увижусь с мамой, получу шанс все объяснить, попросить прощения.

Я думала о Райфе, когда открыла рот и позволила воде наполнить мои легкие. Ощущение покоя окутало меня, и я попрощалась с ним, сказав, что люблю его. Когда все погрузилось в темноту, сильные руки схватили меня. Мое тело быстро двинулось вверх, а потом... ничего.

— Черт возьми, дыши, Алекс!

Кто-то давил мне на грудь.

— Черт, мужик, мне так жаль. Я не должен был отпускать ее.

— Дыши!

Голоса были искажены, будто их стянули чем-то за горло. Холодные, мокрые капли падали мне на лицо, и сначала я думала, что это слезы, но слезы были теплые и соленые, а эти капли словно кололи меня ледяными булавками. В воздухе что-то громко загрохотало, перекрывая голоса, и земля затряслась. Ощутила как мягкие, удивительно горячие губы, открыли мой рот и начали вдыхать в меня жизнь. Я пришла в себя, и сильный кашель сотряс все мое тело.

— Правильно. Выкашляйся.

Холодные пальцы повернули мою голову в сторону, и поток воды вырвался из моего рта. Открыла глаза и заметила Райфа, который навис надо мной. Сильные руки удерживали его вес, а его лицо было всего в нескольких дюймах от моего.

— Ты напугала меня до смерти! — закричал он на меня. Вода стекала с его волос вниз по носу и капала с подбородка.

А его глаза... они прищурено смотрели на меня, метая молнии. Он встал на ноги и протянул мне руку.

— Вставай, — сказал он, сжав губы.

Позволила ему поднять меня, и мое тело начало трястись, я не могла это контролировать. Я пыталась держать все под контролем, после того как меня вытащили из воды, но как только еще один раскат грома осветил небо, ситуация обострилась.

Очень много воды.

Она окружает меня.

Мое сердце отдавалось эхом в моих ушах, оно ускорило темп, вслед за растущей паникой. Крик вырвался из моего рта, а затем я крикнула вновь, обняв себя, словно мир вокруг меня перевернулся.

— Почему? — лишь одно слово сорвалось с моего языка. — Зачем ты привез меня сюда?

— А ты как думаешь? — тряхнув головой, Райф посмотрел на Джакса, который стоял в противоположной стороне от драмы, разворачивающейся между мной и Райфом. — Я знал, что тебе не удастся сбежать, но я никак не догадывался, что ты сделаешь это и почти убьешься!

Я решила не отмечать тот факт, что любой здравомыслящий человек попытается сбежать.

— Где мы? Что это за место?

— Остров Мейсона, — он показал рукой на место. — Но раз ты так настаиваешь на уходе, там есть лодка. Ты свободна.

— Ты знаешь, что я не смогу!

— Думаешь, я привез бы тебя сюда, — произнес он со зловещим смехом, — не знай я этого? — он толкнул меня обратно, его глаза сверлили меня. — Ты будешь делать так, как я скажу, здесь тебе некуда идти. Мы оба знаем, что ты не уйдешь дальше этой гребаной воды.

— Я тебя ненавижу! — закричала я и начала бить его по груди.

Он легко прекратил этот бунт.

— Но не настолько, насколько ненавижу тебя я. Теперь шевели своей задницей.

Он окончательно вытащил меня из воды, и потянул, как я предположила, в дом. Я оцепенела и опустила глаза вниз, не замечая ничего вокруг себя. Я могла думать только об одном.

Вода. Слишком много воды.

Ему не нужно запирать меня. Страх окутал меня, заключение было самым эффективным способом, который он только мог придумать. Цепи, кандалы, клетки — все смешалось в моей голове. Пока я следовала за ним, что-то внутри меня окончательно сломалось. Мой страх воды появился из-за неудачного опыта, который едва не стоил мне жизни. Мне было четыре года, и я никогда не училась плавать прежде.

Райф знал это. Он был тем, кто выловил меня из нашего семейного бассейна, когда мне было

уже четырнадцать, после того как Зак «случайно» столкнул меня в него. Мой брат был особенно значимым в тот день, возможно потому, что Райф остановился, а я не могла оторвать от него взгляд.

Как бы прискорбно это ни звучало, моя фобия была его самым мощным оружием.

Мы втроем зашли через кухонную дверь в дом, Райф включил свет. Не в силах остановить дрожь, я обняла себя и сжала челюсть, пытаюсь заставить зубы не стучать.

Райф выжал свою черную рубашку и швырнул ее на стул, который отодвинул от стола.

— Джакс, сядь здесь, хорошо?

Джакс посмотрел на него с усмешкой, но выполнил его просьбу.

— Нет, разверни стул и сядь лицом к столу.

— Понятное дело.

Джакс повернул стул и уселся на него, предварительно сбросив с него мокрую рубашку Райфа.

Райф уставился на меня, и на пару секунд я забыла, как дышать. Этот взгляд, поджатые губы и нахмуренные глаза заставили мой пульс взлететь. Гром прогремел и я подпрыгнула.

Райф вытащил ремень из своих штанов.

Я попятилась.

— Что ты делаешь?

Он даже не дал мне шанса отступить назад. Рывком схватил мою руку, притянул ближе и затянул ремень вокруг запястий.

— Райф... пожалуйста.

Сильнее стянул кожу, и я вскрикнула, когда он резко наклонил меня на стол. Капли воды стекали на стол, а моя грудь оказалась прижатой к поверхности.

Он подвинул мои руки и бросил конец ремня Джаксу.

— Привяжи это к стулу.

— Райф? — мой голос получился слишком высоким, и я вовремя повернула голову, чтобы увидеть, как он снимает со стены то весло, которое показывал ранее. — Ты не можешь.

Джакс хихикнул, пока привязывал ремень к стулу. Я потянула его, но он не сдвинулся.

— Еще как могу.

Райф опять привлек мое внимание. Его взгляд окутал меня холодом, заставляя страх и раскаяние бежать по моим венам. Страх от того, что должно произойти, и раскаяние за свои действия. Прежде чем бежать, я должна была подумать дважды. Я должна была подождать пару дней и сначала втереться к нему в доверие. Эта попытка бегства, стала катастрофой.

— Один мой старый знакомый использовал его на моем брате и на мне миллион раз. Это очень больно, и могу поспорить, очень скоро твоя попка тоже с ним познакомится.

Я застыла, когда он остановился позади меня. Ожидание первого удара было самой худшей частью, и когда наконец-то он соприкоснулся с моей задницей, я потеряла дыхание. Мне казалось, что это ожидание длилось вечность, хотя прошло лишь мгновение, после которого последовали частые удары. Я стояла на цыпочках и до крови закусил губу. Не подарю ему такое насаждение, как мой крик.

И я никогда не хотела, чтобы он узнал, как это влияет на меня. Мое лицо горело от унижения — не от его действий, а от того, как я реагировала.

— Давай, милая, кричи для меня. Умоляй меня остановиться.

— Нет, — это все, что я могла выдавить сквозь стиснутые зубы.

Он ударил сильнее, и я непроизвольно взвизгнула.

— Так-то лучше.

Удар!

— Прекрати!

Я сжала свои бедра, и мои руки натянули ремень. Джакс поймал мой взгляд, и я заметила, что его пальцы впились в стул с такой силой, что побелели костяшки. Он облизал губы, глаза застыли от возбуждения.

Райф продолжал бить мою задницу в угнетающей тишине. Никаких разговоров, я сдерживала себя, чтобы не застонать от боли, или, не дай Бог, от наслаждения.

Только звуки удара дерева по коже заполняли комнату.

Я погрузилась глубоко в себя, когда Райф усилил силу своих ударов. Где-то около тридцати ударов пришлось на мою задницу, прежде чем он положил весло на стол, дыша тяжело и часто. Я ощутила, как он подвинулся ближе, почувствовала молнию на его штанах своим телом и сильнее сжала мышцы.

— Раздвинь ноги.

Руки сжались в кулаки, и я позволила своей голове упасть на стол, когда раздвинула бедра. Краска снова залила мои щеки, еще сильнее, ведь он собирался трахнуть меня на глазах у своего друга. Даже хуже, они знали всю правду обо мне.

Его руки коснулись моих бедер, и он вошел в меня одним сильным рывком.

— Блядь! Да ты же мокрая, — он засмеялся, проталкиваясь в меня с большей силой, толкнул меня выше на стол, пока мои ноги не повисли в воздухе. — Я никогда даже не думал об этом. Ты тащишься от этого дерьма, да?

Слеза сползла по щеке, и я сильно зажмурилась.

— Мне жаль.

— Ты извиняешься за то, что получаешь удовольствие от боли и унижения, или за что-то другое?

— Мне просто... жаль.

Мне стыдно за то, кем я была, ведь моя испорченная природа была виновата в том, что он ушел в тюрьму. Мне было очень жаль.

Он замедлил темп, резкие движения сменились нежными. Я вонзила ногти в поверхность стола и застонала.

Джакс застонал тоже. Я повернула голову, когда он потянулся к молнии на штанах. Его голова наклонилась, а глаза впивались в меня, в то время как он ублажал себя рукой.

Неглубокие проникновения Райфа мучили меня, стимулируя нужные точки. Мое желание стекало по бедрам, заставляя мое тело слегка дрожать. Мой стон нарушил тишину.

— Мне нужно кончить, — умоляла я.

— Нет. Я не разрешаю. Если ты сделаешь это, я опять задушю тебя.

Я задыхалась.

— Не могу сдерживаться.

— Я сказал нет!

Он ударил мою задницу и вошел слишком глубоко. Сильно. До боли сильно. Я пыталась сконцентрироваться на чем угодно, только не на том, как он двигался во мне. Гром гремел где-то сверху, жесткий край стола впечатывался в меня, где-то прогудел поезд. Даже Джакс почти достиг оргазма. На чем угодно, только не на Райфе.

Этого не было достаточно. Я собиралась кончить, а он собирался задушить меня, и это приводило меня в ужас. Я могла разрулить много вещей, но сдерживать оргазм не было одним из них. Неожиданно, лицо Зака всплыло в моей памяти, и я погрузилась в воспоминания, когда он опускал мои трусики и прижимал меня к кровати. Моей кровати. Единственное место, где я чувствовала себя в безопасности. Я вспомнила, как он прижимал подушкой мои рыдания, как он избивал меня там, где не были бы видны синяки. Тем не менее, мое тело было на моей стороне.

Это была его вина. Он заставил меня чувствовать ненависть по отношению к нему.

Райф вошел в меня последний раз и замер, дернув меня больно за волосы, когда кончал. Джакс также, словно они договорились, достиг финиша. Его дыхание замедлилось, когда он проложил тоненькую дорожку прикосновений по моей спине. Я покрывалась гусиной кожей от его пальцев, ощущая, как они отличаются от чувствительной кожи моей попы. Он освободил мои руки, поднял меня и перекинул через плечо, словно мешок с картошкой. Вода капала с моих волос и оставляла дорожку до подвала. По пути он остановился и захватил полотенце из ванной.

Я начала дрожать, когда он подошел к клетке.

— Не оставляй меня там. Пожалуйста.

Я вцепилась в его джинсы, но он легко освободился и поставил меня на ноги.

— Две ночи, Алекс. Это то, что ты получила за свой маленький побег.

Он держал меня рядом с собой, одна рука играла с волосами, пока он открывал клетку. Он пропустил меня внутрь, и полотенце упало к моим ногам.

Я обернулась и молча наблюдала за тем, как он закрывал дверь.

— Райф... пожалуйста...

Я моргнула пару раз, но он остался непоколебим.

— Мне нужно связывать твои руки?

— Зачем? — я махнула рукой в сторону своей тюрьмы. — Я не собираюсь ничего делать.

Он засмеялся.

— Не мастурбируй.

Мысль о том, чтобы прикасаться к себе была последней, которая могла прийти мне в голову. И если бы я сделала это, то захотела бы Райфа еще сильнее. Я все еще жаждала его, очень сильно, несмотря на то, что эта клетка разделяла нас, и что он держал ключ от моей свободы у себя в руках.

— Я вернусь утром, чтобы покормить тебя.

Он повернулся, будто я ничего не значила для него, и меня вновь накрыла темнота.

Двенадцатая глава

Переломный момент

Райф

День и ночь меня преследовало две дилеммы: у меня бы сын, с которым я должен встретиться, а также в подвале находилась раздетая пленница — манящая и извращенная девушка, к которой я испытывал сильное желание. Я поправил джинсы и попытался сосредоточиться на других вещах, но сам факт того, что уже прошло два дня, а я не занимался ни одним из этих вопросов, тревожил меня.

А еще была Никки. Она звонила тысячу раз — у меня восемь непрочитанных сообщений на автоответчике, а я был ленивой задницей, чтобы слушать их, не говоря уже о том, чтобы отвечать на ее звонки. Не имел ни малейшего понятия, что ответить ей, потому что она даже не могла подумать о том, что я похитил девушку и держу ее в подвале. Это точно не поведение примерного отца. Мальчику вообще лучше никогда не знать обо мне.

В доме было все еще слишком тихо. Алекс остается ужасно тихой, даже когда я спускаюсь вниз, чтобы покормить ее, а Джакс погрузился в работу. Этого достаточно. Она была моя —

только я мог играть с ней, только я мог ее мучить. Блядь, она была вся моя. И если я снова захочу ее трахнуть, я сделаю это. Больше никаких мыслей о том, с каким ужасом она смотрела на меня когда падала в реку, или о том, как мое сердце почти остановилось, когда я пытался вернуть ее к жизни.

Мои шаги гулом отдавались по всему дому, и когда я спустился вниз, застал ее в любимом углу, щека прислонена к бетону, а тело свернуто в клубок под оставленным мной полотенцем. Это было жестоко и бесчеловечно, но, черт, это зрелище я не забуду никогда. Кроме того, лучше быть жестким и важным сейчас, чтобы заставить ее сдаться, чем бесконечное количество раз возвращать ее в подвал, потому что начинаю быть слишком мягким с ней. Я точно не хотел повторения того, что произошло у реки.

Что-то сжало мое сердце и окутало холодом одновременно. Блядь, она же чуть не умерла, и не важно, нравится мне это или нет, часть меня умерла бы вместе с ней. Мои действия чуть не убили ее, и независимо от того, что она сделала, я не мог бы жить в ладах с собой, если бы с ней что-то случилось. Я хотел наказать ее, но не мог отрицать, что абсолютно точно хотел ее. *Все время.*

Она стала моим миром, моей одержимостью, и я не планировал отпускать ее с этого острова.

— Если я выпущу тебя, ты будешь себя хорошо вести?

— Да, — сказала она, слово прозвучало безжизненно. Возможно, я наконец-то сломал ее.

— Ты попытаешься сбежать снова?

— Ты знаешь, что я не могу. Куда мне идти?

— Все меняется здесь. Никаких истерик, смены темы и разбитой посуды, — я сделал долгую паузу и открыл клетку. — Никаких попыток побега. Ты будешь делать то, что тебе велено, когда я прикажу тебе, и не спорь или в следующий раз ты проведешь внизу гораздо больше времени. Ты поняла меня?

— Д... да, — ее зубы стучали. — Мне очень холодно.

Черт. Я хожу по краю того, чтобы сломать ее или ждать, когда она простудится.

— Окей.

Подкравшись ближе, убрал с ее глаз запутанные волосы. Прядь попала между ее губ, и я провел пальцем по ее рту, чтобы убрать ее. Ее губы потрескались, лицо бледное, но что беспокоило меня больше, так это пустота в ее взгляде. Я знал, как сильно она боялась воды, и в моей голове всплыло воспоминания. Ее глаза расширились от ужаса, руки тянулись ко мне, когда я искал ее в мутной реке.

Засунув воспоминания куда подальше, поднял ее на ноги, встал позади нее и ждал, пока она разомнет свое тело.

— Давай, — сказал я, протягивая руку. — Пойдем, помоемся и согреемся, а потом ты можешь начать вести себя хорошо, например, приготовить ужин.

Мы прошли в мою спальню, где я указал ей на душ. Ее глаза стали огромными, когда она увидела мою ванную.

— Алекс, душ.

Я указал на большую душевую кабинку. Истерика, это последнее в чем я нуждался. Она пожала плечами.

— Тебе не обязательно оставаться. Я могу принять душ самостоятельно. Здесь некуда...

Она заткнулась, и повернулась ко мне. Ее взгляд проследовал за моими движениями, когда я снимал футболку, и я не смог скрыть ухмылку на моих губах.

— Нет, милая. Я собираюсь в душ с тобой.

Махнул рукой в сторону кабинки, огромная кабина стояла за стеной из серой и голубой плитки. Узкое отверстие в ней служило входом. Она пялилась на меня пару секунд, и у меня чесались руки, чтобы затолкать ее туда, потому что... я не мог дождаться, когда смогу прикоснуться к ее телу.

Тринадцатая глава

Душевая

Алекс

Мой рот открылся от изумления, я уставилась на его грудь, не в силах оторвать взгляд, когда он спустил свои джинсы. Темно-серые боксеры последовали за ними. Он показывал свое тело без намека на стыд или скромность. Я впитывала его как губка, особенно темные извилистые линии, сосредоточенные на левой стороне груди и опускающиеся вниз по обеим рукам. Я хотела провести по этому рисунку своим языком и пальцами, хотела облизать его мускулы, спускаясь к мышцам живота, и остановиться, чтобы ласкать и дразнить его член языком.

— Ты разве не достаточно увидела?

Я подпрыгнула, возвращая все внимание к его лицу, и залилась румянцем. Злой Райф пугал меня до дрожи в костях, а голый и похотливый Райф, заставлял меня нервничать. Обе версии были страстными и холодными, прочно противостоящие друг другу. Опустила взгляд на его эрекцию и почувствовала, как стала влажной. Часть меня ликовала в предвкушении. Он завел меня, даже не прикоснувшись.

Он не мог скрывать желание, как это делала я, сжимая свои трясущиеся бедра, тем самым пряча влажность.

Впервые, за эти два дня, я что-то почувствовала. Пока сидела закрытая в темноте, я нашла способ отвлечься. Может это замедленная реакция на мое «утопление», но когда он оставил меня в том подвале, я дрожала сильнее, чем когда-либо до этого, и мой мозг просто отказался функционировать. Кое-как я справилась.

В воображении я рисовала место, в котором нахожусь. Я создала новый мир. В этом мире я звала себя Эми. Эми была простой и скучной, но до нелепости *счастливой*. Эми была любимой, у нее был преданный муж, двое замечательных детей и чудесная, не пахнущая собака по кличке Зиппо. Эми жила на юге, возможно в Аризоне, где было сухо и душно.

— Заходи, — произнес Райф, скрестив руки, и заставив все фантазии о другой жизни раствориться, оставляя лишь холод и горькую правду.

Я боролась с желанием прикрыться руками, когда заходила в душ. Рядом с его красивым телом, мое грязное, вонючее и побитое не шло ни в какое сравнение.

Он шагнул следом за мной, и включил двойной душ. Горячие струи лились со всех сторон, обливая нас с ног до головы. Я ахнула, когда он толкнул меня к ледяной плитке. Не сказав ни слова, взял шампунь и брызнул немного в ладони, прежде чем переплести руки вместе.

Я закрыла глаза и сконцентрировалась на дыхании пока он мыл мою голову, но когда он намыл руки и скользнул ими по моим плечам на грудь, я чуть не умерла. Я не была готова к этим рукам, скользким по мне. Пока его пальцы обжигали мою кожу, я боролась со своими демонами, один из которых говорил, какой грязной шлюхой я была. Никогда не испытывала такой реакции на секс, просто наслаждалась этими прикосновениями, без насилия и угроз. Никто не заставлял меня чувствовать то, что я ощущала сейчас. Райф был сильнее одними лишь прикосновениями, чем Зак всем своим существом.

Тепло, которое пылало у меня между ног, было уже слишком явным и невыносимым. Я хныкнула, когда эти сильные руки, опустившись на мой живот, погладили ноги.

— Я куплю тебе бритву, — он щекотал мою коленку. — Хочу побрить твои ноги.

Дрожь окутала меня с ног до головы и контрастировала с горячим душем. Он продолжил намывать мое тело, а закончив, наклонил голову, чтобы смыть пену.

— Мыла больше нет. Ты можешь открыть глаза, — его взгляд впивался в меня, поглотив в свои зеленые глубины, из которых я никогда не смогу вернуться. — Подними руки.

Позже, возможно, спрошу себя, почему я сделала это безо всяких возражений. Подняла руки и держала их высоко. Я не думала о неповиновении, особенно когда он встал на колени и облизал свои губы. Его взгляд был направлен на мою киску.

— Раздвинь ноги.

Святое дерьмо. Вдохнув воздух, я поставила ноги шире. Он обнял мои бедра, вцепившись руками в зад, и потянул к своему лицу, не касаясь меня ртом. Пока еще. Он выжидал, томно блуждая взглядом по моему телу, его взгляд задержался на груди, прежде чем поднялся к лицу.

Вид голого Райфа, стоящего на коленях, с мокрыми прилипшими ко лбу волосами и каплями воды на ресницах, был настоящим. Реальность происходящего была значительно лучше, чем те глупые мечты.

Исключая ту часть, где он похитил меня.

— Что ты хочешь от меня? — прошептала я, смущаясь его нежности. Он никак не демонстрировал, но раньше он был слишком жестоким... пока я не упала в воду.

Сильная дрожь проняла мое тело, и я вернулась в ту ночь; ледяная вода покрывала мою голову, я осознавала, что скоро умру. Что-то еще прорывалось сквозь этот туман, окутывавший меня последние дни. Он. То, как он отреагировал, как он в ярости наказывал меня, но также и его страх потерять меня.

До меня дошло, что мое маленькое утопление сделало его слабым, и это определенно что-то значило.

Его взгляд встретился с моим, он не моргал и вода стекала по его лицу.

— Я много чего хочу от тебя, но прямо сейчас я хочу попробовать тебя.

Он подался вперед, и я думала, что упаду в обморок, когда его язык коснулся моих складочек.

— О, Боже, Райф.

Его пальцы впились в мою задницу, и он протяжно застонал, что отдалось вибрацией внутри меня. Я сжала руки, держа их поднятыми, и моя голова склонилась на плитку. Мое тело пело для него, дрожало и ныло от напора его губ, мои зубы скрипели для него. Дыхание стало прерывистым, короткие и громкие вдохи, я закрыла глаза, позволяя воде литься мне на лицо и щеки, чувствуя приближения оргазма. Я была так близко. Еще два прикосновения его языка к моей плоти и я пущусь на волнах удовольствия. Я почти сползла на пол, когда он вдруг резко остановился, словно ноги превратились в воду, что лилась на наши тела.

Он вздрогнул и посмотрел на меня, его глаза дьявольски блестели.

— Не останавливайся.

Пододвинула бедра к нему, как бы намекая, чтобы он закончил начатое. Он поднялся и ладонью провел по моему лицу, смотря прямо в глаза, рот находился в дюйме от моего, и я слизнула воду с его губ.

Моя челюсть ослабла, я ощущала пар из душа на моем языке. Он собирался поцеловать меня. Я была уверена.

— Райф, — прошептала я, болезненно желая почувствовать его вкус. Только раз.

Он опустил мои руки вниз.

— Обхвати меня руками.

Я обхватила пальцами его возбужденный член, и моя ладонь начала скользить вверх-вниз, по гладкой, шелковистой коже. Его дыхание сбивалось с каждым движением и смешивалось с моим, неистово нуждаясь в разрядке. Воздух в душевой кабинке стал теплым и влажным.

— Черт, — застонал он, его лоб коснулся моего. — Это невероятно. Продолжай.

Бессмысленно, но я начала скользить по нему и смотреть, как с каждым моим движением он терял себя. С каждым вздохом и стоном, который исходил из его рта, я теряла контроль.

— Я так сильно хочу тебя, — сказала я.

Он рыкнул и остановил мои действия.

— Ты не получишь этого.

Если он собирался свести меня с ума, используя мое желание как оружие, тогда у него бы не возникло никаких проблем.

Райф снова превратился в придурка.

— Становись на колени, милая.

Как же я ненавидела это слово. Он говорил его с презрением, оно звучало как оскорбление. Руками он начал давить мне на плечи, пока мои колени не подкосились.

Мысль о том, чтобы отсосать ему, не сильно меня устраивала. Блядь, я в дерьме. Он играл со мной, делая меня мокрой и возбужденной для него, и оставлял без разрядки.

Он наклонил мою голову, его прикосновения были нежными, несмотря на всю жесть, в которую он меня втянул. Я открыла рот, стук сердца звоном отдавался в ушах, когда он просунул член мне в рот.

— Блядь. Я восемь лет не имел никого в рот.

Его слова наполнили меня чувством власти. Я буду единственной, кто доставит ему удовольствие на протяжении всего этого времени. Обхватила губами его плоть и посмотрела на него, нуждаясь в связи, но он избегал зрительного контакта. Он подался вперед, руками упираясь в плитку, и его грудь медленно поднималась и опускалась, бицепсы дрожали, а его татуировки блестели под напором воды.

Он громко дышал, толкаясь в меня, его член переплетался с моим языком, и я ощущала его пьянящий вкус. Я хотела этот член внутри себя очень сильно — эта жажда медленно уничтожала меня.

Ты не получишь этого.

В конце концов, он снова трахнет меня.

И, в итоге, я получу свое.

Четырнадцатая глава

Представление

Райф

Святое дерьмо. Ее рот дарил мне блаженство. Такой обжигающе горячий и крепко обхватывающий мой член. Она играла с головкой, обводя ее языком по кругу, прежде чем опуститься вниз. Моя голова прислонилась к плитке, разум разбивался на маленькие кусочки, а мысли терялись в шуме воды. Я не мог смотреть на нее, не хотел, чтобы она увидела, что я был на пределе.

Эта злючка, женщина, которую у меня были все причины ненавидеть, должна мне ответы на кучу вопросов.

Черт, прошло довольно много времени с того момента, когда женщина ублажала меня, стоя на коленях. Я пытался убедить себя в том, что это единственная причина, по которой я чувствовал напряжение в паху, и меня ничего не связывает с *той*, которая сосет мой член, но это не

сработало. Я двинул бедрами вперед, чтобы она взяла глубже. Быстрее.

Она подалась назад и издала глотающий звук, но я сунул руки в ее мокрые, спутанные волосы и зарычал. Черта с два я позволю ей отстраниться. Она собиралась проглотить все, каждую частичку. Я ожидал, что она будет упираться, но она сделала то, что ошеломило меня; она ласкала мои яйца своими теплыми ладонями и начала стонать. Блядь, то, как Алекс сосала мой член, было изумительно.

Я посмотрел вниз и заметил, что она смотрит на меня с ожиданием, скользя губами по моему стволу. Черт... она была чертовски хороша в этом. Желание в ее глазах было таким сексуальным. Она не устраивала шоу, не показывала мне поддельную страсть, как это делали другие до нее. Взяв мой член глубоко в горло, она подавилась, но не отступила.

— Алекс... — прошипел я сквозь стиснутые зубы. — Это. Продолжай делать это. Еще чуть-чуть.

Она издала гортанный звук, и это погубило меня. Спасибо тебе, Господи, за такую маленькую услугу. Я сжал в своих пальцах пряди, удерживая ее, и вошел глубже. Я хотел ее так глубоко, как только возможно — хотел ее беспомощности, потому как до этого она была уверенной в себе.

Мой разум отключился, плавая где-то в остатках разума, и я закрыл глаза, стон сорвался с моего рта, когда моя сперма выплеснулась ей в рот.

Она закончила глотать мое семя, и я нехотя позволил ей отстраниться от меня.

Ее нужда в удовлетворении была очень заметна, и когда она оставила нежный поцелуй на моем члене, что-то внутри меня сломалось. Я почти сломался. Она шла по краю пропасти, шаг за шагом, и только воспоминание о том, в какой ад она меня отправила, держало меня на прежнем пути.

Она простонала мое имя, своим страстным тоном.

— Тихо, — сказал я негрубо, мне нужна была пара секунд для того, чтобы собрать себя в кучу. Блядь, мой член был все еще возбужден. Я ненавижу то, что у меня не было контроля над своим телом, но после такого долгого отсутствия секса это было ожидаемо. То, что я трахнул ее два раза, не помогло. Подозревал, что мне никогда не будет достаточно ее.

Я был *так* близко к тому, чтобы затащить ее в постель, и была бы моя воля, мы не вылезали бы оттуда дня три.

Но я не мог сделать это. Давать то, что ей нужно, как бы иронично это не звучало, не было в моих планах. Возможно, однажды, когда она расскажет правду, мы сможем поработать над нашими проблемами и найдем гребаный путь к нормальности.

Нашей нормальности.

Некоторое время я не обращал внимания ни на что вокруг. Часть меня ненавидела ее... но другая часть все еще хотела. Сколько еще смогу это терпеть?

Я выключил воду, и вышел из душа, захватив два полотенца, прежде чем дать ей одно. Она завернула свое тело в зеленое махровое полотенце.

— Могу я теперь получить назад свои вещи?

— Ни в коем случае.

Я прошелся взглядом по ее телу, длинные стройные ноги, аккуратная выпуклость и изгиб ее талии. Даже завернутая в полотенце, она все еще вызывала желание.

— Мне нравится знать, что ты голая и доступна все время. И я не хочу иметь преграду в виде одежды, если скажу тебе встать раком, чтобы трахнуть.

Она не смотрела на меня когда вытирала тело, а потом, прикусив нижнюю губу, опустила полотенце.

— Я готова.

Пусть и с заминкой, но до меня дошел двойной смысл этих слов. Могу поспорить, что она все еще была влажной и горячей для меня, точно так же, как и я для нее. На самом деле, рядом с ней я всегда перебивал в состоянии сексуального возбуждения. Мой член дернулся от этой мысли. Играть с ней в эту игру будет гораздо веселее, чем я ожидал.

Быстро оделся и повел ее вниз на кухню. Захватив пиво из холодильника, открыл бутылку и поставил на стол.

— Начинай готовить ужин.

Сначала она выглядела потерянной, ее взгляд метался от меня к кухне и назад. Я удивился, умеет ли она готовить. Учитывая ее испорченное воспитание, у нее точно были повар и экономка. Я не ощущал себя обязанным хоть как-то помогать ей в этом. Лучше буду наслаждаться ее беспомощностью. Если она хочет выбраться из неприятностей, ей лучше приготовить что-то съедобное. После пяти минут открытия и закрытия шкафчиков, холодильника и морозильной камеры, она начала запекать курицу.

Она наклонилась и ее идеальная задница была направлена прямо на меня, а когда закрыла духовку и выпрямилась, я вновь был на пределе. Мое тело хотело ее, я не смог остановиться и схватил ее, усадив на колени. Толкнул ее ноги, чтобы она не оседлала меня, и ей пришлось осознать, чего я хочу от нее. Обняв ее шею рукой, притянул ее ближе, собираясь поцеловать, но остановился прежде, чем мы коснулись друг друга.

Поцелуй был близок. Поцелуи обычно все портят, принося в чувства новые краски. Но, блядь, она пахла так притягательно — это было сочетание мыла и чего-то, что было стопроцентной Алекс.

Ее живот заурчал, напоминая о том, что она должна готовить, а не сидеть у меня на коленях, соблазняя меня *поцеловать* или трахнуть ее.

— Ты сводишь меня с ума, — произнесла она, запрокинув голову и закрыв глаза. Расстроенный вздох вырвался с ее губ.

Это она сводила *меня* с ума. Схватил ее за бедра и направил прямиком к моему члену, единственное, что сдерживало меня от того, чтобы трахнуть ее, это моя одежда. Возможно, нам обоим нужно ходить голышом. Я потерял ее клитор о грубую ткань моих джинсов.

Она застонала, ее голова упала на мое плечо, а сиськи уперлись в грудь, когда она прижалась ко мне.

— Я не могу больше терпеть.

— Если ты скажешь, почему врала мне, я оттрахаю тебя так, что ты забудешь свое имя.

С содроганием она запустила пальцы в мои волосы, отчаянно сжав их.

— Ты дьявол, — простонала она. Если бы ее прикосновения не были такими приятными, я бы уже завел ей руки за спину.

— Скажи мне, милая, — произнес я, покусывая губами ее ухо. — Скажи мне то, что хочу, и я положу конец твоим страданиям, — схватил ее за волосы и укусил за шею. — Но если ты продолжишь молчать, то узнаешь женскую версию гонореи.

Потер ее о ткань еще раз, чтобы доказать, что не шучу, и ощутил влагу ее киски, просочившуюся сквозь ткань джинсов.

— Той ночью ты был прав, — сказала она. — Я была молодой и эгоистичной. Я не могла справиться с тем, что ты отвергаешь меня.

Те слова, что она сказала, звучали неправдоподобно. Я знал, что у нее был пунтик на мне, но могла ли она опуститься так низко, чтобы уничтожить мою жизнь только потому, что я не трогал ее. Не был уверен, почему-то раньше я не считал так, но было что-то еще... что-то, что она скрывала. Поставил ее на ноги, и томно улыбнулся, когда она закусила нижнюю губу, потянувшись к пуговице на штанах. Задержала взгляд на моих коленях и не отводила, пока я расстегивал молнию. Я освободил свой член, схватил ее за бедра, поставил раком, и насадил на себя.

Она была чертовски мокрой.

Обвив обе руки вокруг нее, поднял ее и схватил за горло. Наши тела издавали в сумасшедшем ритме шлепки, и я был на краю.

— Ты врешь мне.

— Нет, — она выдала это со стоном, и это был такой мучительный звук, будто я избивал ее, а не трахал.

Я согнул пальцы.

— Скажи мне правду, и я позволю тебе кончить.

Она молчала, и я не мог понять, она молчит из-за того, что боится или просто отказывается говорить. В любом случае я узнаю правду, буду мучить ее до тех пор, пока она не скажет. Я кусал ее шею, сосал, вызывал протяжные стоны. Увеличил давление моей руки и прижал ее к себе, когда она начала упираться.

Мне было нужно это, эти несколько секунд борьбы за выживание, пока я изливался в нее. Я делал это, а ее тело безвольно лежало в моих руках, когда Джакс зашел в дверь.

— Блядь, мужик. Ты не сказал мне, что сегодня будет ужин с представлением.

Пятнадцатая глава

Утренняя радость

Алекс

Я спала в кровати Райфа, действительно спала, впервые за неделю, которую я провела в плену. Спала. Еще больше меня удивляли его объятия. Я помнила, как он обнимал меня той ночью, когда я пыталась сбежать, но думала, что он делал это только для того, чтобы удержать.

Теперь же, когда он знал, что я не намерена сбежать, он все равно обнимал меня всю ночь — одна рука покоилась на груди, а вторая между моих бедер — и я поняла, что он любит так спать. Но что удивляло еще больше, так это то, как я вообще смогла заснуть, учитывая положение его рук.

Когда я проснулась ночью, его руки сильно сжимали мои запястья, а эрекция упиралась мне в рот.

Я открыла глаза и увидела, что он сидит у меня на груди, темные волосы ниспадали на лоб, когда он смотрел на меня. Упругие мышцы переплетались с красивым рисунком чернил. Его тело было шедевром, лучшим творением Бога, а эти зеленые глаза... Я готова была утонуть в них. Я так и не смогла перебороть свою любовь к нему ни на протяжении последних восьми лет, ни даже сейчас, когда он украл меня и показал всю черноту своей души.

Часть меня нуждалась в его тайных желаниях.

Он вытащил свой член и снова всунул его мне в рот. Я коснулась его кончиком языка и ощутила мускусный солоноватый привкус его желания. Выпрямившись, он оперся на спинку кровати, и вошел глубже. Мне нравилось ощущать его гладкий и твердый член у себя во рту. Когда сосала, издавала гортанные звуки, но я хотела взять его полностью, глубоко, и мне было посрать, нравится ему это или нет.

Он замер, прищутив глаза, хотя ни на секунду не отвел свой взгляд, продолжая гипнотизировать меня.

— Тебе нравится отсасывать у меня?

Его хриплый голос заставил меня покрыться мурашками и сжать губы вокруг него.

— Блядь, Алекс, у тебя лучший ротик, который я когда-либо имел.

Он снова начал двигаться, в медленном, мучительном темпе — мучительном, потому что чем больше он отдалялся, тем больше я хотела взять его.

— Ты замечательная, эти локоны, эти губы вокруг моего члена.

Он крепче сжал мои запястья.

— Я ведь могу и привыкнуть будить тебя так.

О, Господи, я бы могла, только если бы он разрешил мне кончить. Я сжала бедра вместе, но это не помогло заглушить боль, пульсирующую во мне с прошлой ночи, когда он душил меня.

Он увеличил темп, заставив меня ощущать его привкус у себя во рту, после чего еще сильнее

сжал мои запястья, и, наклонившись назад, зажал мой нос. Я извивалась в панике, брыкалась ногами, пытаюсь вырваться из его пыток, но он сунул свой член в горло, тем самым перекрыв мне доступ к кислороду.

Наши взгляды встретились, и мой пульс начал стучать в висках, считая секунды.

— Доверяй мне. Я не убью тебя, но я могу делать это целый день. Еще тридцать секунд и твои легкие начнут жечь. Моргни два раза, если ты готова рассказать мне то, что скрываешь.

Я не моргнула. Но я ему доверяла. Он не убьет меня. Он не сможет. Мое тело быстро забыло о том, что необходимо бороться за воздух, а легкие начали гореть.

Он вытащил свой член, и я начала дышать, прежде чем снова затолкнул его в мой рот.

— Как долго ты сможешь играть в эту игру?

Приказав себе не паниковать, я использовала рот как оружие. Я сосала и вырисовывала языком круги на его стволе, заставив метаться и податься бедрами вперед до отказа. Я не могла дышать, но мне было все равно, потому что я собиралась толкнуть его за край, и могу сказать, что я уже это сделала.

— *Блядь*, — прорычал он. Отпустил мой нос, и я почти задохнулась, когда он кончил мне глубоко в горло. Он вытащил член, и сперма капнула мне на губы и подбородок. — Ты играешь нечестно.

— Мне еще далеко до тебя, — сказала я, хватая ртом воздух.

Его губы изогнулись в усмешке.

— У тебя нет даже ни малейшего представления, — он согнул мои пальцы вокруг изголовья кровати, прежде чем опуститься вниз по телу. — Раздвинь ножки.

— Нет!

— Раздвинь, *блядь*, ноги.

Что-то в его тоне заставило меня дрожать. Я раздвинула ноги без малейшего протеста, и он скользнул руками под мою задницу, кружа пальцами вокруг маленького отверстия. Он открыл рот, горячее дыхание обожгло мою кожу, и я выгнулась навстречу его поцелую, сжимая изголовье кровати пальцами, когда его язык ворвался к моему лону.

Мои дрожащие ноги были раскинуты в разные стороны. От образовавшегося внизу живота желания, я стиснула зубы, а он, дразня меня, накрыл клитор поцелуем. Я затаила дыхание, отчаянно желая закричать. Мне необходимо кончить, так сильно, что я была готова умолять его об этом. Вцепилась в его руки, словно это был мой единственный спасательный круг.

Я хотела его на мне, во мне, и вокруг меня, жестко и сильно.

— Пожалуйста, Райф.

Прикоснувшись языком к моему клитору, он заставил меня распластаться на матрасе. Он втянул чувствительную плоть в себя, и этого было достаточно, чтобы свести меня с ума.

— Райф, пожалуйста... ради всего святого, мне нужно больше.

Изголовье кровати зашаталось, так сильно я его сжимала.

— Ну, так сделай это, — его голос отозвался вибрацией в моей киске. — Мне нужна правда.

Он провел языком по моей промежности, вбирая влагу по пути к клитору. Когда он начал выводить узоры, я была доведена до экстаза. Его пальцы надавливали внутри, в то время как его язык насиловал мое лоно.

— О, Господи... Ооо, мой чертов Бог...

Он отстранился, из-за чего из меня вырвался мучительный крик. Подперев голову рукой, он смотрел на меня сквозь бесстыдно раскинутые ноги и колени, согнутые по обе стороны от него на матрасе.

— Как сильно ты этого хочешь?

— Глупый вопрос.

— Неправильно.

Он поцеловал мое бедро, и прошелся губами по моему животу, прежде чем припасть к соску. Райф скользнул ладонью между моих ног и начал вновь распалить пламя внутри меня. Я толкнула задницу к его руке, выгибая позвоночник, и готова была умереть, когда он опять остановился. Мое дыхание участилось. Я любила его и ненавидела одновременно, так же как и мое тело.

Он поднял руки к моим плечам и прижал. Я знала, что он опять собирается душить меня и приготовила свои уже слабые кулачки, чтобы бороться против его сильного торса.

— Борись со мной, милая.

Я застыла, когда он сказал это, отказываясь двигаться. Часть меня хотела восстания, победы, даже если он собирался задушить меня.

С рыком он усилил давление, пока я не открыла рот.

— Ты будешь бороться, и не важно, хочешь ты этого или нет.

Ублюдок.

Давление вокруг шеи стало невыносимым, необходимость освободиться дала свое. Я ударила его по груди, двинувшись против его рук, и поставила его на колени. Он, наверное, позволил мне это сделать только потому, что я была слишком слабой против него. Мое лицо кричало о помощи, так как я использовала всю силу, которую имела, но так и не смогла отодвинуть его руки от моей шеи. Мы упали на пол, и я больно ударилась спиной. Он прижал меня, раздвинул мои ноги в стороны, и подвел свой член к моей киске.

— Хочешь мой член?

Я ахнула, больше озабоченная дыханием, чем сексом.

— Райф... прекрати...

Я вцепилась в его пальцы, пытаюсь освободиться. Его взгляд ни на секунду не отпускал мой, и я

поняла его. Возможно, он жаждал моей беспомощности потому, что в результате моих действий он долгое время был беспомощным.

Или может потому, что Райф «Душитель» Мейсон получал кайф, удерживая чужую жизнь в своих руках.

— Мне больно, — слезы жгли глаза и стекали по щекам.

Он сильно толкнул меня.

— Блядь, — простонал он. — Это твоя ложь причиняет тебе боль.

Он сильнее сжал мое горло.

Мое тело инстинктивно дернулось, я начала пинаться и вжиматься пальцами в его кожу.

— Пожалуйста, — пискнула я. Но хуже всего было то, что с каждой секундой я становилась все влажнее и влажнее. Края комнаты потемнели, и я почувствовала, как погружаюсь в небытие.

Его неустойчивое дыхание захватило меня в плен, когда мои веки открылись. Я схватилась за свое горло, хрипя от недостатка воздуха в легких. Я все еще была на краю оргазма, даже после потери сознания, когда Джакс поднялся по лестнице и, высунув голову, произнес:

— Чувак. У нас посетитель.

Шестнадцатая глава

Посетитель

Райф

В моей голове было слишком много мыслей, одна затмевала другую. Возможности были безграничны, и в каждой из них прослеживалась Алекс. Полиция. Никки. Даже Зак. Я не хотел непредвиденного развития событий. Когда в новостях объявили о ее смерти, я расслабился.

Моя ошибка.

Я вышел из нее и обвил рукой шею, закрыв рукой ее рот.

— Кто это? Ты впустил его?

Джакс мотнул головой: — Это женщина. Я не знаю, кто она и чего хочет.

— Принеси мне клейкую ленту, она в комодке, — сказал я. — Верхний ящик.

Он двигался быстро и вытащил ленту, все это время Алекс вырывалась, ее протесты сопровождалось тихим хныканьем. Когда Джакс отмотал кусок ленты, я взял ее за руки и бросил на кровать. Он и я работали вместе, чтобы заткнуть ей рот. Я обмотал ремень вокруг ее запястий и приковал к изголовью кровати.

— Сиди смиренно. Мы еще не закончили, — я поднялся на ноги, надел джинсы и футболку, и мы

вместе с Джаксом спустились вниз.

— Женщина здесь?

— Горячая блондинка, — сказал он. — Я не впустил ее внутрь и, мужик, она злая.

Дерьмо.

Наверное, Никки. Когда мы спустились вниз, Джакс сложил лестницу, что вела на чердак. Я бросил беглый взгляд на входную дверь, боясь того, что ждет меня за ней.

— Я пытался сказать ей, что ты спишь, но она не уходила.

— Я не удивлен. Если это та, о ком я думаю, то от нее не так-то легко избавиться.

Я подошел к двери, Джакс следовал за мной, и открыл ее. Она стояла с угрюмым выражением лица, постукивая ногой и скрестив руки на груди: — Что за сторожевой пёс? — она указала на Джакса.

— Думаю, главный вопрос, — сказал он. — Кто ты, к черту, такая?

— Кто я, к черту, такая? — она сжала руки.

Дважды дерьмо.

— Да, потому что отсюда, где я стою, ты никто, просто незнакомка, стоящая под входной дверью. Очаровательная незнакомка, но все же.

Она издала рык негодования, и я решил вмешаться, пока все не обострилось.

— Он мой сосед. Что ты здесь делаешь, Ник? — как бы мне от нее избавиться, пока все не вылезло наружу? Громко вздохнув, посмотрел себе за плечо, будто ожидая увидеть там Алекс.

— Я поражена вашим теплым приемом, — Никки шагнула вперед, давая намек, что она хочет зайти. — Я звонила, ты не видел?

— Видел, — еще один взгляд за спину, еще один краткий вздох. К счастью, сверху ничего, кроме тишины, не было слышно. — Мы можем встретиться в городе позже? Я немного занят.

Она мотнула головой.

— Это я пыталась сказать тебе. Ты будешь избегать города на некоторое время. Лайл взялся за тебя и говорил ужасные вещи. Люди начинают сплетничать. Он думает, что ты замешан в смерти той девушки.

Джакс выпрямился, заняв твердую позицию. Знаю, о чем он думал, но я не позволю маленькой городской сплетне помешать нам. Я надел маску безразличия, хотя в висках у меня пульсировало.

— Какая девушка?

Ее глаза округлились.

— Ты не слышал?

Я поднял бровь.

— Не слышал, что?

— Девушка, которая отправила тебя в тюрьму, ее машину нашли в реке пару дней назад. Все говорят, что это несчастный случай, но Лайл думает, что ты виноват в этом,— она подняла брови, на лбу, под золотистой челкой, залегла складка. — Наверное, стечение обстоятельств. Они нашли ее машину в двадцати милях отсюда, — она выставила руку между нами. — И ты здесь.

— Ты думаешь, я как-то замешан в этом? — я запустил руку в свои непослушные волосы.

— Нет. Я просто передаю то, о чем говорят люди.

Джакс пожал плечами.

— Ребята, у меня уже голова разболелась. Кто такой Лайл и кто ты такая?

Впервые женщина попала в его внимание, и это была мать моего ребенка.

— Джакс, это Никки.

— Ну, это о многом мне говорит.

Я вздохнул.

— Мы вместе ходили в старшую школу. Она обручилась с... — блядь, ему это не понравится. — Лайлом — шерифом.

— Замечательно, — он посмотрел на меня с укором, надеюсь, Никки этого не заметила.

Она сделала еще один шаг вперед.

— Могу я войти, пожалуйста? Тогда ночью ты так быстро ушел...

— Давай прогуляемся.

Я прервал ее, и надел кроссовки, что стояли около двери. Я посмотрел на Джакса, и незаметно кивнул ему. Мы прекрасно ладили и без слов. Наклон головы, взмах руки и мимолетный взгляд. Мы давно научились общаться благодаря этому коду. Он наблюдал за заключенными, пока я защищал его от угрозы.

Я закрыл за собой дверь и последовал за Никки вниз по лестнице. Мы немного погуляли в тишине, слыша гул шоссе и рев грузового поезда.

— Это твоя? — спросил я, указывая на небольшую рыбацкую лодку, которая стояла рядом с моей большой. Тупой вопрос, но я не знал, что еще сказать.

— Моего отца.

— Как он?

— Плохо, он опять пьет, даже после того как мама его бросила.

Простое слово «прости» не помогло бы, поэтому я промолчал. Когда мы начали приближаться к станции, она замедлила шаг.

— Я пришла не из-за Лайла.

— Я понял это.

— Я имела в виду, что ты всегда сдерживаешься, когда речь идет о нем.

Я поднял бровь, ожидая, когда же она перейдет к делу.

Она крутила свое обручальное кольцо на пальце, большой камень, которого достойны принцессы, выглядел так, будто из-за тяжести тянул руку вниз. Я удивился, как человек, который работает шерифом, мог позволить себе это. Вой двигателя поезда становился все громче. Ближе. Она прочистила горло.

— Дело в том, что Лайл не знает, что ты отец Уилла.

От ее слов я похолодел.

— Тогда кого он считает его отцом? После меня был кто-то еще? — мысль об этом ранила сильнее, чем должна была.

Она затрясла головой.

— Несколько ни к чему не обязывающих ночей, пока ты был далеко на соревнованиях или занят на тренировках, но никого в момент зачатия, кроме тебя, не было.

— Он знает об этом?

— Ну, он не знал. Я думаю, он начал подозревать, после того, как мы с тобой тогда вместе поужинали. Маленький город и все такое. Помнишь, каково это. Ничто не происходит в городе, о чем бы не знали люди.

Я почти фыркнул. Я думал, что жизнь на острове даст мне преимущества, например, возможность украсть женщину и удерживать ее в доме. Никто не знал об этом. Разговоры — это одно, но знание — совершенно другое.

— О чем ты говоришь? — поднял руки. — Я не знаю, что ты хочешь от меня. Ты даже не сказала мне о нем, если бы не встреча пару дней назад, — я сложил руки, чтобы отогнать утренний холод, которым веяло от реки.

— Потому что ты был заперт! — ветер ударил волосами ей в лицо, и она со злостью их убрала.

— Когда я в последний раз видела тебя, то не узнала, Райф. Я никогда не видела тебя таким злым, таким... таким...

— Каким таким? Скажи это! — я сделал шаг в ее сторону, вторгаясь в ее личное пространство.

— Таким разбитым.

Я глубоко вдохнул.

— Давай не заниматься херней. Что ты хочешь от меня? Ты хочешь, чтобы я оставался в стороне, и ты могла иметь маленькую уютную семью с Лайлом? — я закатил глаза. Лайл и

вышеописанная картина несовместимы. Блядь, Никки, наверное, шутит. Возможно, последние восемь лет сделали меня мертвым или, как она сказала, разбитым, но люди не меняются. Ничего такого. И даже если меняются, то в худшую сторону.

Она опустила голову.

— Я не знаю, почему я здесь, не знаю, что еще делать. Лайл просто становится гадким и мерзким, когда речь заходит о тебе. Смотри в оба, Райф. У него куча власти в этом городе. Ты уже отправлялся в тюрьму за то, чего не делал.

Я уставился на реку, вспоминая, как Алекс упала в нее ночью. Я пытался не показывать каких-либо эмоций. Никаких улик, никаких зацепок, которые сделают мою задницу опять виноватой.

— Тебе нужно идти, — сказал я, знаю, что был груб, но был не в силах сдержать себя. У меня нет никаких объяснений для Никки. Я не хотел разговаривать о своем сыне. Блядь, я даже не знаю, чего она хочет от меня для него: — Если ты хочешь, чтобы Лайл был его отцом, я учту твои желания. Восемь гребаных лет это очень много времени. Уже слишком поздно.

Почему это так сложно? Я едва увидел этого малыша, а мысль о том, что я должен его отпустить разрывала мое сердце на куски.

Она нахмурилась.

— Ты его отец. Он должен знать тебя.

— Он, наверное, сейчас в каком... втором классе?

Она кивнула.

— Дети сплетничают, а они пиздец какие грубые. Возможно, лучше, если мы будем держать это в секрете сейчас. Последнее, что я хочу, это нарушить его жизнь, встречаясь с тобой, а потом делать это снова и снова, — я скривился. Бедный ребенок получит много дерьма из-за моего пребывания в тюрьме.

— Хорошо, — она повернулась и зашагала к станции, хотя я все-таки увидел грусть и разочарование в ее глазах, прежде чем она ушла. Спустя несколько минут, после того, как она завела мотор лодки и двинулась вдоль реки, я поторопился к дому, думая об Алекс, и неважно, что она была спрятана. Мне не нравилось это. Ситуация была на грани выхода из-под контроля. Я не мог позволить себе быть в неведении обо всем, что происходит, особенно имея ребенка, о котором нужно думать.

Джакс встретил меня возле двери, натягивая свой жакет, он шагнул на крыльцо.

— Нужно идти. Вернусь поздно ночью. Работа накаляется.

— Увидимся.

Нам нужно серьезно поговорить, но все по порядку, Алекс придется вернуться и увидеть реку, воспоминание о ее страхе даст мне замечательные рычаги управления, и позволит выбить из нее все упрямство.

Семнадцатая глава

Допрос

Алекс

Лента была горячей и липкой, а осознание того, что он почти задушил меня, привело меня к панике. Мои мысли были сосредоточены на том, что происходит на крыльце дома Райфа, радуясь, что это не был Зак. Женщина, как сказал Джакс. Кем бы она ни была, найдет ли она меня здесь? Мысль о свободе пленила меня. Никогда не была самостоятельной. Кто-то всегда говорил мне, что я должна делать, с кем видаться, с кем нет, и даже что я должна есть. Особенно последнее, когда отец узнал о моей анорексии. Райф запер меня на этом острове и превратил мою жизнь в круговорот, но здесь я впервые ощутила свободу.

Если бы мой похититель был кем-то другим, все было бы иначе.

Лестница опустилась, и я напряглась, гадая, чья же голова покажется в отверстии. Райф поднялся на чердак и затащил лестницу вверх, эффективно закрывая дверь во внешний мир. Здесь были только мы. Никого другого.

Он пошел по направлению ко мне, и я попыталась не вздрогнуть, когда он оторвал ленту от моего рта. Он освободил мои руки и за волосы потащил меня к кровати.

— Что происходит? — ахнула я, сбитая с толку его плохим настроением. Райф был не самым счастливым парнем на районе, но что-то делало его особенным. — Кто это был?

— Ты врала мне очень долгое время, пора прекращать это.

На время, достаточное для того, чтобы снять рубашку и джинсы, он покинул меня. Когда он толкнул меня и повел в ванную, я все еще пыталась осознать, что он разделся догола. По пути он взял свой ремень, а я стояла на коленях, прокручивая в голове образы того, что он может сделать с этой штукой.

— Что ты делаешь?

Мне не нравилось то, что происходит, особенно когда он закрыл дверь, наклонил меня над гранитной тумбочкой, вывернул мне руки назад и связал ремень вокруг запястий. Он отошел, и звук льющейся воды вселил в меня ужас. Я побежала к двери.

Схватив за волосы, он дернул меня назад и повернул спиной к ванной. Его руки давили мне на плечи. Ванная была огромная, слишком большая для двоих, и слишком глубокая даже для взрослых.

— Что ты собираешься делать? — я повернула голову, чтобы посмотреть на него, но то, что я прочла на его лице, заставило кровь в моих венах застыть. Его губы были плотно сжаты. Когда ванна наполнилась, я вся дрожала и мурашки покрыли мою кожу. Он не отвечал на мои просьбы и вопросы, и не выключал воду, пока она не достигла края ванной. Внезапно наступившая тишина довела мой страх до предела. Я попыталась втянуть воздух в легкие, но не смогла.

Он обошел меня, и моя голова дернулась, когда он опустил ногу в воду.

— В ванну, — сказал он, как только полностью погрузился в нее.

— Не делай этого! — я не узнала свой голос — он отдавал паникой.

Он дернул меня за волосы, и я с визгом упала коленями на фарфоровый пол.

— Ты сделаешь это,— сказал он. — Ты можешь сделать это добровольно, или я могу тебя заставить, но, так или иначе, ты залезешь в эту гребаную ванну.

Поднявшись на дрожащих ногах, я села на край, и он потянул меня дальше. Он сел и оперся о спинку ванной на противоположном конце от крана, и поставил меня на колени. Я начала плакать, большие соленые капли исчезали в воде, что до пупка окружала меня. От малейшего движения вода выплескивалась наружу.

Все это время, мои волосы были в его руках.

— Подойди ближе, — сказал он, раздвинув ноги. Я подползла на коленях и села между его ног, а он потащил меня вниз, опуская на корточки, пока мою грудь не скрыла вода.

Мои губы приоткрылись, а дыхание стало прерывистым, когда наши взгляды встретились. Он держал меня в плену моего наихудшего кошмара, удерживая мои волосы в своей руке, ремень вокруг моих запястий, а вода шла рябью, когда моя грудь вздымалась.

Я знала, что он собирается делать, и рыдания начали вырываться из моего рта, когда я почувствовала, что от бездны мой рот отделает всего несколько дюймов. Я не могла взглянуть вниз, не могла решиться вырваться из-под его пристального взгляда. Детские кошмары нагрянули вновь, еще ярче, чем тогда, я начала задыхаться, вспоминая тот ужас, удушливый мрак и то, как я безуспешно пыталась спастись. Эта мысль мучила меня, и единственным способом уйти от нее, был мой крик, я его не помнила, но мама описывала его как самую ужасную вещь, которую она когда-либо слышала.

— Пожалуйста, не нужно. Господи, Райф, пожалуйста.

Выражение его лица не изменилось, что вызвало еще большую панику, пока его мягкий, гладкий голос не укрыл меня, словно одеялом.

— Успокойся. Дыши глубоко, Алекс.

Я вдохнула, но мои легкие отказывались работать нормально. Он приказал мне делать это снова и снова, его успокаивающий голос вел подсчеты, до тех пор, пока мое дыхание не перестало быть похожим на дыхание астматика, пробежавшего марафон.

— Так-то лучше. Удушье тебе не поможет, — он потянул мои волосы, в результате чего мое лицо оказалось у него на коленях. — Даже не вздумай кусаться.

— Нет! Нет! — кричала я. — Прекрати, — последнее слово, подобно трещине прошло по моему самообладанию. Я металась, волосы больно потянуло за корни, когда он опускал мою голову вниз.

— Глубоко дыши. Тебе это понадобится.

Секунду спустя, мое лицо ушло под воду, а его эрекция ворвалась ко мне в рот. Я не могла думать о том, чтобы закрыть рот, так как вода попадала мне в горло.

Он согнул пальцы в моих волосах и ритмично поднимал мою голову вверх-вниз, держа ритм

тикающих часов в моей голове. Мое сердце билось с сумасшедшей скоростью, вызывая боль в груди, и я мысленно повторяла два слова, снова и снова.

Не паникуй.

Его соленый привкус достиг моих вкусовых рецепторов, и, прежде чем он кончил, он вытащил меня. Огромными вдохами я глотала воздух, накапливая его, будто никогда раньше не дышала. Вода ручейками стекала по моему лицу, терялась в волосах, цеплялась за нос и губы, а я пропала в глубине его глаз.

— Скажи мне, что ты скрываешь, — его тон не позволит никаких маневров. Я была по уши в воде, в прямом и переносном смысле, потому что ему осточертело ждать.

Когда я не ответила, он снова дернул меня за волосы и направил к воде, и я закричала:

— Подожди.

— Я устал ждать, милая.

Насильно потянув вниз, он толкнул меня под воду еще раз, и я обвила губами его член. Он толкнулся к моему языку, и вода пробилась в мое горло. Легкие словно в огне, запястья горят сзади за спиной, я сражалась с ним, все мое тело было напряженно и боролось за выживание. Логика подсказывала мне, что он не убьет меня, ну, по крайней мере, я так думала, но я была прямо посередине борьбы и полета, пытаюсь одновременно сделать и то и другое.

Пузырьки воздуха выходили из моего рта и носа и выплывали на поверхность, как и мои темные волосы, что лежали вокруг моей головы. Мои призывы были похожи на глухой гул. Я больше не могла сдерживать дыхание и испытала ту же панику, что и тогда, когда упала в реку. Я собиралась укусить его, и когда взвешивала все за и против, он дернул меня вверх.

— Скажи мне, почему ты обвинила меня!

— Это был Зак, — я рыдала, хватая ртом воздух, кашель не прекращался и я старалась не вызвать приступ удушья вновь, когда прозвучало имя моего брата.

Райф замер, широко открыв глаза.

— Ты лжешь.

Если бы у меня были какие-либо причины пугаться, то это был его тон, когда он сказал, что вновь погрузит меня в воду.

— Зак был моим лучшим другом, он бы не сделал этого.

— Но он сделал... — еще один всхлип вырвался из меня, и я закрыла глаза, чтобы он не смог увидеть правду в них. — Я не смогла его остановить.

— Смотри, блядь, на меня. Почему, Алекс? Зачем бы ему... почему ты согласилась с этим? — он встал, вода стекала по его телу, и он стал на коврик у ванной. Он запустил обе руки в волосы и потянул. — За что вы так со мной поступили?

Я открыто ревела, и все эмоции, с которыми я боролась на протяжении стольких лет, вырвались наружу. Я была подобно вулкану Сент-Хеленс, выкидывая пепел на все или на всех, кто был рядом.

— Он... он...

— Он что? — кричал Райф. — Скажи уже это!

— Он ревновал!

— Ревновал к чему? Это бессмысленно.

— Не заставляй меня говорить это. Не заставляй меня говорить это тебе, — моя голова опустилась, я поджала подбородок к груди, и мой позор вырывался в душераздирающие рыдания. Мне хотелось остановить этот поток слез, скрыть все это от него, но я никогда в жизни не чувствовала себя такое поверженной. — Он не смог смириться с тем, что я чувствовала к тебе.

— Посмотри на меня, Алекс.

Я посмотрела вверх, наблюдая с ужасом, как он изучал меня, эти секунды тянулись вечно.

— Он изнасиловал тебя?

Не в силах смотреть на него, я снова опустила голову вниз, потому что это была лишь часть правды, и я не могла заставить себя рассказать все. Все началось именно с этого, но потом я перестала бороться, и мое тело стало принадлежать Заку. Моему сводному брату. От того, что он знает это, мне не стало легче. Это было больно и отвратительно, и Райф, зная это, будоражил меня словно торнадо.

Он вытащил меня из воды, взял на руки и пошел в спальню, где положил меня на кровать, мокрую и обмякшую, словно тряпку. Его теплые руки остановились на моем лице, пальцами он убрал спутанные волосы, и тогда я рискнула взглянуть на него, и раскололась пополам.

— Я не хотела этого, — всхлипнула я. — Я не хотела, клянусь. Я так облажалась, Райф, — унижение быстро и разрушительно захлестнуло меня, и я, издавая гортанные звуки, была близка к рвоте. Я боролась с ремнем, что держал мои руки. — Отпусти меня! Пожалуйста, мне нужно освободиться!

Так как он был занят тем, чтобы освободить мои руки, я положила свою голову ему на грудь и глубоко вдохнула, опять борясь с приступом.

— Как это вышло? — он произнес это опасно тихим тоном, и, когда двинулся назад, я хотела отступить, убежать. — Как я оказался замешан в этом?

— Я... я сделала аборт. Кто-то из клиники проболтался об этом. Отец услышал и остановил распространение истории, но он был таким злым, — мой голос надломился, и я уставилась на его накачанные плечи, мое лицо запылало еще больше. — Он перевернул все и вся, и жаждал узнать, с кем я спала. Тогда Зак указал пальцем на тебя. Он сказал, что ты изнасиловал меня. Сказал, что больше не может молчать об этом.

Молчание Райфа было удушающим, и когда я открыла глаза, чтобы посмотреть на его реакцию, его лицо выражало чувство предательства.

— Ты смирилась с ложью, — никаких вопросов, никакой интонации в его словах. Только холодная больная правда.

— Мне *жаль*, — сказала я, ком застрял у меня в горле. — Я не знала, что делать.

— А как насчет того, чтобы сказать гребаную правду?

Я дернулась, так как его ярость прошла сквозь меня.

— Я не могла.

— Не могла или не хотела?

Он наклонился над матрасом, руками удерживая вес, капли с него стекали на меня и на кровать.

— Не могла, — наши взгляды встретились. — Он сказал, что убьет тебя, если я не буду молчать.

Закрыв глаза, он опустил голову и выдохнул. Он будто задыхался и взрывался внутри из-за своей ярости. Его тело вдавливалось в меня, мы застыли в такой позе на несколько секунд, пока он не отскочил и не закричал, я была уверена, что его было слышно во всем доме. Он повернулся и врезал кулаком в стену, он бил снова и снова, пока из его костяшек не закапала кровь.

Восемнадцатая глава

Уничтоженный

Райф

Она умоляла меня остановиться, но я продолжал бить кулаком об твердую поверхность. Воспоминания мелькали в моей голове, словно в самом худшем фильме ужасов, только вместо меня она главная героиня. Зак удерживал ее, ломал, подавлял ее крики, вдавливаясь в нее.

Картинка сменилась, и я мысленно вернулся обратно в тюрьму, полный гнева, все еще не в состоянии что-либо сделать, когда они по очереди трахали меня, а охранники просто позволяли этому происходить. Все это время я думал, что она просто безжалостно забросила меня туда, но не понимал, почему. Знание ничего не изменит, не принесет мне спокойствия и уж точно не освободит нас от наших грехов. Правда сделала только хуже, потому как она молча страдала, опасаясь за меня.

Я рискнул взглянуть на нее, пытаюсь найти в ее лице скрытое лицемерие. Я лучше приму тот факт, что она опять соврала, чем признаю то, что она сказала правду. Все та же душераздирающая боль, которую я видел день за днем в зеркале в течение последних восьми лет, появилась на ее лице. Я не мог сопоставить Зака, которого я помнил, с тем человеком, которого она описывала. Мы были близки, конкурировали, но все равно были как братья, и обнаружить горький яд, бегущий по его венам, заставивший его ранить собственную сестру и угрожать мне... я не могу этого понять.

Я опустил окровавленный кулак, и это чудо, что моя рука не пострадала. Ее всхлип пронзил меня, когда я, шатаясь, шел в ванную, сердце билось так сильно, что казалось, оно вырвется из груди и упадет на пол. Открыв аптечку, я вытащил бинт и обмотал им руку, но мысленно все еще был в комнате вместе с ней, поглощенный волнами стыда, исходившими от нее.

Я не мог дышать, особенно когда взглянул на ванну. Вода все еще доходила до краев, что напомнило мне о моем методе пыток. О том, что я сделал, чтобы узнать правду... теперь же, больше всего я хотел отменить все мои действия, дабы продолжать верить, что она была всего лишь избалованным ребенком. Обычным эгоистичным ребенком, который выкинул шутку, не задумываясь о последствиях.

С трудом сглотнув, я поднес травмированную руку к горлу, будто это могло уменьшить потребность в воздухе. Я должен был уйти отсюда на некоторое время, должен был держать свою голову прямо, прежде чем попытаться исправить все. Я почти смеялся. Как исправить столько лет боли и страданий?

Когда я вернулся в комнату, она пряталась под одеялом. Я надевал джинсы, когда ее взгляд прожег меня, испепеляя до самых костей.

— Куда ты идешь? — спросила она.

— На улицу.

Я пожал плечами, надел футболку и сбежал вниз из комнаты, опустошение начало просеиваться в ее взгляде. Ее крики последовали за мной вниз по лестнице, но я был не в том настроении, чтобы утешать ее, особенно когда я был ничем не лучше ее брата, не лучше мужчин, которые насильничали меня в тюрьме. Если бы я только смог остановиться и обдумать все это со всех сторон, отправив мою злость куда подальше, я бы обнаружил, что она была жертвой.

Я похитил девушку, которая в пятнадцать лет оказалась беспомощной в той ситуации, что ей навязали. Я наказал ее, не зная всей правды. Меня беспокоил даже не секс, так как она сама этого хотела. Это было все остальное — я был холодным и бессердечным ублюдком, который использовал ее страх против нее, уничтожил ее, и заставил чувствовать, будто она ничего не значит для меня.

Я вышел наружу, но не ушел далеко, будто невидимая линия очертила мне путь к дому, к ней. Я сжал челюсти от необходимости найти Зака и расчленил каждый кусочек его тела, но я не мог оставить ее одну, и меня осенило, что я не мог столкнуться с ним. Он думал, что она мертва.

Блядь.

Весь мир думал, что она мертва. Я сжал кулаки. Я забрал ее, и уже поздно отступать. Я не хотел отступать. Я хотел все в ней — ее боль и печаль, ее радости и триумфы, ее оргазмы и ее агонию, когда я держал ее в безвыходном положении. Но отпустить ее, это единственная правильная вещь, которую я могу сделать.

Я кинул быстрый взгляд на дом и замер. Она стояла в дверном проеме, глаза покраснели и преследовали меня, ее тело было обернуто моей простыней. Она только что призналась в том, что ее изнасиловал ее собственный брат, но я хотел сорвать эту простыню с нее и бросить на землю. Я вспомнил о том, как ее рот ублажал меня в ванной, и о том, что оргазма я так и не получил. Я крупно облажался.

Я пересек расстояние между нами, поднялся по ступенькам и прошел мимо нее. Она следовала за мной, когда я зашел в гостиную. Она робко подошла, словно боялась издать хоть звук. Упав на диван, я посмотрел на свою здоровую руку, пока больная была зажата между коленями. Она опустила на пол и взяла мою раненую руку в свою ладонь. Мне кажется, неважно, что я

делал с ней или что буду делать — я начинаю верить, что она не может выбросить меня из своего сердца.

Она размотала бинт и провела пальцами по моей опухшей руке.

— Больно?

— Ничего страшного.

— Мне жаль.

Я наклонил голову и взглянул на нее.

— Это не ты приставила мой кулак к стене.

— Я не о твоей руке говорю. А о твоём состоянии.

— Почему ты не сказала мне? — спросил я. Она подалась назад, опустив взгляд. Я схватил ее за руку и притянул ближе к себе. — Если бы я только знал, что он сделал с тобой.

— Это моя вина, не твоя.

— Это неважно, Алекс. Я собрал все, что случилось со мной в течение восьми лет, и выплеснул это на тебя, — моя душа была вся в дырах, каждая из них являлась вещью, которую я уже никогда не смогу вернуть. Похороны отца, первый год жизни моего сына, моя карьера, все ускользнуло от меня — все благодаря ревности Зака. Даже понимание того, что она жертва, не утолило мою жажду ранить ее, что превратило меня в самого худшего ублюдка в мире. — Я ранил тебя, — я смотрел на нее долго и тяжело, дабы она могла понять, что я облажался. — И все еще хочу сделать тебе больно, очень сильно.

Ее дыхание стало прерывистым. Она вытерла влагу под глазами, хоть и пыталась скрыть это.

Я потащил ее к себе на колени, не в силах сдерживать себя и расставил ее колени по обе стороны от меня. Простынь развернулась, и ее горячая киска сквозь джинсы сжимала мою выпуклость. Мой член упирался между нами, что напоминало мне о незаконченном деле.

— Это все моя вина, — сказала она, сжимая мою футболку.

— Ты была ребенком. Тебе нужно знать, что это не твоя вина, — я с трудом сглотнул, так как воспоминания о моем собственном нападении на нее, вырвались наружу. Я учился сдерживать их, подниматься с кровати каждое утро и жить несмотря ни на что, пока какая-то вещь — запах, звук, или простое прикосновение — не производила взрыв воспоминаний в моей голове. — Зак знал лучше. Блядь, он был моего возраста, и я уверен, что он знал лучше, — я прошелся пальцами по ее волосам, задевая кончики, и потянул их. Она вздрогнула, но я не остановился. — Блядь, да он же твой брат.

— *Сводный* брат.

— Да мне похуй, — как можно продолжать этот разговор, когда она голая сидит на моем члене, а моя эрекция снова растет. — Он не имел права прикасаться к тебе, — мгновенно я убрал руку от ее волос, так как слова бумерангом вернулись ко мне. — Я ничем не лучше. Я не должен был забирать тебя, — и точно уж не должен думать о том, как нагнуть ее на этом диване и начать вдалбливаться в нее.

— Я рада, что ты сделал это.

Она вообще слышит, о чем говорит? Я провел ее сквозь ад, и мой член еще не закончил с ней, ни на секундочку.

— Я *хотел* тебя, — мой взгляд остановился на ее шее, когда она сглотнула. Обернул руку вокруг ее горла, и удивился, потому как она не возражала. Желание выдавить из нее воздух манило меня. — Внутри меня есть демон. И вот что случается, когда у человека есть темная сторона и он не выпускает ее наружу. Я привык бороться с ним, сидя в клетке.

— Райф, — мое имя слетело с ее губ с протяжным стоном. Я нажал пальцем между ее ключиц, именно там где ее пульс порхал, так быстро, словно крылья голубя.

Я не хотел думать об этом, не говоря уже о том, чтобы сказать, но блядь, где-то в глубине души меня терзала совесть. Я должен освободить ее. Только у этой игры уже нет конца. В течение многих лет я фантазировал о каждой детали, распланировал каждую секунду, но о том, чтобы отпустить ее, я явно не думал. Я не думал, что она побежит к копам, так как чувствовала вину за это, но куда ей еще податься, кроме этого острова, несмотря на полный беспорядок в моей жизни. Я проклинал эту ебанную совесть и время.

— Это должно прекратиться, Алекс.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю, что отпускаю тебя, — слова повисли между нами, и теперь, когда они были сказаны, я хотел забрать их обратно. Было так много причин не держать ее больше здесь, а именно то, что она была невиновной, как я думал поначалу, когда отправился в тюрьму. Она просто сыграла свою роль, но действительно ли у нее был только такой выбор? Пятнадцать лет это слишком рано для изнасилования, аборта и шантажа.

— Почему? — прошептала она, словно одна только мысль о свободе была для нее невыносимой.

Я переместил руку ей на заднюю часть шеи и притянул ближе, намереваясь поцеловать.

— Потому что я все еще хочу причинить тебе боль, — сказал я, мое внимание привлекли ее трясущиеся приоткрытые губы. — Все еще хочу взять тебя такими способами, о которых ты даже и не думала. К моменту, когда я с тобой закончу, ты будешь умолять быть моей, и это плохая идея.

— Я хочу быть твоей, — сказала она без колебаний, будто хотела быть всем для меня, и словно идея моих истязаний мучила ее. То, что мы разделяли, было чистой одержимостью, ни больше, ни меньше, это было то самое сладкое безумие ада.

Я покачал головой, пытаюсь убедить себя, так же как и ее.

— Я не могу продолжать делать это с тобой. Я достаточно боролся с собой, прежде чем узнать об участии Зака в этом, но сейчас...

Она отвела взгляд, но ничего, кроме новых слез не произошло. Злость поднималась во мне, видя то, как ей тяжело.

— Что это? О чем ты думаешь?

— Ничего.

Я схватил ее за подбородок и заставил посмотреть на меня.

— Что ты скрываешь?

— Ничего, — вновь сказала она, хотя я и увидел ложь в ее глазах.

— Тебе нужно быть честной со мной во всем, потому что я очень близок к тому, чтобы найти и разорвать к чертям его задницу, — желание заставить его заплатить за все, что он сделал с ней, за то, что сделал со мной, было сильным и росло с каждой секундой, пока она пыталась от меня что-то скрыть. И он заплатит. Каким-нибудь способом, когда-нибудь я заставлю его пожалеть, что он не встретился со мной.

Она закрыла глаза, слезы скатывались по щекам, и я был полным придурком, потому что хотел попробовать их.

— Просто скажи мне, милая, — прежде чем я потеряю контроль и дам своему демону вырваться наружу, он уже скрежещет зубами и почти вырывается, глядя на всю боль в ее глазах.

— Он заставлял меня кончать.

— Ты кончила, когда он изнасиловал тебя? — я не был удивлен, не тем, что она ответила мне, словно это было каким-то указанием.

— Да, — она моргнула несколько раз, но поток слез начался вновь, так и не успев закончиться. Ее грудь дрожала от рыданий. Она даже не пыталась прекратить это. Она, блядь, просто сидела на моих коленях, ее подбородок лежал у меня на руке, и позволяла мне лицезреть ее позор. — Он трахал меня много лет. Я не такая невинная, как ты думаешь.

Ее девиантная природа затянула меня, словно привычка, которую не можешь бросить. Я с жадностью впился в ее рот, заставив наши губы тереться друг об друга, позволив моему языку проникнуть ей в рот. Никакие сдержанные поцелуи, что бывают на первых свиданиях, нам не помогут. Мы оба утонули в страстном поцелуе. Со стоном она протолкнулась глубже, и я засосал ее язык, ощущая вкус ее слез.

Ее нуждающиеся пальцы впились в мои волосы и потянули, а я думал, что умру, если не почувствую ее вкус еще больше. Ее упругая грудь с торчащими сосками была частично скрыта от меня, и простынь закрывала пупок, в который я хотел засунуть свой язык. Ее тугую киску я хотел обработать до такой степени, чтобы она умоляла меня остановиться, затем войти еще глубже, чтобы услышать ее крик и извиваться от необходимости кончить. Я держал ее за затылок, а моя окровавленная рука лежала на ее спине, и я полностью заключил ее в свой поцелуй.

Проблемы, что были между нами, не имели значения. Ничто не имело значения, так как она отдала свою душу моему демону, и тот с удовольствием пожирал ее. Эта мысль была настолько сильной, что заставила меня оторваться от нее. Я не мог позволить ему покончить с ней. Она была игрушкой в руках собственного брата, и никто не мог ее защитить. Я был бы проклят, если бы тоже уничтожил ее.

Я столкнул ее с моих колен.

— Этого не случится, — я поднялся на ноги, молча проклиная самого себя, когда она стыдливо снова укуталась в простыню, и как это отразилось на моих штанах.

— Ч-что ты делаешь? — спросила она, когда я направился на чердак. Она побежала за мной, шлепая босыми ногами.

— Я дам тебе одежду, — пока Джакс не понял, что я делаю с ней, я не собирался искушать себя ее обнаженным телом. Я поднялся по ступенькам и двинулся к комоду, где спрятал пару ее вещей, вытащил футболку, джинсы и бросил их ей.

— Райф... пожалуйста, — ее голос сорвался на плач. — Не отталкивай меня. Ты нужен мне.

— Я последний человек, в котором ты нуждаешься, — я направился в ванную, даже не смотря на нее, мое сердце билось где-то в горле, и приготовился к долгой, холодной ванне и сексу с собственной рукой.

Девятнадцатая глава

Агония

Алекс

— Что ты с ним сделала? — спросил Джакс. Он сидел за столом напротив меня, распивая вторую банку пива, его тарелка, оставшаяся после ужина, была пуста. Райф с жадностью съел его еду, прежде чем снова ушел на улицу заниматься какими-то делами. Он находил «дела» на протяжении всего дня, что-то типа повседневных задач, которые держали его подальше от меня.

— Ничего, — сказала я, с тяжестью опуская плечи.

— Что ж, ты, сидящая здесь, полностью одетая, в то время как он атакует кустарники, это нормальное явление? Я не буду даже говорить о том, что он молчал на протяжении всего ужина. Я знаю его, и знаю, когда что-то происходит.

Мой взгляд прошелся по тренировочным штанам и футболке, в которых я спала. Райф занял место на диване, отдавая кровать мне. Я выглянула в окно. Позднее вечернее солнце палило его кожу, и весь его торс блестел от пота. Вытерла испарину со лба. Сегодня он был горячей штучкой. Я проследовала по линиям его тату, и он поймал меня на этом. Один его взгляд делал мои трусики влажными. Я довела себя до оргазма прошлой ночью, окруженная его простынями и запахом, но ощущение пустоты и неудовлетворения, только заставили меня хотеть большего. Я до боли хотела ощущать его тело рядом со своим, неразличимо близко, внутри меня. Я хотела, чтобы он заставил меня кончить, жаждала этого, потому что чем дольше он отказывал мне в этом, тем дольше он отказывал мне в прощении.

Джакс со вздохом поднялся. Он вышел через заднюю дверь, оставив ее открытой, и сбежал по ступенькам вниз во внутренний дворик, где Райф, в самом деле, мучил кустарники. Он откинул ножницы, когда Джакс подошел, и хотя я не слышала, о чем они говорили, я была уверена, что они спорили. Джакс указал на меня, плотно сжав губы, а Райф помотал головой. Они обменялись парой фраз, после чего Джакс направился обратно, а Райф следом за ним.

— Это подорвет наши задницы, и ты знаешь это, — сказал Джакс. — Она побежит прямо к копам, мужик. Никогда не доверяй женщинам, особенно *этой*. Я думал, что ты это уже понял, или она схватила тебя за яйца?

— Ты думаешь, я хочу вернуть его обратно в тюрьму? — перебила я его, сжав зубы и гневно смотря на него.

— А почему бы и нет? Ты отправила его туда однажды, не так ли? Что мешает сделать это снова?

— Блядь, — вмешался Райф. — Я просто поступаю правильно. Она не должна быть здесь.

Я выпрямилась, открыла рот и уже готова была спорить, когда Джакс заговорил.

— А что поменялось-то? Она оказалась испорченной?

Кулак Райфа рассек воздух и пришелся прямо по носу Джакса.

— Следи, блядь, за своим языком.

— Что, черт возьми, происходит, мужик? Мы действительно делаем это из-за какой-то цыпочки? — он схватил бумажное полотенце с тумбочки, чтобы остановить кровь.

— Мы делаем это, потому что ты отказываешься слушать. Все поменялось. И она уходит.

— Я никуда не уйду, — сказала я, заставив их остановиться и уставиться на меня. Я собрала посуду после ужина и проследовала к раковине, сохраняя подобие спокойствия. — Я никуда не пойду, Райф, — хорошо, что я не сказала, что лучше съем стекло, чем оставлю его.

Джакс тяжело вздохнул и стряхнул лохматую челку с глаз.

— Я не собираюсь оставаться здесь и дискутировать по этому поводу. Если это взорвется, значит, взорвется все. Я не собираюсь находиться в центре взрыва, — он указал пальцем на Райфа. — Просто подумай об этом. Если ты отпустишь ее, мы можем сказать нашей свободе пока-пока. Я не очень-то верю в то, что она говорит, — он выбросил грязное полотенце в ведро, сплюнул кровь, и схватил еще одно, направляясь к двери. — Кроме того, ты никогда не выкинешь ее из своей головы. Ты украл ее, так что она твоя.

— Джакс, подожди.

Дверь захлопнулась, когда он ушел, и эхо сделало тишину между мной и Райфом еще оглушительнее. Я дрожала, боясь обернуться и посмотреть на него. Стул проскрипел по древесине, и я услышала как он сел на него. Не зная, что еще делать, я загрузила посудомойку, вопросы роились в моей голове, враждую друг с другом, пока один, наконец, не вырвался.

— Ты рассказал ему про Зака?

— Нет, но я должен. Он прав, что злится. Его задница тоже на кону, если я отпущу тебя.

Я обернулась.

— Я не хочу, чтобы ты меня отпускал!

Он вскочил на ноги и перевернул стул.

— Неужели я недостаточно заставил тебя страдать? Блядь, Алекс... — его голос надломился под грузом вины и сожаления. Я не заслуживала этого.

С рыком я кинула стеклянное блюдо в воздух, и подпрыгнула, когда оно разбилось на маленькие осколки, создавая симфонию ярости.

— Мы уже прошли через это. Я устала! Пока ты был в тюрьме, когда тебя *насиловали*, — мои собственные слова душили меня. — Он трахал меня, — я опустилась на твердый пол, прижав колени к груди, и спрятала лицо ладонями. — Ты должен ненавидеть меня. Я ненавижу себя.

Его шаги гремели по всему дому, когда он подошел ко мне и схватил за волосы.

— Ты не получишь этого, — прорычал он. — Я хочу, чтобы ты покинула этот проклятый остров, была далеко от меня, потому как я *не* ненавижу тебя, — его кулак сжал мои волосы и потянул вверх, пока я стояла на носочках. — Наблюдать за тем, как твой рот скривился от боли, за тем, как ты борешься, *чертовски меня заводит*.

Мои губы приоткрылись, дыхание стало поверхностным. Я расставила ноги немного шире, морщась вновь, когда он усилил свою хватку. Я скользнула рукой себе в трусики, и погрузила пальцы в свое желание.

— Все, что тебе нужно сделать, это посмотреть на меня, и я уже становлюсь мокрой, — я вытащила свои пальцы и приложила их к его рту, как бы доказывая свои слова. — Но когда ты такой грубый, — я ахнула, когда он дернул мою голову назад и начал сосать мои пальцы. — Клянусь, я умру, если ты не трахнешь меня.

Его глаза встретились с моими, держа меня в плену, когда его язык метался между моим средним и указательным пальцами. Он укусил меня, наблюдая за моей реакцией, и когда я не отреагировала, он выпустил пальцы изо рта.

— Я дам тебе всего лишь один шанс, чтобы уйти, — он отпустил мои волосы и отошел. — Ты никогда не услышишь обо мне снова, никогда меня не увидишь.

Я следила за тем, как он отступал.

— Как ты вообще можешь думать об этом? Я хочу тебя, Райф, — чтобы подтвердить свои слова, я схватила его эрекцию.

Он сжал пальцы вокруг моего запястья.

— Ты давишь.

— Что ты собираешься делать? Раздеть меня? Снова закрыть меня в подвале? Заковать меня?

— Нет, — сказал он. — Но я могу задушить тебя или, еще лучше, я могу притащить твою задницу в ванную и заставить отсосать мне.

Я начала вырываться из его хватки и споткнулась, мое сердце колотилось в бешеном ритме.

— Ты не сможешь.

Он подтянул меня вперед, пока моя грудь не соприкоснулась с ним.

— Ты знаешь, что могу. Никаких шуток, милая. Время решать. Остаешься или уходишь?

— Остаюсь, — альтернатива никогда больше его не увидеть, никогда больше не испытать его поцелуй или то, как его тело прикасалось ко мне, это было тем, что я не собиралась отпускать. Если причинение боли, которую он жаждет причинять, освободит меня от тяжести моего груза и облегчит его боль, тогда я вынесу ее, и неважно какие будут последствия.

Он поднял меня на руки и направился к лестнице. Я скользнула на ноги, шаркая ими в предвкушении, когда он опускал лестницу. Как только мы забрались на чердак, он притянул меня к себе, прижав спиной к груди.

— Я собираюсь заставить тебя умолять меня, заставить плакать, пока тебе не станет трудно дышать, ожидая меня.

— Слишком поздно.

— Ты поняла, почему достигала оргазма рядом с ним?

Я прикусила губу, кивая, губы начали дрожать, так как память начала подкидывать обрывки воспоминаний.

— Потому что я облажалась.

— Так же как и я, поэтому мы облажались вместе, но я хочу, чтобы ты ответила первая.

Я посмотрела на него через плечо.

— На что?

— Ты когда-нибудь жаждала его так, как жаждала меня? — он схватил меня за бедра и поднял, обвивая мою ногу вокруг своей талии. — Разве твое тело не извивалось и не трепетало для него, — он просунул руку между моих ног, погружаясь пальцами вовнутрь, где бушевало пламя. — Так, как оно трепещет для меня?

— Никогда, — простонала я, давя на его ладонь.

— Тогда отпусти вину и стыд. Он вил из тебя веревки, использовал это против тебя. И я собираюсь заставить тебя принять это.

Он переместился и дернул мои штаны вниз по ногам. Далее последовали мои трусики, которые он порвал своими сильными пальцами. Взяв воротник моей кофты обеими руками, он потянул его, пока не разорвал по шву, прямо до моего пупка. Я уставилась на него с удивлением.

— Райф...

— Не говори ничего. Просто чувствуй.

Я чувствовала, все правильно. Он стянул порванную рубашку с моих плеч и спустил лямки моего бюстгалтера. Он опустил атласные чашечки, и мои груди вывалились, делая этот кусочек одежды еще более запрещенным. Я ощущала тяжесть его взгляда на мне, его язык рисовал немыслимые узоры на жаждущих губах, и я бы отдала все, чтобы ощутить этот язык на моей коже, но он не делал этого, не прикасался. Он только смотрел и смотрел, пока я стояла и думала, что взорвусь под одним его взглядом.

— Иди в кровать.

Я пошатнулась, ноги были слишком ватные, чтобы делать что-либо, и я упала на кровать. Я потянулась, чтобы расстегнуть лифчик, но его рык заставил меня замереть.

— Не делай ничего, пока я не скажу тебе, поняла?

Я кивнула.

— Становись на колени, руки за спину.

Я повиновалась ему без колебаний, с трудом сдерживая волнение где-то глубоко внутри меня. Он медленно преодолел расстояние между нами, словно хищник, осматривающий свою добычу, по пути скидывая с себя одежду. Джинсов уже нет, они на полу. Шаг. Боксеры полетели в неизвестность. Он забрался на кровать позади меня, и я вздрогнула, когда ощутила его руку у себя на животе, пальцы, миновав пупок, направляются к моей пульсирующей от возбуждения киске. Он потянул мою голову назад, пока мои глаза не оказались на уровне его подбородка, и отпустил. Его губы сомкнулись у меня на ключицах. Он легко кусал меня, оставляя следы, словно метки. Мои соски превратились в два бутона, а кожа пошла мурашками от головы до пят. Я никогда такого не ощущала, поэтому была готова разлететься на кусочки от удовольствия.

Он дразнил меня, проведя по моей щеке до уголка рта, и, в результате, его щетина оставляла грубые следы. Его пальцы скользили внутри меня. Я застонала, моля его о поцелуе.

— Ты такая мокрая. Влажная и горячая, — он отпустил мои волосы и сжал горло, беря меня в плен своего тела. Его взгляд упал мне на рот, и я не могла не заметить его жажду поцеловать меня.

Этот мужчина многое заставил меня ощутить, но прежде всего стремление. Разорвать себя на части, чтобы добраться до него.

— Ты мне нужен, Райф, — прошептала я, боясь, что в глазах появится что-то большее, чем слезы. Он видел все, обнажая меня всю перед ним, прямо как мое тело сейчас. Я подчинилась ему, открывая свои бедра шире для его прикосновений, выгибаясь ему навстречу, мои груди, без тени смущения, выпирали вперед. — Я очень сильно в тебе нуждаюсь.

— Скажи мне что-нибудь, — сказал он, его пальцы скользили вперед-назад в моей киске, даря мне волны наслаждения.

— Что-нибудь.

— Ты была с кем-то еще?

— Только с тобой, — я не упоминала Зака. Он не считается, и с довольным блеском в глазах Райфа, я поняла, что сказала правильно.

— Хорошо, — прорычал он. Когда его рот оказался на моем, раскрывая мои губы с отчаянной скоростью, он протолкнул язык внутрь, а пальцами все еще трахал меня. У него был привкус клубники, которую он ел раньше.

Я не могу больше сдерживаться. Я должна коснуться его, или я сгорю. Я сунула пальцы в его волосы и ухватила его так, будто никогда не хотела больше отпускать, призывая его язык

проникнуть глубже. Его поцелуи завели меня, уничтожили, и я не хотела вновь собираться воедино. Нет, если только довериться его рукам, значит на секунду дольше чувствовать это. Я принадлежала ему каждой частичкой своей израненной души.

— Блядь, Алекс, — сказал он, отрывая свой рот от моего. Его эрекция упиралась мне в зад.

— Ты мне нужен. Пожалуйста.

— Я трахну тебя тогда, когда посчитаю нужным. Заведи руки за спину.

— Аах! — прокричала я, схватив его жестче за волосы.

Он перевернул меня на спину, и вжал мои руки в матрас. Его тело возвышалось надо мной, держа меня в ловушке его опасной мужественности, и я была желанным пленником. Я свободно повернула ключ в замке от незримых цепей, которые связывали меня с ним.

Темная голова Райфа склонилась к моей груди, и он зубами потянул чашечки лифчика вниз. Я закричала, когда он жестко прикусил мой сосок. Острая боль прошла сквозь меня и завернулась спиралью внизу живота. Я выгнулась, мышцы напряглись, когда он перешел к другой груди.

Я шипела, лишь бы только не выть, извиваясь под карающим вниманием его рта, но он не остановился. Он бы не остановится. Милосердие было его подарком, его удержанием. И я отдала ему свой единственный шанс на свободу.

Его пальцы болезненно сжали мои запястья, удерживая меня, что делало мою борьбу бесполезной. Он раздвинул мои ноги в стороны и пристроил член ко входу, протиснулся немного и снова вышел.

— Пожалуйста... — я собираюсь умереть. Если бы было возможно упасть мертвой, лишь бы не терпеть и не получать мучительные пытки, находясь в постоянном возбуждении, которое только усиливалось от боли, тогда бы я потерялась. — Райф, ради Бога, трахни меня уже.

— Ты собираешься отдать мне всю себя, — он поднял голову и посмотрел на меня. — Я собираюсь задушить тебя. Все еще хочешь остаться?

Я закусила губу, чтобы она прекратила дрожать.

— Есть ли у меня выбор? — я только спросила, дабы испытать его и увидеть, как далеко я могу зайти. Если бы он все еще собирался отпустить меня, тогда я узнала бы, что некоторые части внутри его все еще боролись. Этот парень всегда даст право выбора, всегда делает правильные вещи, даже если в процессе этого он будет кого-то трахать.

Он отпустил мои запястья, и схватил мою шею.

— Твой шанс выбирать прошел. Держись за поручни. Если отпустишь, я не разрешу кончить.

Я прикоснулась к холодному, жесткому металлу и крепко сжала руки.

— Зачем это нужно? — спросила я, у меня получился гортанный звук, так как мои дыхательные пути были крепко сжаты.

— Душить твою прекрасную шею для меня слаще, чем трахать тебя, — он наклонился ко мне с еле сдерживаемым стоном, и задержался в нескольких дюймах от моего лица. — Ничто не

доставляет мне столько удовольствия, — он остановился на секунду, наклонив голову. — Но это так же и доверие, знание своего места. Твое удовольствие имеет определенную цену. Я хочу каждую часть тебя, всегда.

Он медленно протолкнул свой член в меня и задрожал.

— Я серьезно. Если ты отпустишь, я заставлю тебя страдать.

Я схватилась за них сильнее, решив повиноваться ему, чтобы доказать, что я могу быть той, кого он хочет, в которой нуждается, но мое сердце билось слишком громко. Если бы не его чувственный ритм, его неглубокие толчки, я бы запаниковала, так как давление на моем горле возрастало.

Его чувственность стала для меня неожиданностью, и я сдалась. Сквозь дымку, я заметила, что его лицо потерялось в смеси боли и наслаждения, и я поняла, что, будучи лицом к лицу, так же как и наши тела, соединяющиеся вместе в нежной агонии — это ранит его, где-то глубоко в душе. Я видела то, как он прикрыл свои глаза, смотря на меня, и показывал, что я несу часть его муки. Глаза закрылись, потому что наблюдать за тем, как он наблюдает за мной, разрывало меня на куски.

— Не прячь их. Я хочу видеть твои глаза.

Я посмотрела на него и связь между нами стала неразрушимой. Никто из нас не отвернулся, когда он вошел на полную глубину. Он скользил вперед-назад, его движения были нежными, а вот его руки терзали меня. Он сжимал их сильнее, сдавливая мои дыхательные пути, по мере нарастания оргазма, и к его финальной точке.

— Позволь мне кончить, — умоляла я.

— Нет, пока ты не будешь кричать об этом, — он вошел с таким сильным толчком, что мы оба закричали. — Нет, пока ты не сможешь дышать, — сказал он со стоном. — Черт, я хочу, чтобы ты просыпалась в огне, — его руки сжали сильнее, и я изо всех сил терпела, чтобы не противиться ему, и держала поручни так крепко, что мои суставы начали ныть.

Наши взгляды все еще были одним целым, пока он душил меня. Момент был нереальным, его глаза сверкали, как изумруды, в те несколько секунд, когда я повернула свою жизнь к нему. Все вокруг него становилось черным, он был единственным четким пятном в моем видении, в моем мире, в моем сердце. Я открыла рот, чтобы произнести его имя, словно в последние минуты жизни. Но оно не прозвучало.

— Не борись с этим. Еще пару секунд.

Когда я пришла в себя, его имя сорвалось с моих уст, и я ощутила, как его голова исчезает у меня между ног. Он прижал свой язык к клитору и сильно надавил. Я корчилась и извивалась, конечности дрожали у него на плечах, и я начала задыхаться. Я хотела вонзиться себе в шею, но мои пальцы держали изголовье кровати. Я не отпущу, не важно, что произойдет, я не отпущу.

— Райф! — прохрипела я. — Мне нужно кончить. Позволь мне кончить, — я стала повторять эти просьбы, пока они не превратились в непрерывную молитву. Не знаю, как это возможно, но он всегда держал меня на грани. Его пальцы и язык возносили меня высоко, и мои стоны разносились по всему чердаку. Ничто на Земле не было так хорошо, как он между моими коленями, он лизал, сосал, изводил меня пальцем и просто выводил круги своим языком.

Святое дерьмо.

Он добавил еще один палец, и прислонился ртом к внутренней стороне бедра и прикусил. Его пальцы так работали во мне, что я с визгом извивалась в кровати. Его зубы впились глубже, и этот укус распространился по мне, пока я не вышла из-под контроля и не потерялась в беспомощности. Он поднес руку к моей груди и выкрутил сосок, что заставило меня кричать.

Не отпускай поручни... что бы не произошло, не отпускай.

— Пожалуйста... пожалуйста... дай мне.

Он отстранился от меня и сел на корточки, а я уставилась на него, словно не в своем уме, так как вся кровь прильнула вниз, и умоляла об освобождении. Мои слова, будто забавляли его.

— Ты словно инструмент, на котором я люблю играть. Я могу брэнчать на тебе часами. Мне нравится этот способ — дикий, отчаянный и чертовски безумный, желанный.

— Ты когда-нибудь простишь меня? — я заерзала, когда слезы скатились по моим щекам. — Я сделаю все. Пожалуйста, я нуждаюсь в тебе.

— Просто прощение не сотрет все восемь лет из головы. Я не могу просто взять и вычеркнуть все это дерьмо из моей головы.

Я покраснела от стыда, когда поняла, в каком виде лежала перед ним, мокрая, а его разум держал его в прошлых ужасах.

— Я сделаю все, чтобы ты вернулся, Райф.

Его брови изогнулись над красивыми глазами.

— Кто я для тебя? Какая-то фантазия, которую ты питала все эти годы? Что я значу для тебя?

Я застонала.

— Ты мое начало и мой конец. Ты мое все.

Медленно, на его лице отразилось что-то, что отдаленно напоминало нежность, он скользнул ко мне и снова взял меня в свои руки.

— Ты определенно знаешь, как усугубить ситуацию, милая, — с тяжелым вздохом, он снова вошел в меня. Его толчки были обычными. Его рука у меня на затылке держала меня на месте, когда он покусывал мою шею. Его тело окутывало мое, словно заветный подарок, который он медленно открывал.

Он схватил меня за шею, потянул зубами, и я закричала, когда цунами началось. Я пульсировала и сжималась вокруг него, болело где-то глубоко и долго, и я не могла остановить поток криков, которые исходили из меня. Я схватилась за его волосы, больше не в состоянии держать металл, когда я могла держаться за него, не тогда, когда я кончала. И как только эта волна ушла, пришла другая. Он не прекращал движение, не замедлился и не ускорился. Он обрабатывал мое тело, словно я была только для него.

— Сделай это снова, — сказал он грубым голосом, что было чертовски сексуально. — Кричи для меня. Открой свою душу. И я сделаю это еще раз.

Я снова закричала, мое лицо было в беспорядке от слез и пота, и я ухватилась за его плечи, запустив в них ногти.

— Я люблю тебя, — я задышалась, когда последние силы покинули меня. И я превратилась в желеобразную массу в его объятиях.

— Нет, останься со мной, — он по-прежнему двигался внутри меня, его зубы впились в мои губы, так как он был на грани. Он уронил свою голову мне на плечо, подавляя стон, и излился в меня.

Время остановилось, секунды тикали в бесконечном потоке, пока мы держали друг друга, и в конечном итоге, наше дыхание замедлилось. Смешанный с потом воздух окутал нас, запутавшихся в простынях. Я не знаю, сколько времени прошло, но его лицо оказалось напротив моего. Я вдохнула, когда он выдохнул, моя грудь вздымалась вместе с его грудью в одном ритме. Моя кожа покалывала и пылала с головы до пят, и я вздрогнула, потому что он все еще был внутри меня, и его эрекция нарастала снова.

— Это все еще чертовски трудно. Я не могу насытиться тобой, — он вжал меня в матрас и положил руки над головой. Это желание все контролировать больше не пугало меня. Это заставляет меня чувствовать себя связанной с ним, живой. Отдавая ему это, я ощущала, будто отдаю обратно эту маленькую частичку его. Я никогда не смогу искупить свой грех за годы мучений, к которым я привела его, но я могу отдать ему всю себя по маленьким кусочкам.

— Я никогда не ощущала себя так, — прошептала я.

— Как?

— Как ты. Будто я не могу насытиться.

— Моя ненасытная маленькая шлюшка, — его губы изогнулись в улыбке напротив моих, уменьшая остроту оскорбления. В отличие от Зака, говорившего так, эти слова приобретают разные значения, когда их произносит Райф. Такие, как гордость и собственническое отношение. Его пальцы сжались вокруг моих запястий. — Моя сексуальная маленькая шлюха. Я ждал слишком долго, чтобы оказаться внутри тебя, — его свободная рука гладила мою челюсть, а губы и язык боролись с моими. Мы нуждались в воздухе, и он укусил меня за плечо.

Я вдохнула сквозь стиснутые зубы.

— Мое желание ранить напугало тебя?

— Нет.

— Это ничто, Алекс. У меня есть парочка испорченных фантазий, которые я никогда ни с кем не пробовал.

Я должна была хоть чуть-чуть испугаться его признания, но поняла только одно — он никогда не делал вещей, которые хотел делать со мной.

— Например?

— Поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

— Раайф, — простонала я.

— Мне нужно заставлять тебя плакать. Часто. Мне нравится вкус твоих слез.

— Мое сердце уже делает это. Делай то, что хочешь. Я твоя.

— Ты еще пожалеешь об этом.

Дрожь пронзила меня. Он сказал это с такой уверенностью, что у меня перехватило дыхание. Ему не нужно использовать свои руки, чтобы убить меня.

Он вышел из меня и сел на колени.

— Переворачивайся.

Я плюхнулась на живот, и вздрогнула, когда легкий озноб прошел по моей спине.

— Я не закончил с тобой. Еще нет.

Двадцатая глава

Незванный гость

Алекс

Что-то произошло. Эта мысль промелькнула у меня в голове, и я решила проверить. Я потянулась за Райфом, но мои пальцы нащупали только пустоту. Его сторона все еще излучала теплоту его тела, значит, он ушел недавно. Я подсочила, в глазах потемнело, и я начала моргать. Мы, наверное, уснули после второго раунда наших игр.

Чердак был таким же, как мы его и оставили, хотя судя по теням, я поняла, что солнце уже зашло. Как только мои глаза привыкли, я заметила, что лестница была закрыта, так же как и дверь в ванную. Вокруг крошечная тьма, значит он не в туалете. Обмотавшись в простыню, я на цыпочках подошла к лестнице и с громким лязгом отпустила ее, подпрыгнув от неожиданности. Я собралась позвать Райфа, как вдруг второй голос остановил меня.

— Кто там? — вопрос Зака поднялся прямо по лестнице, и я закрыла рот рукой, чтобы не закричать.

— Девушка, с которой я недавно познакомился. Слушай, давай поговорим об этом, когда ты протрезвеешь, — спокойный голос Райфа обволакивал меня словно мед, и я вздохнула, пока не поняла, что Зак действительно здесь, всего в нескольких шагах от меня. И он пьяный.

Я отшатнулась, вонзая ногти в руку, и теряла драгоценные секунды, думая о том, как он обнаружил мое присутствие. Они обменялись еще парой слов, но ни одно из них я не поняла. Я была слишком напугана, это словно кошмар наяву, если Зак обнаружит меня здесь, стоящую в простыне. Он пойдет и убьет Райфа. В безумном темпе я начала искать одежду и обнаружила свою кофту на полу. Она была порвана, поэтому я побежала к комоду и вытащила первую попавшуюся рубашку. Я начала мерить чердак шагами, скрипя зубами, когда пол скрипел, и слушала то, что оставалось вне поля моего зрения.

— Ты врешь! Я знаю, что она собиралась сюда.

— О чем ты говоришь? — голос Райфа был таким же неизменным, но я все равно сжала свои руки. Он может справиться со всем сам, я знаю, что он может, но я не могла выгнать воспоминания из моей головы. Зак становится сумасшедшим, когда ревнует, и не отдает отчета своим действиям, это словно смотреть, как лев выпускает всю свою злость на бедном кролике.

Райф часто успокаивал его во время их битв, но это жизнь. Это не тренировка или не бой по правилам в клетке, с толпой орущих фанатов вокруг. Это плохо.

— Эта маленькая сучка сбежала прямо к тебе в руки. Я не тупой. Она звонила тебе? Скажи, что она сказала, слово в слово. Я должен знать.

— Зак, серьезно. Я ничего не слышал от нее.

— Она всегда хотела тебя, и теперь она, — его голос сорвался. — мертва. Просто мертва. И это твоя вина. Я клянусь Богом, я порву тебя на маленькие кусочки, если ты не скажешь мне, что она сказала тебе.

— Меня обвиняли в ее изнасиловании, помнишь? — голос Райфа едва не выдал его. — Так почему бы ей бежать сюда? Это не имеет смысла.

Господи, он такой умный, и за это я полюбила его еще больше. Зак не может спорить с ним, потому что он просто выдаст себя.

— Тогда почему ее машину вытащили из реки, вниз по ебаному шоссе? — закричал он.

— Я не знаю.

— Я не уйду без нее, — Зак подавился. — Я не уйду.

— Да ладно, мужик, — голос Райфа запнулся, и я вся напряглась. Что-то испугало его. — Опустит пистолет вниз.

Я ахнула, а затем ударила руками по своему рту, но было слишком поздно. Звук эхом разошелся, словно сирена, и я была уверена, Зак услышал его.

— Попроси свою знакомую спустится вниз.

— Это только между мной и тобой, — сказал Райф. — Я едва ее знаю. Она не должна быть частью этого.

— Спускайся вниз! — прокричал Зак.

Я споткнулась вниз по лестнице, мои ноги сильно дрожали, Райф остановил меня от того, чтобы я проехала по лестнице. Он спрятал меня за спину, но я все же увидела, как глаза Зака округлились.

— Какого черта? — он указал пистолетом в сторону Райфа. — Лэкс?

— Иди домой, — сказала я ему, ненавидя то, как мой голос звучал. — Я позвонила в полицию. Они... Они скоро будут здесь, — эта была ложь, Райф знал это, так как у меня не было телефона, и я уверена, что Зак тоже догадался об этом, из-за того как мой голос дрожал.

— Невероятно, — смех Зака заставил меня съежиться. — Думаешь мне не похуй на копов?

Райф напрягся, словно струна, и я волновалась, так как Зак мог выстрелить в любую секунду, но он завел руку за спину и взял мою, будто я могла успокоить его.

— Что ты хочешь, Зак? — спросил он.

— Видеть тебя мертвым.

Я подавила ком в горе и крепче сжала руку Райфа.

— Пожалуйста, оставь нас в покое.

Зак указал пистолетом на меня.

— Выйди оттуда.

— Н... нет.

Спина Райфа напряглась, и его пальцы сжали мои.

— Сейчас же! — Зак пошатнулся вперед. — Выйди, или клянусь Богом, я выстрелю в него.

Рыдания вырвались наружу, так как я услышала правду в его словах. Даже если они ничего не значат, пистолет все еще присутствовал. Он был слишком близко, он не допустит прямого выстрела, чтобы выстрелить и ранить или убить его. Я отодвинулась от Райфа, но он не отпустил моей руки.

— Не трогай ее. Ты хочешь выстрелить в меня, давай же, но ты не коснёшься ее.

— Не испытывай меня, — прорычал Зак, поднимая пистолет.

Я вырвалась и бросилась к Заку, сжимая его плечи, а дуло пистолета было нацелено на мою грудь.

— Я здесь, не трогай его.

— Что ты творишь? — закричал Райф.

— Назад, — предупредил Зак. — Не заставляй меня ранить ее.

Я не могла видеть реакцию Райфа, но губы Зака изогнулись в опасную линию.

— Ты трахалась с ним?

— Зак, — умоляла я, избегая его злого взгляда.

Он грубо тряхнул меня свободной рукой.

— Отвечай на вопрос!

— Да.

Он плюнул в меня, и я подавила желание отступить назад, когда вытирала свою щеку рукавом. Он только показал свою слабость. Пока я стояла между Заком и Райфом, он не мог выстрелить в него. Каким-то образом я должна забрать у него пистолет.

— Почему, Лэкс? Почему ты не можешь любить меня так, как я тебя люблю.

— Если ты любишь меня, ты успокоишься и подумаешь над тем, что ты творишь, — мои слова, видимо, оказали должный эффект. Он выдохнул, и я почувствовала, как пистолет опустился на несколько дюймов вниз по моей груди.

— Конечно же, я люблю тебя, детка. Я единственный, кто любит тебя. Он просто ошибка природы, — он попытался оттолкнуть меня, но я вцепилась в его пиджак.

— Давай уйдем, — сказала я. — Прямо сейчас. Мы уедем далеко отсюда, только ты и я, — я провела рукой вниз по его груди, словно лаская, при этом скрывая истинную цель своего движения — пистолет.

Райф резко дернул меня назад, прежде чем я приблизилась к оружию, и прикрыл меня своим телом.

— Блядь, нет. Ты и шагу не сделаешь отсюда с ним, — удерживая мою руку, он махнул в сторону пистолета. — Почему бы тебе не положить пистолет и драться со мной, как мы привыкли делать это раньше, или ты уже слишком слабый, чтобы осилить меня?

С рычанием, Зак спрятал пистолет за пояс.

— Ну, давай же, мудака. Я даже во сне с тобой справлюсь.

Без пистолета Зак не представлял никакой угрозы, у Райфа не будет проблем, чтобы справиться с ним.

— Ты не был заперт в одной камере с закоренелыми преступниками, — сказал Райф, когда двинулся к моему брату, его рука выскользнула из моей. — Я собираюсь порвать тебя за то, что ты сделал со мной, за то, что ты изнасиловал собственную сестру, ты больной ублюдок, — он повел плечами, став в широкую позицию и сжав кулаки.

Я отпрыгнула назад и закрыла рот ладонью, когда он ударил Зака. Он схватил его и ударил свои коленом, раз, два, три, пока Зак не упал на колени. Что-то коварное выпустил Райф на свободу, и это испугало меня до смерти. Я никогда не видела его таким помешанным. Он бил Зака своей раненой рукой, но даже это не останавливало его.

Зак перехватил последующие удары и схватил Райфа за шею. Я закричала, мое сердце ушло в пятки, когда я смотрела, как они борются на смерть. Это была битва не за какую-то награду. Это была битва за жизнь. Райфа, мою, даже Зака.

Зак схватил Райфа в удушающий захват, но мой брат был сильно одержим, поэтому не собирался отпускать его. Лицо Райфа побледнело, глаза закатились, и я узнала ту пылающую остроту в воздухе, я уверена, что у меня было такое же выражение лица, когда он душил меня. Зак, в отличие от него, не остановится на бессознательном состоянии. Он убьет его, и даже поток алкоголя в крови не будет ему препятствием.

— Прекрати! — я кинулась ему на спину, отчаянно пытаюсь, дотянуться до рукоятки пистолета. Я обвила пальцы вокруг ствола и отпрыгнула назад, на безопасное расстояние и дрожащими руками я направила его на голову Зака. — Отпусти его! — я надеялась, что он услышит металл в моем голосе, чтобы понять, как серьезно я была настроена, потому что если бы я могла выбирать между Райфом и Заком, я бы выбрала Райфа. — Сейчас же! — закричала я, держа палец на спусковом крючке. — Ты же знаешь, что отец учил меня стрелять. Я не упущу такой

возможности.

Зак нахмурился, но все же отпустил безвольное тело Райфа на пол.

— Ты не выстрелишь в меня.

Я выстрелила мимо его плеча, благодаря моего отца за все те времена, когда он брал меня с собой. Зак поднял руки и попятился назад. Райф начал приходить в себя, и сел на колени. Мое внимание на секунду отвлеклось от Зака, но ему хватило этого, чтобы убежать сквозь парадную дверь.

Райф поднялся на ноги, его дыхание было быстрым и тяжелым.

— Отдай мне пистолет.

Последствия нападения моего брата обрушились на меня, и пистолет повис у меня в руке.

— Я... я.

— Давай, отдай его мне. Он ушел.

Надолго ли?

Райф забрал пистолет, и обвил меня рукой.

— Я заберу тебя отсюда.

— Куда мы поедем? — конечно, я знала, но даже мой братец в бегах и он представлял огромную угрозу. Я не могла сдержать панику только от одной мысли, чтобы уйти. — Я не могу.

Я прижалась к его телу, мое сердце билось так быстро, что я думала, оно выпрыгнет из груди.

— Нет, пожалуйста, давай просто вызовем копов, — и как только слова слетели с моего языка, я поняла, что он не может. Когда они приедут, остров и весь дом станет местом преступления. Они найдут тюрьму в подвале, и начнут задавать вопросы, а именно, почему тот, кто должен быть мертвым все еще живой. Я изо всех сил противилась, когда он выталкивал меня из дома, вниз на крыльцо, от пары шагов к воде.

— Ты нужна мне в безопасности, — сказал он. — Потому что я собираюсь убить его.

Я упиралась пятками, голые ноги скользили по грязи и камням.

— Ты не можешь. Ты не убийца, Райф, — он был склонен к чувству вины. Я видела это. — Это уничтожит тебя.

Он взял меня на руки, и перекинул чрез плечо, и я билась, царапалась, кричала... и все это, по ходу, не действовало на него, когда он подошел к кромке воды.

— Я делаю это ради тебя.

Я закричала, становясь беспомощной, когда он посадил меня в лодку. Вода пугала меня, и когда он отматывал веревку от якоря, это буквально разбило меня пополам. — Пойдем со мной, Райф! Пожалуйста... — я начала выть, ничего не оставалось, как уехать с острова. От него.

— Алекс! — позвал он, когда заметил другую лодку, Зака, как я поняла. Она плыла по направлению, что и моя. — Ты остановишься немного вверху по течению. Успокойся. Я найду тебя.

Я кивнула и зажмурилась. Я не могла говорить.

— Он не ранит тебя больше. Не тогда, когда я... — громкий выстрел разрезал воздух и я открыла глаза.

Я поднялась на колени, и увидела, как он боролся с Заком за пистолет. Положив обе руки на сердце, я прокричала имя Райфа. И я кричала, кричала и кричала, когда они повалились на землю, и Зак ударил его камнем по голове. Райф перестал сопротивляться.

Он не двигался. Все перед моим глазами расплылось, когда Зак встал на колени, а потом вовсе поднялся. Он отступил назад, покачиваясь, и направил пистолет на неподвижное тело Райфа.

ОГосподиОГосподиОГосподи...

Я кричала ему, чтобы он остановился, но мой голос надломился, когда сильный звук разошелся эхом по горам. Я почти упала в воду, моля, умоляя Райфа встать, но Зак лишь пнул его тело в реку.

Мой рот открылся, но я не могла вымолвить ни звука. Это все не на самом деле. Этот звук издала какая-то машина, врезающаяся во что-то на шоссе, или кто-то тестировал свои нелегальные салюты оставшиеся с 4-го июля. В любую секунду Райф очнется и начнет выбивать все дерьмо из Зака.

Но он не вынырнул.

Зак прыгнул в воду, и направился прямо ко мне, с хитрой улыбкой и скоростью акулы. И я не могла ничего сделать, чтобы спасти себя. Вода плескалась вокруг лодки, парализуя меня. Мой страх держал меня в ловушке, делал меня заложником внутри самой себя, и Райф...

Он не поднялся, не дышал и не нырял за Заком.

Мое сердце сломалось пополам, а потом разбилось на маленькие кусочки, и я не хотела узнавать вой агонии, что струился по моему телу. Зак залез в лодку, его промокшая одежда тянула его вниз, и он навис рукой над моим ртом. Я начала извиваться, когда он схватил меня за горло. Я боролась с ним всем своим телом, а мой взгляд заикнулся на том месте, где Райф ушел под воду. Мне хотелось скользнуть в глубину вместе с ним, исчезнуть там. Я не хочу жить, когда он мертв.

Свет от фар скользил по шоссе, словно парочка светлячков, моргая в моей голове, а ночь сужалась надо мной, в то время как все еще пустая гладь реки прожигала мой разум.

Двадцать первая глава

Пропасть

Райф

Я резко очнулся, я был где-то глубоко в ледяной воде. Я начал брыкаться, своими слабыми и в тот момент бесполезными ногами, и наконец-то всплыл на поверхность. Задыхаясь, я вылез на сушу, руки тряслись, легкие выталкивали из себя воду, я кашлял, пока меня не стошнило. Я перевернулся на спину, и рана на голове дала о себе знать. Так же, как и сильное жжение в левом плече. Мокрая и колючая трава обволакивала мое тело, и я застонал, когда провел пальцами по черепу. Я отдернул руку и вздрогнул, когда взглянул на нее. Слишком много крови.

Начав бесконтрольно трястись, мое сердце участило свое биение, когда я попытался сесть, но я так и не смог оторвать себя от земли. Звезды будто отдалялись от меня, будто они знали, что я высасываю их энергию. Мне показалось, что я услышал чей-то крик, и этот истерический вскрик стянул мои внутренности. Что, блядь, со мной случилось? Я узнал остров отца, но почему я растянулся на нем, больной и кровоточащий, я не знаю. Еще один крик разрезал воздух, и резко прекратился. Кто-то был в беде, нуждался в помощи, но я так и не мог сдвинуться с места... не мог остаться... проснуться.

Кто-то поднял меня, и потом положил в лодку. Его голос продолжал говорить со мной, говорил мне держаться.

Почти на месте, чувак.

Почти где?

Гудок завопил, шины завизжали и безумные голоса обменивались бессмысленными словами, потому что все было бессмысленно. Ничего из этого не имело смысла. Где я?

Кто-то нуждается в помощи?

Резкая боль пронзила мою грудь от этой мысли. Я был недостойной, садисткой задницей, которая делала ужасные вещи... но с кем? И почему я так делал... что я сделал? Почему, пытаюсь хоть что-то вспомнить, моя голова начинала пульсировать словно барабан, по которому стучали жесткими палочками, что приносило невероятную боль? Я чувствовал каждый этот удар в моих зубах.

Руки схватили мое тело и подняли, перекидывая меня на что-то холодное, жесткое и бугристое. Мотор завелся. Я застонал, когда покатился, хоть рука удерживала меня, как и нога, вытянутая на моей стороне.

Яркий свет разбудил меня, сжигая мои глаза и заставляя биться у меня в висках, который следовал с ритмичным писком, что уловили мои уши. Я потер глаза и оглядел комнату. Какого черта? Неужели я проиграл бой и меня так изрядно побили, что я нуждался в госпитализации?

Почему я не могу вспомнить?

Слева от меня кто-то двинулся, и я обнаружил парня, лежащего на кресле, его темные волосы были запутаны, а на лице были все признаки усталости.

— Думал, я потерял тебя, мужик.

Я моргнул. Это ошибка. Он, наверное, ошибся комнатой или перепутал меня с кем-то.

Я закрыл глаза, но, когда открыл их, он все еще пялился на меня, ожидая ответа.

— Почему ты все еще здесь?

— Серьезно? Мы с тобой в одном бою и именно так ты собираешься его играть? — он убрал волосы с карих глаз. — Холодно. Если бы я не вернулся, ты бы умер от потери крови. Счастливый сукин сын! Это был четкий удар, поэтому никаких серьезных повреждений.

Я опять моргнул, такое чувство, будто я пропустил половину своей жизни.

— Я не помню. Как долго я нахожусь здесь?

— Ты пролежал здесь три дня. Немного сложно было определить. Ты потерял много крови и неизвестно, сколько пролежал без кислорода.

Какого черта? Никто еще не душил меня. Ни разу. Это я душил моих оппонентов.

— Должно быть какой-то бой.

Он понял бровь.

— Это еще мягко сказано. Никто не может соединить воедино то, что произошло, — он тяжело посмотрел на меня и потом понизил голос. — И это отлично, с того времени как сам-знаешь-кто исчез, хотя я бы сам с удовольствием сделал это.

— О чем ты говоришь?

— Ладно, я предполагаю, что ты отпустил ее? Потому что никаких следов ее пребывания там нет. Я сказал, что нашел тебя на шоссе, поэтому остров безопасен. Копы не прочесывали его, — он вздохнул. — Так что же ты помнишь? Потому что, блядь, Райф, я не имею ни малейшего понятия о том, что там произошло.

Я продолжал изучать этого татуированного парня, и до сих пор не имел ни малейшего представления, о чем он говорит, он вел себя так, словно знал меня.

— Эм, я помню, что виделся с Никки ночью, — черт, эта девочка умела меня ублажать. Мой член дернулся, когда я вспомнил, как она оседлала меня.

— Как сильно тебя ударили по голове? Никки появлялась пару месяцев назад и после этого не звонила, — он запустил руку в волосы. — Я знал, на что иду, ввязываясь в это, но должен сказать — эти несколько дней были самыми ужасными.

— Что? — он что, специально говорил загадками? Я трахал Никки всю ночь, после того, как мы с Заком боролись. Я был близок к тому, чтобы выиграть титул, мою мечту биться в чемпионате по боям без правил, и это была реальная возможность. Что касается остального, что этот парень говорил, это не имело никакого смысла, как и его присутствие.

Я оглядел комнату и попытался выяснить, чего не хватает. Простые белые стены, стандартное больничное оборудование и этот ебанный писк, что пульсировал у меня в голове. Но кто-то отсутствовал.

— Где мой отец? — я не удивился, что мой братец не появился. Он всегда был слишком занят, тем более он не одобрял мою карьеру, но отец бы был здесь самым первым.

Этот парень прищурится.

— Что-то не так... — он вскочил на ноги и нажал кнопку вызова врача.

— Что ты творишь?

— Вызываю помощь, потому что ты ведешь себя не так, как это тебе свойственно.

— Мужик,— сказал я. — Откуда ты знаешь? Я даже, блядь, не знаю кто ты. Без обид.

Он рухнул в кресло, широко распахнув глаза, его паника напугала меня, и я не знал почему.

— Это не смешно, — сказал он. — Кончай пороть чушь!

Я потряс головой.

— Seriously, кто ты такой?

Он провел рукой по своим волосам. Три раза. Должно быть нервный тик.

— Этого не могло случиться, — его взгляд впился в меня. — Кто президент?

— Чемпионата по боям без правил?

— Нет! Ебанных Соединенных Штатов Америки.

Я нахмурил брови.

— Буш, а что?

— Черт, — сказал он, и потом уронил голову в свои руки. Пару секунд спустя, он посмотрел на меня. — Какой сейчас год?

— 2006. Что за херня происходит?

— Ты пропустил восемь лет своей жизни, мужик. Вот что происходит.